

АНТОЛОГИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Б. В. Волженкин

ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ

Антология юридической науки

Борис Волженкин
Избранные труды

«Юридический центр»

2008

ББК 67.408

Волженкин Б. В.

Избранные труды / Б. В. Волженкин — «Юридический центр»,
2008 — (Антология юридической науки)

В сборник избранных трудов одного из видных теоретиков в области уголовного права Б. В. Волженкина вошли научные работы, начиная от авторефератов диссертаций до отдельных работ монографического характера, теоретические положения которых остаются актуальными и представляющими интерес для современного читателя. Все работы приводятся с современными комментариями. Книга предназначена для студентов и аспирантов, изучающих уголовное право, преподавателей, работников следствия, прокуратуры и суда, а также для всех интересующихся вопросами уголовного права и экономическими правонарушениями.

ББК 67.408

Содержание

О своей научной работе (вместо предисловия)	6
Раздел 1	10
Общественная опасность преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву	10
Основание уголовной ответственности и общественная опасность преступника	22
§ 1. Понятие и обоснование уголовной ответственности	22
§ 2. Понятие общественной опасности преступника. Характер и степень общественной опасности преступника	41
§ 3. Состав преступления как основание уголовной ответственности и общественная опасность преступника	65
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Б. В. Волженкин
Избранные труды по уголовному
праву и криминологии (1963–2007 гг.)

© Б. В. Волженкин, 2008

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008

О своей научной работе (вместо предисловия)

С первого курса обучения на юридическом факультете Ленинградского государственного университета я начал посещать кружок уголовного права, которым руководила Нина Семеновна Лейкина. Было подготовлено несколько докладов, один из которых о соотношении специального и общего предупреждения был позднее опубликован в сборнике студенческих работ. Дипломную работу я назвал «Преступление и наказание» вовсе не из подражания Ф. М. Достоевскому. Помню, что работа начиналась фрагментом из повести А. Н. Толстого «Гадюка», где героиня повести, прошедшая через кошмары революции и гражданской войны, доведенная до отчаяния, начинает стрелять в толпу издевающихся над ней соседей по коммунальной квартире. «Совершено преступление, – писал я. – Как же суд будет назначать наказание? Что он будет при этом учитывать?». Именно в этом на достаточно примитивном уровне дипломной работы я пытался разобраться.

Поэтому, когда после окончания университета в 1960 г. я был принят в очную аспирантуру по кафедре уголовного права и моим научным руководителем был назначен Михаил Давидович Шаргородский, тему диссертационного исследования я определил, как общественная опасность личности преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания.

Первые мои научные публикации посвящены именно этой проблематике. Должен признаться, что мне и сейчас нравится моя кандидатская работа. Пожалуй, это одна из лучших, если вообще не лучшая, моя научная работа. Основное ее достоинство, на мой взгляд, что в ней представлена достаточно стройная и завершенная концепция по исследуемому вопросу. Работа над диссертацией потребовала основательного изучения философской литературы, особенно по проблеме детерминации поведения, литературы по психологии личности, трудов дореволюционных российских ученых и советских ученых особенно периода 20-х годов, когда проблематика общественной опасности личности была довольно популярной, доступной в то время иностранной литературы. Диссертация была успешно защищена в январе 1965 г.

В связи с данной диссертацией хорошо помню такой эпизод. Примерно за полгода до защиты диссертации в 4-м номере журнала «Советское государство и право» была опубликована статья профессора Игоря Ивановича Карпеца, только что назначенного директором Всесоюзного научно-исследовательского института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, «О некоторых вопросах методологии в уголовном праве и криминологических исследованиях». Дав в целом положительную оценку проводимым в стране уголовно-правовым и криминологическим исследованиям, И. И. Карпец подверг критике некоторые положения, содержащиеся в работах известных ученых профессоров А. Б. Сахарова и И. С. Ноя, а также в статье аспиранта Б. В. Волженкина «Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности». Это была единственная к тому времени моя опубликованная работа. «Наконец, – писал И. И. Карпец, – имеют место неправильные тенденции и в определении понятия общественной опасности личности правонарушителя. Так, Б. В. Волженкин в статье, опубликованной в журнале «Правоведение», поставил ряд интересных вопросов и правильно разрешил их. Но обоснованно критикуя тех авторов, которые считают общественную опасность личности составной частью уголовной ответственности, он следующим образом формулирует понятие общественной опасности преступника: «Общественная опасность лица, совершившего преступление, заключается в возможности совершения им нового преступления». Разбору этого тезиса И. И. Карпец посвятил почти целую журнальную страницу, а затем сделал вывод: «Определение общественной опасности преступника, прямолинейно обращенное в будущее, очень похоже на теорию «опасного состояния», откуда нетрудно свернуть и на дорогу к «превентивному уголовному праву» (см.: Советское государство и право. 1964. № 4. С. 100–101).

С одной стороны, внимание известного ученого льстило, но в то же время тревожило, поскольку упрек в методологической порочности в то время был самым страшным. Поэтому, когда встал вопрос об официальных оппонентах, я предложил пригласить в качестве первого оппонента профессора И. И. Карпеца. Логика была проста: зачем ждать его реакцию после состоявшейся защиты; лучше уж ответить оппоненту сразу и попытаться обосновать правильность предложенной в диссертации концепции. Михаил Давидович Шаргородский с этим согласился. Выступивший на защите Игорь Иванович Карпец подтвердил свое несогласие с рядом концептуальных положений диссертационной работы, но в целом дал ей высокую оценку.

В те годы издавалось крайне мало монографических работ по юриспруденции, поэтому публикация диссертации была практически невозможна. В настоящее издание я включил без каких-либо поправок и изъятий, в том числе конъюнктурного характера, вторую главу диссертации. Конечно, современному читателю некоторые положения покажутся наивными. Удивит его и достаточно частое упоминание работ, как мы тогда говорили, «классиков марксизма-ленинизма» и документов партийных съездов, но таковы были правила. В целом же изложенная в диссертации концепция представляется мне по-прежнему правильной и, возможно, некоторые ее положения представляют интерес и сегодня.

В 1963 г., по окончании обучения в аспирантуре, я был принят на работу прокурором отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел прокуратуры г. Ленинграда. Отдел возглавлял опытный прокурор Александр Петрович Бороданков, а курировал работу отдела заместитель прокурора города Сергей Григорьевич Аверьянов. Три года оперативной прокурорской работы дали мне очень много. Практически сразу же я был направлен в кассационную коллегия Ленинградского городского суда, где как прокурор давал заключение по поступавшим в коллегия уголовным делам самых разных категорий.

Когда в 1966 г. в Ленинграде открылся Институт усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и Министерства охраны общественного порядка (впоследствии Институт повышения квалификации прокурорско-следственных работников, Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ), я предложил свои услуги директору института Александру Петровичу Филиппову и был принят преподавателем на кафедру уголовного права и процесса, которой руководила Людмила Аркадьевна Андреева. В этом институте я проработал тридцать три года.

Первоначально на кафедре было два штатных специалиста в области уголовного права. Л. А. Андрееву интересовали проблемы преступлений против личности, а мне было поручено читать лекции по вопросам квалификации хищений, должностных преступлений, хулиганства и т. д., а также по криминологии. Работа в институте была очень интересной и творческой. Заместитель директора по учебной и научной работе Александр Алексеевич Любавин требовал, чтобы все преподаватели института занимались научной работой. Была поставлена задача обеспечить читаемые лекционные курсы и практические занятия своими учебными пособиями, подготовленными с учетом потребностей практики. Весьма полезным было общение со слушателями Института – следователями и прокурорами, которые постоянно ставили перед преподавателями острые практические вопросы и требовали на них конкретные ответы. В результате мной лично и в соавторстве было подготовлено несколько учебных пособий и довольно много научных статей по вопросам квалификации хищений социалистического имущества, краж, грабежей и разбоев, взяточничества, хулиганства, которые в основном публиковались в журналах «Социалистическая законность», «Советская юстиция», а также в издаваемом институтом сборнике «Вопросы совершенствования предварительного следствия». Некоторые из этих работ включены в настоящий том.

Специфика работы в институте привела к тому, что я постепенно отошел от интересовавших меня ранее общих проблем уголовного права и криминологии и сосредоточился на кон-

кретике – проблемах. Особенной части уголовного права, вопросах квалификации преступлений и, в первую очередь, коррупционных преступлений.

Вторая половина 80-х – начало 90-х годов XX века – важный и сложный период в истории страны. Рушится система командно-административного, тоталитарного социализма, принимаются первые «рыночные» законы, происходит демократизация общества. Возникает в связи с этим необходимость в реформировании уголовного права. Мне, как специалисту, много занимавшемуся проблемами преступлений по службе, становится очевидной необходимость формирования новой концепции ответственности за должностные (служебные) преступления. Свои соображения по этому поводу я изложил, в частности, в статье «К вопросу о понятии должностного лица как субъекта должностного преступления» (Советское государство и право. 1991. № 11) и в ряде других публикаций того времени.

Весной 1991 г. при Министерстве юстиции России, которое тогда возглавляли Н. В. Федоров, была создана рабочая группа по подготовке проекта нового Уголовного кодекса страны. Думаю, что руководители группы, приглашая меня, имели в виду работу над проектом главы о служебных преступлениях, однако, когда происходило распределение тем, то, поскольку желающих не было, наряду со служебными преступлениями, мне предложили разработать и проект главы об экономических (хозяйственных) преступлениях, которыми до этого я почти не занимался. Отказываться было неудобно, и с тех пор это направление стало одним из ведущих в моей научной деятельности.

Проект Уголовного кодекса был подготовлен, однако по ряду объективных и субъективных причин, о которых достаточно подробно впоследствии написала Нинель Федоровна Кузнецова, Верховный Совет РФ не стал рассматривать этот Проект, хотя он был представлен Президентом, а образовал свою рабочую группу, которая, безусловно, и я не вижу в этом ничего зазорного, воспользовалась и нашими наработками, поскольку наш проект УК был дважды опубликован.

В октябре 1991 г. на основе своих предыдущих работ я защитил в Москве докторскую диссертацию в форме научного доклада по теме «Корыстные злоупотребления по службе (хищения, взяточничество, злоупотребление служебным положением): уголовно-правовая характеристики и проблемы квалификации».

В 1992 г. мне предложили возглавить рабочую группу, созданную при Верховном Совете РФ, по разработке проекта Закона «О борьбе с коррупцией». Проект Закона был подготовлен, но его, как и все последующие варианты проекта данного Закона, разрабатывавшиеся уже без моего участия, постигла незавидная участь. Как известно, в силу имеющейся у данного законопроекта оппозиции, базовый закон о борьбе с коррупцией в Российской Федерации до сих пор отсутствует. Читатель может составить некоторое представление об основных идеях нашего проекта Закона «О борьбе с коррупцией», ознакомившись со статьей «О дифференциации ответственности за коррупционные правонарушения», включенной в настоящий сборник.

Еще одна работа, которой мне было доверено руководить в середине 90-х годов, – это подготовка Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ. В феврале 1996 г. Модельный уголовный кодекс был принят Межпарламентской Ассамблеей СНГ. В этом рекомендательном правовом акте удалось закрепить некоторые научные идеи. Можно констатировать, что Модельный уголовный кодекс оказал заметное влияние на формирование уголовного законодательства многих новых государств, образовавшихся на постсоветском пространстве.

Судя по последующим откликам не осталась незамеченной статья «Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений», опубликованная в 1998 г. в журнале «Законность», где я обосновывал необходимость отказа в уголовном законодательстве от такого вида множественности преступлений как неоднократность. Эта идея была реализована в статьях Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ, а после приня-

тия Федерального закона № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. – и в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Следует отметить и работу, которая в 1997–1998 гг. была проведена Санкт-Петербургским юридическим институтом совместно с коллегами из Центра международного юридического сотрудничества и Института восточноевропейского права (г. Лейден, Нидерланды), итогом которой стал выпуск под моим научным редактированием серии «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе», состоящей из двадцати брошюр. Лично мной для этой серии были подготовлены работы: «Коррупция», «Отмывание денег», «Мошенничество», «Уголовная ответственность юридических лиц».

Последние годы я работаю профессором кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета. Основное внимание в научной работе приходится уделять подготовке учебников и комментариев уголовного законодательства. Хотелось бы отметить две крупные работы, подготовленные в эти годы. В 2005 г. издательство «Юридический центр Пресс» опубликовало мою работу «Служебные преступления. Комментарий законодательства и судебной практики» (35,5 п. л.), а в 2007 г. этим же издательством выпущена монография «Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному законодательству России».

В настоящем томе, в четырех его разделах, представлена часть моих научных работ, начиная от авторефератов диссертаций до отдельных работ монографического характера. Все работы приводятся без каких-либо купюр, именно в том виде, в котором они были когда-то опубликованы. В ряде случаев я счел нужным сопроводить публикацию современным комментарием.

Хотелось бы думать, что ознакомление с материалами настоящего сборника будет интересным для читателя.

Б. В. Волженкин

Раздел 1

Диссертации

Общественная опасность преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву

Автореферат диссертации на соискание

ученой степени кандидата юридических наук¹

Программа Коммунистической партии Советского Союза, наметив грандиозный план создания материально-технической базы коммунизма, развития на этой основе коммунистических общественных отношений и воспитания нового человека, с закономерностью поставила задачу окончательного уничтожения преступности, ликвидации ее как социального явления. «В обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности... Рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся создает все условия для того, чтобы искоренить преступность, в конечном счете заменить меры уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания».² Важную, хотя и вспомогательную, роль в борьбе с преступностью играет советское уголовное право и, в частности, применение мер уголовного наказания к лицам, совершившим преступления.

Советская юридическая наука разоблачает реакционные концепции буржуазных социологов и криминологов, которые основанием уголовной ответственности признают по сути дела не конкретное преступное деяние, предусмотренное уголовным законом, а «опасное состояние» индивида, наличие у него отрицательных биологических, психологических и социальных качеств. Подобные концепции в их реализации естественно приводят к разрушению буржуазной законности, нарушениям демократических прав граждан, полному произволу в осуществлении репрессивной карательной деятельности.

В советской уголовно-правовой доктрине и законодательстве основанием уголовной ответственности признается лишь виновное совершение общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Если лицо не совершило преступления, то никакие отрицательные его качества и особенности не могут обосновать возникновение уголовной ответственности. Этот демократический принцип способствует дальнейшему укреплению социалистической законности и охране прав советских граждан, на необходимость чего указано в Программе КПСС.

В то же время советское уголовное право рассматривает преступление не как выхолощенное, чисто юридическое понятие, лишённое живого конкретного содержания, а как акт поведения, социально опасное деяние, виновно совершенное конкретным индивидом со своими собственными ему характером, мировоззрением и психофизическими чертами. По советскому уголовному праву деяние и деятель рассматриваются в их единстве: преступление есть общественно опасное деяние, совершенное общественно опасным субъектом.

¹ Защита диссертации состоялась 25 января 1965 г. на заседании Ученого совета Юридического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. Официальные оппоненты: Доктор юридических наук профессор И. И. Карпец, кандидат юридических наук Л. А. Андреева.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза. Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, М., 1961, стр. 400.

«В условиях социализма каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к полезной деятельности», – говорится в Программе партии.³ Советский суд, назначая наказание, стремится к тому, чтобы оно служило средством исправления и перевоспитания осужденных, предупреждения совершения новых преступлений как ими самими, так и другими неустойчивыми членами общества. В соответствии с этим закон обязывает суды в каждом конкретном случае тщательно исследовать все обстоятельства дела, выяснить личность преступника, мотивы совершения им преступления и степень его общественной опасности.

В свете подобных задач становится ясным то огромное значение, которое имеет проблема личности преступника, и, в частности, общественной опасности преступника в уголовном праве. Между тем в целом, в комплексе вопросов проблема общественной опасности преступника не была еще предметом самостоятельного исследования в советской уголовно-правовой литературе.

В настоящей диссертации рассматривается комплекс вопросов, связанных с проблемой общественной опасности преступника. Автор полагает, что теоретическая разработка таких вопросов, как понятие и критерии общественной опасности преступника, значение этой опасности для уголовной ответственности и при индивидуализации наказания, имеет весьма важное практическое значение для укрепления социалистической законности и эффективной борьбы с преступностью. Раскрытие понятия общественной опасности преступника необходимо для уяснения основания уголовной ответственности по советскому праву. Раскрытие понятия общественной опасности преступника необходимо далее для организации справедливой, гуманной и целесообразной уголовной репрессии. Актуальность разработки этой проблемы еще более возрастает в настоящее время в связи с развитием системы мер общественного воздействия, применяемых к лицам, совершившим преступления.

Большое внимание в диссертации уделяется критике современных концепций буржуазных авторов по ряду вопросов, затрагиваемых в работе.

Для написания диссертации основой послужили положения классиков марксизма-ленинизма, Программа КПСС и решения руководящих органов Коммунистической партии Советского Союза. В работе использованы материалы обобщений и судебно-прокурорской практики, а также литература по различным вопросам философии, психологии, психиатрии и юридическая литература.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

* * *

В первой главе «Преступление и личность» рассматривается вопрос о роли личностных особенностей субъекта при совершении антиобщественного преступного деяния.

Преступность есть социальное, а не биологическое явление. В период развернутого строительства коммунизма, когда упрочилось морально-политическое единство трудящихся, когда государство превратилось в орган выражения воли и интересов всего народа, преступными признаются деяния, опасные для интересов всего советского народа. Каждое преступление представляет собой конкретный акт общественно опасного виновного поведения конкретной личности.

Марксизм установил, что человек есть не только продукт природы, но и продукт общественного развития, звено в системе общественных отношений. По своей сущности личность, реальный действующий субъект представляет собой индивидуальное бытие общественных отношений. Личностные особенности конкретного человека являются единичным выраже-

³ Материалы XXII съезда КПСС, стр. 400.

нием общих законов общественного развития и тех особенных конкретно-исторических условий, в которых осуществляется жизненный путь определенного индивида⁴

«Общественные отношения, отражающиеся в отношениях отдельного человека, как в системе временных связей, составляют содержание личности человека».⁵ Субъект не рождается с готовыми, уже сложившимися и заранее предопределенными характером, мировоззрением, моральными взглядами, задатками нравственного или безнравственного поведения, а, напротив, формируется как личность, с самого своего рождения вступая сперва неосознанно, а потом сознательно в определенные отношения с другими людьми. В ходе жизнедеятельности, в процессе воспитания в широком значении этого слова формируется определенная система отношений человека к окружающей действительности, его характер и мировоззрение, которые выражаются в потребностях, идеалах, установках, взглядах, навыках и привычках, в личных интересах данного человека. Определяющими для человека являются его отношения к обществу, коллективу, другим людям. Психические особенности личности являются своеобразной формой ее общественного содержания.

В сферу правовой ответственности личность вступает только через свое поведение. Только через деятельность человек объективирует сложившиеся у него потребности и установки, выражает свои личные интересы.

Человек не автомат, не рефлекторная машина, не пассивное, только лишь созерцательное существо, но вместе с тем он и не абстрактный, свободный от детерминирующего воздействия окружающей среды субъект. Человек есть живой мыслящий субъект, детерминированный в своих отношениях с действительностью, который способен не только осознавать свои действия, но и руководить ими в процессе достижения поставленной цели.

Согласно диалектико-материалистической концепции поведение человека детерминировано, причем в процессе детерминации участвует и сама личность действующего субъекта. Только через конкретного субъекта сказываются в преступном поведении все факторы, создающие объективную возможность совершения преступлений в данном обществе, и обстоятельства, условия непосредственной обстановки, в которой находится данный человек.

В процессе общественной жизнедеятельности человека формируются его взгляды, принципы, представления о своих интересах, определенное мировоззрение, сознание долга, вследствие чего возникшее побуждение к действию не автоматически переходит в само действие. Человек способен анализировать действительность, соотносить побуждение к действию с внешними условиями, ситуацией, а также с внутренними морально-психологическими установками и существующими правовыми и нравственными нормами и поведения и тем самым на основе своих внутренних социальных качеств выбирать тот или иной вариант поведения из числа объективно возможных вариантов. При одних и тех же обстоятельствах разные люди поступают по-разному в зависимости от своих взглядов, установок, привычек, нравственных принципов и т. д. Внешние воздействия и внутренние импульсы опосредствуются общественным содержанием личности. Личность на основе свойственных ей социальных качеств самоопределяется по отношению к окружающей действительности, по отношению к требованиям закона и норм морали.

По советскому уголовному праву преступными признаются лишь виновно, умышленно или по неосторожности, совершенные общественно опасные деяния, когда лицо, совершая подобное деяние «сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их, сознательно допускало наступление этих последствий» или «предвидело возможность наступления общественно опасных

⁴ См.: С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии, изд. АН СССР. М., 1959, стр. 119–120; А. Г. Ковалев. Психология личности, Л., 1963, стр. 11–17 и др.

⁵ В. Н. Мясищев. Личность и неврозы, Л., 1960, стр. 197.

последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение, либо не предвидело возможность наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть».

Виновность лица означает, что в совершение общественно опасного деяния включилась личность субъекта преступления как разумного существа, способного правильно расценивать фактическое содержание и общественную значимость того, что он делает, включилась личность субъекта с ее внутренними особенностями, со свойственной ей системой отношений к действительности. Справедливо замечает В. Г. Макашвили, что «вина, которая выражается в психическом отношении лица к противоправно причиненному последствию, дает возможность связать совершенный поступок с внутренним миром лица и рассматривать деяние как проявление всей его личности».⁶

Признак виновности, являющийся необходимой характеристикой любого преступления, показывает, что преступное деяние, как умышленное, так и совершенное по неосторожности, в той или иной мере является следствием и выражением социальных качеств, личностных свойств индивида, его общественного лица (антиобщественная направленность или нравственная противоречивость личности).⁷ Зависимость социального поведения от субъективных особенностей человека как личности и является основанием его нравственной оценки посредством оценки поступков данного человека.

Проявлению отрицательных социальных качеств индивида в виде преступного деяния (и прежде всего в случаях совершения преступления непоследовательной, противоречивой личностью, человеком с нестойкими нравственными взглядами и установками, без твердых принципов и убеждений) в определенной степени могут способствовать его психофизические особенности.

* * *

Вторая глава диссертации – «Основание уголовной ответственности и общественная опасность преступника».

На основе рассмотренных в предыдущей главе понятия личности и диалектико-материалистической концепции поведения здесь решается вопрос о моральной и юридической ответственности человека за его поступки, раскрывается содержание понятия общественной опасности преступника и вопрос о соотношении состава преступления и общественной опасности преступника.

Требования норм социалистического права обращены непосредственно к людям, предписывая или запрещая определенное поведение, определенный образ действия, благодаря чему и производится правовая охрана социалистических общественных отношений от посягательств на них. Сущность этой охраны заключается в том, что запрет совершения посягательств, опасных для социалистических общественных отношений, сопровождается установлением санкции в виде определенных лишений и ограничений личного и имущественного характера за нарушение данного запрета и совершение подобных посягательств. В санкции за правонарушение содержится также и общественное нравственное осуждение данного поступка. Под угрозой применения этих санкций на граждан возлагается обязанность воздер-

⁶ В. Г. Макашвили. Уголовная ответственность за неосторожность, Госюриздат, М., 1957, стр. 5. См. также, например: И. С. Самощенко. Понятие правонарушения по советскому законодательству, Госюриздат, М., 1963, стр. 137; К. Ф. Тихонов. Принцип ответственности за вину, автореферат канд. диссертации. Л., 1963, стр. 13.

⁷ «Преступление, – пишет Л. Ф. Ильичев, – это концентрированное выражение того груза старых представлений и привычек, с которыми нам надо бороться не на жизнь, а на смерть». Л. Ф. Ильичев. XXII съезд КПСС и задачи идеологической работы. «XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы. Материалы Всесоюзного совещания по вопросам идеологической работы 25–28 декабря 1961 года», Госполитиздат, М., 1962, стр. 51.

живаться от совершения подобных правонарушений, удовлетворять свои личные интересы в правоприемлемой форме.

Советское уголовное законодательство охраняет советский общественный и государственный строй, социалистическую собственность, личность и права граждан и социалистический правопорядок в целом от общественно опасных преступных посягательств. Уголовный закон, определяя какие общественно опасные деяния являются преступными и устанавливая санкции – наказания, подлежащие применению к лицам, совершающим подобные преступления, тем самым порождает реальную правовую обязанность у всех лиц, могущих быть субъектами уголовной ответственности, не совершать запрещенные уголовным законом действия под угрозой применения этих санкций соответствующими государственными органами.

Из нарушения правового запрета, одной правовой обязанности, в соответствии с нормой права возникает новая правовая обязанность – отвечать за совершенное правонарушение, подвергнуться тем правовым последствиям, которые предусмотрены нормой права, установившей правовую обязанность, на случай неисполнения этой обязанности.

Совершение общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, нарушение правовой обязанности, установленной этим законом, является юридическим фактом, обуславливающим возникновение уголовного правоотношения (уголовной ответственности). Совершение преступления приводит к возникновению права государства в лице соответствующих органов применить предусмотренное законом наказание к виновному лицу и обязанности этого лица отвечать за свое поведение в уголовном порядке, т. е. обязанности лица подчиниться той мере наказания, которая установлена государством за совершение подобных преступлений. Автор считает, что понятием уголовной ответственности охватывается содержание уголовного правоотношения с упором на обязанность лица, совершившего преступление.

Уголовная ответственность – это предусмотренная уголовным законом, возникающая в случае совершения преступления правовая обязанность лица, виновного в этом преступлении, отвечать за совершенное в уголовном порядке, подчиниться той мере принуждения, которую государство в лице соответствующих органов имеет право применять за совершение подобных преступлений.

Данная правовая обязанность виновного субъекта (уголовная ответственность) возникает в момент совершения преступления и существует вне зависимости от того, что преступление может быть еще не раскрыто и его виновник не обнаружен.

Как бы на фоне, а точнее, имея в основе это единое уголовное правоотношение, осуществляется уголовно-процессуальная деятельность, направленная на установление наличия уголовной ответственности того или иного субъекта и на установление ее пределов, а также деятельность по исполнению приговора, применение наказания как реальное воплощение, реализация уголовной ответственности. Без установления наличия уголовной ответственности не может быть и речи о применении уголовного наказания.

Уголовная ответственность лица, виновно совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, обоснована тем, что совершенное преступление обусловлено в определенной (большей или меньшей) степени социальными и нравственными качествами данного лица. Человек признается ответственным за поступок, когда его поведение было свободным, т. е. когда в определенной объективной ситуации совершение данного поступка зависело от общественного лица индивида, его внутренних социальных качеств. В применении к уголовной ответственности эта необходимая связь между преступным деянием и личностью отражена в признаке виновности, который позволяет говорить, что в детерминации преступного поведения определенную роль играли социальные качества человека.

Уголовная ответственность конкретного субъекта возникает за совершение им преступного деяния, но только потому, что подобный поступок, будучи общественно опасным, в опре-

деленной мере является следствием и выражением личности данного индивида, и для того, чтобы выработать у него новые, более или менее стойкие внутренние детерминанты социального поведения, чтобы предупредить совершение им нового преступления. Подобная же цель при возложении на конкретного индивида уголовной ответственности преследуется и в отношении неустойчивых третьих лиц.

Согласно материалистической диалектике развитие идет всегда от возможности к действительности. Поскольку до того, как определенное явление стало объективной действительностью, существовала столь же объективная возможность его наступления, то до совершения каждого действительного акта поведения, в том числе и преступного, существовала возможность его совершения, имелись определенные основания данного поведения. Действительность же, действительный акт поведения представляет собой осуществленную, реализованную возможность.

Существующая объективная возможность совершения преступления определенным лицом имеет свое основание прежде всего в отрицательных и противоречивых социальных качествах данной личности, в ее направленности, в характере отношений данного индивида с другими людьми, в его личных интересах, взглядах, установках (антиобщественные взгляды и установки, нравственная противоречивость личности, нестойкость ее убеждений и нравственных навыков). Возможность будущего поведения имеет свое основание в настоящих социальных качествах личности.

Совершение преступления свидетельствует о наличии у виновного индивида стойких антиобщественных навыков, установок или об его нравственной противоречивости (при умышленных преступлениях) или о недостаточно заботливом, легкомысленном отношении к общественным интересам, к объектам, с которыми лицо соприкасается в своей деятельности при преступлениях по неосторожности). В наличии у виновного субъекта подобных качеств заключается основание возможности совершения им нового преступления.

Основным условием, придающим данной возможности характер реальной, является то, что существующие моральные и правовые детерминанты социального поведения, в том числе и угроза применения мер уголовного наказания, не выработали в сознании данного индивида достаточных сдерживающих контрмотивов, которые бы при любых обстоятельствах тормозили осуществление преступных антиобщественных стремлений и желаний и способствовали проявлению надлежащего заботливого отношения к общественным интересам. Виновное совершение общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, является доказательством наличия и указанного основания и указанного условия.

Автор считает, что после совершения преступления, как правило, существует реальная возможность совершения этим же лицом нового преступления, в чем и заключается общественная опасность преступника. Те качества, которые привели виновного субъекта к совершению преступления и которыми он характеризуется как личность сегодня, обосновывают существование реальной возможности совершения им нового преступления. Это именно возможность, но не рок, не неизбежность, не фатальная предопределенность нового преступления; задача в том и состоит, чтобы устранить эту возможность или не допустить ее реализации, добиться морального или юридического исправления преступника.

Преступление по советскому уголовному праву есть общественно опасное деяние, совершенное общественно опасным субъектом. Заключение об общественной опасности индивида является выводом из общественной опасности виновно совершенного им деяния. Общественная опасность индивида не имеет правового значения вне связи ее с опасностью преступления. В уголовно-правовом смысле общественно опасным является лишь вменяемый человек, достигший возраста уголовной ответственности, виновный в совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния. В то же время между преступлением и общественной опасностью преступника существует закономерная связь: если совершено пре-

ступление, то его виновник является общественно опасным. Совершение преступления является по советскому уголовному праву единственным, необходимым и достаточным основанием для признания виновного лица общественно опасным преступником.

Как возможность есть объективная категория, так и общественная опасность преступника представляет собой объективную реальность, не зависящую от субъективного познания ее. Органы дознания, следователь, прокурор, решая вопрос об уголовной ответственности конкретного лица, совершившего преступление, суд при вынесении приговора оценивают эту опасность, но не создают ее, а только лишь на основе объективных данных, объективных критериев устанавливают, распознают общественную опасность преступника (характер и степень этой опасности), которая существует независимо от этого исследования.

Для решения вопроса о характере общественной опасности преступника необходимо определить, какие общественные отношения, охраняемые с помощью уголовного права, могут быть объектом нового посягательства со стороны данного преступника, какого характера новое преступление может быть им совершено. Критериями для определения характера общественной опасности преступника служат объект совершенного преступления, способ его совершения, вменяемые в вину последствия и в целом мотивы преступления. Поскольку, как следует из совершенного преступления, угроза применения мер государственного принуждения не сдерживает определенные мотивы, то существует, как правило, возможность нового преступления именно по этим мотивам. Автор приводит результаты обобщений, подтверждающих эту мысль.

Так, например, были изучены уголовные дела в отношении 480 человек, осужденных по приговору за совершение ряда преступлений или за ряд эпизодов преступной деятельности, каждый из которых образует самостоятельный состав преступления. 413 человек (86 %) новые преступления совершали, исходя из тех же побуждений и мотивов, что и первое преступление. Более того, примерно в 80 % случаев (380 человек) наблюдается тождество не только в мотивах совершения первого и последующих преступных деяний, но и в характере этих преступлений (кражи, завладение имуществом с применением насилия, мошеннические действия, хищения путем использования служебного положения, обман покупателей, развратные действия, взяточничество и т. д.) и даже способах совершения этих преступлений.

Степень общественной опасности преступника определяется степенью возможности – вероятностью совершения нового преступления данным лицом. Вероятность есть мера возможности; она выражает степень развитости возможности, степень ее обоснованности, степень ее способности стать действительностью. Степень общественной опасности преступника зависит главным образом от развитости заключающегося в самом общественном содержании личности преступника основания возможности преступного поведения (т. е. от того, насколько стойкими, сформировавшимися являются его индивидуалистические взгляды, насколько противоречива сама личность), а также от того, какие условия субъективного и объективного характера непосредственно способствовали возникновению мотивов преступного поведения или способствовали их реализации.

Совершение преступником нового преступления не есть необходимость, неизбежность. Напротив, это лишь возможность, хотя и реальная, с определенной вероятностью ее осуществления. Вероятность совершения лицом нового преступления может колебаться в пределах от почти невозможности (но не невозможности) до почти неизбежности (но не неизбежности). Категория вероятности выражает, насколько реализация той или иной возможности зависит от случайных обстоятельств, которые не обосновывают саму закономерность существования и развития данной возможности.

Устанавливая на определенный момент вероятность нового преступления со стороны виновного, следует учитывать также наличие и развитость противоположной возможности надлежащего социального поведения. При этом, имея в виду, что к данному лицу будут применены какие-то определенные меры общественного или государственного воздействия, следует

учитывать, насколько возможным, легким или, наоборот, трудным, будет процесс выработки у данного лица навыков надлежащего поведения.

Чтобы определить степень общественной опасности конкретного преступника, необходимо установить: 1) насколько постоянными и устойчивыми, глубокими, ведущими или, напротив, преходящими, исключительными, нестойкими для данного субъекта являются мотивы совершенного преступления; 2) какую роль в возникновении и (или) реализации этих мотивов сыграли внешние для данного индивида обстоятельства, условия и внутренние (психофизические) факторы, а также, как часто встречаются (могут встретиться) эти обстоятельства в жизни данного индивида; 3) как легко устранимы данные мотивы и обстоятельства с помощью тех или иных мер государственного и общественного воздействия и определенных мероприятий.

По этим тесно между собой связанным направлениям и должно проводиться исследование степени общественной опасности преступника, для чего изучаются характер и особенности его преступного деяния, конкретные условия (обстоятельства) совершения этого преступления и непосредственные его причины, а также образ жизни и прошлое субъекта. Особенно показательными в отношении стойкости антисоциальных, преступных мотивов являются повторное совершение преступления индивидом и рецидив (прежде всего, совершение однородного преступления по тем же мотивам и специальный рецидив), промежуток времени и характер принимавшихся к данному лицу мер в период между первым и вторым преступлением.

В заключение этой главы рассматривается ряд вопросов, касающихся соотношения общественной опасности преступника и состава преступления как основания уголовной ответственности.

Автор критикует взгляды Б. С. Утевского,⁸ Б. С. Никифорова,⁹ А. Б. Сахарова¹⁰ и других авторов, их концепции «широкого» основания уголовной ответственности, где общественная опасность преступника рассматривается как необходимая составная часть этого основания наряду с составом преступления. По мнению этих ученых, для решения вопроса о преступности деяния необходимо помимо обнаружения в действиях субъекта состава преступления установить и общественную опасность этого лица (Б. С. Никифоров); индивид может совершить преступление, но не представлять общественной опасности и, следовательно, не быть уголовно ответственным (Б. С. Утевский).

Установлению того, что совершенное определенным лицом деяние является преступлением, служит обнаружение в этом деянии, в поведении субъекта состава преступления как совокупности признаков, с наличием которых закон связывает возникновение уголовной ответственности. Решить вопрос о возникновении уголовной ответственности определенного индивида – значит установить, имеется ли в его поведении состав какого-либо преступления.

Состав преступления – это совокупность установленных в законе объективных и субъективных признаков, наличие которых в конкретном деянии свидетельствует об его преступности, т. е. о том, что и само это деяние, и лицо, его совершившее, представляют опасность для социалистического общества. В элементах составов соответствующих преступлений, характеризующих объект и субъект, объективную и субъективную стороны общественно опасных деяний, закреплены реальная опасность поступков подобного рода и опасность лиц, их совершающих.¹¹ В составы преступлений в качестве их элементов включены в обобщенном (типизи-

⁸ См.: Б. С. Утевский. Вопросы уголовного права в проекте закона, «Советское государство и право», 1960, № 1; *Он же*. Новые формы и методы борьбы с преступностью и личность преступника, «Социалистическая законность», 1960, № 2; *Он же*. Новые методы борьбы с преступностью и некоторые вопросы уголовной ответственности, «Правоведение», 1960, № 2.

⁹ См.: Б. С. Никифоров. Освобождение от уголовной ответственности и наказания, «Социалистическая законность», 1960, № 1; сб. «Важный этап в развитии советского права», М., 1960, стр. 28–47, 203–205.

¹⁰ А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР, Госюриздат, М., 1961.

¹¹ См.: Н. С. Лейкина. Некоторые вопросы значения личности преступника по советскому уголовному праву. Межвузов-

рованном) виде те обстоятельства, которые абсолютно в каждом случае совершения подобных деяний являются, во-первых, показателями наличия общественной опасности деяния и деятеля и, во-вторых, важными показателями характера и степени их общественной опасности.

Если в действиях виновного содержится состав преступления, то никакие иные, положительные, данные о его личности не могут превратить его деяние из преступления в административное правонарушение, дисциплинарный или антиобщественный поступок. Обстоятельства, характеризующие социальную опасность преступника, но не являющиеся элементами состава преступления, не имеют никакого значения при решении вопроса о возникновении уголовной ответственности. Обязанность отвечать в уголовном порядке возникает у всех лиц, в действиях которых содержится состав того или иного преступления, независимо от причин его совершения, обстоятельств, характеризующих личность виновного, но не включенных в состав, и тому подобных моментов. Эти обстоятельства могут и должны учитываться при решении вопроса о возможности освобождения виновного от уголовной ответственности и наказания и при определении ему конкретной меры наказания как реализации уголовной ответственности, исходя из принципов законности, целесообразности и социалистического гуманизма. Подобные случаи предусмотрены, в частности, в ст. ст. 51, 52 и 63 УК РСФСР.

* * *

Третья глава «Уголовное наказание и общественная опасность преступника» посвящена рассмотрению вопроса о значении общественной опасности преступника при индивидуализации наказания.

Задача искоренения преступности решается в первую очередь всей совокупностью хозяйственно-организаторских и культурно-воспитательных мероприятий, проводимых партией и государством и направленных на развитие коммунистических общественных отношений, повышение материального благосостояния, культурного уровня и сознательности трудящихся, в результате чего из общественного сознания постепенно устраняются пережитки частнособственнической идеологии и психологии и ликвидируются те социальные условия, которые способствуют их сохранению и проявлению в виде антиобщественных преступных деяний.

Уголовное наказание является вспомогательным, но важным средством борьбы с преступностью и правильное понимание содержания уголовного наказания, принципов его применения, а также уяснение тех результатов, которых можно и нужно добиваться с помощью наказания – необходимо для успешного его использования в этой борьбе.

Наказание как реализация уголовной ответственности – это мера государственного принуждения, применяемая только судом за совершение преступлений к лицам, виновным в их совершении. Наказание выражает отрицательную оценку преступника и его деяния со стороны государства и советского общества и заключается в лишении преступника каких-либо принадлежащих ему благ. Кара является сущностью, содержанием уголовного наказания. Уголовное наказание есть кара, потому что оно применяется и причиняет лишения и ограничения, моральные страдания за совершение преступления и *в соответствии* с его тяжестью.¹² Угрожать наказанием – значит угрожать применением определенных лишений, страданий зато или иное деяние. Угрожать убеждением, исправлением нельзя.

Советское государство, применяя наказание к лицу, совершившему преступление, не стремится причинить страдания бесцельно, ради самих этих страданий. Напротив, наказание как реализация уголовной ответственности всегда применяется с определенной целью («для

ская научная конференция «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма», изд. ЛГУ, 1961, стр. 74.

¹² См.: М. Д. Шаргородский. Вопросы общего учения о наказании, «Советское государство и право», 1961, № 10, стр. 141.

того, чтобы...»). Наказание может быть только карой, но целей кары, возмездия, искупления вины перед собой не ставит. Наказание имеет возмездный характер, но не служит возмездию как таковому. Диалектико-материалистическая концепция поведения оправдывает постановку перед уголовной ответственности и мерами ее практической реализации (уголовным наказанием) лишь исключительно утилитарной цели – предупреждение совершения новых преступлений как самим виновным, так и другими лицами (специальное и общее предупреждение). Автор критикует взгляды И. И. Карпеца, Н. А. Беляева, В. Г. Смирнова и ряда других авторов, рассматривающих кару как одну из самостоятельных целей применения уголовного наказания.¹³

Для осуществления задачи общего предупреждения важно прежде всего осознание неустойчивыми членами общества неотвратимости наказания за совершаемые преступления, а также того, что за тяжкие преступления назначаются более суровые наказания. Поэтому лучше всего отвечает выполнению задачи общего предупреждения методом уголовной репрессии наказание, определяемое с точным учетом результата деяния, тяжести его последствий, а также конкретных условий времени и места совершения преступления и его распространенности.

Меры же, необходимые для того, чтобы тот или иной человек не встал вновь на преступный путь, различны так же, как различны люди, виновные в преступлении, как различны причины, мотивы и обстоятельства совершения ими преступления. Цель специального предупреждения требует прежде всего учета степени общественной опасности преступника. Понятие специального предупреждения включает в себя и обезвреживание преступника, и его устрашение, и его моральное исправление, перевоспитание. Наиболее желательным, конечно, представляется моральное исправление преступника.

Анализ закономерностей общественного развития и уголовной политики советского государства на современном этапе приводит к выводу, что при применении принудительных мер к лицам, совершившим преступления, центр тяжести в целом смещается к необходимости достижения новых преступлений со стороны виновных. Это означает, что решение вопроса, применять или не применять наказание к виновному и, если применять, то какое именно, упирается прежде всего в целесообразность определенных принудительных мер для соответствующего предупредительного воздействия на виновного индивида, насколько подобное решение возможно при сохранении возмездного характера наказания, ибо уголовное наказание по-прежнему остается карой, объективно воздействует на неустойчивых членов общества и это объективное свойство наказания целесообразно используется. Последнее особенно относится к случаям совершения преступлений, представляющих значительную общественную опасность.

Уголовное наказание должно быть целесообразным и справедливым. Конкретное уголовное наказание (определенного вида и размера), применяемое к виновному субъекту, будет целесообразным, если оно способно в данном случае обеспечить осуществление целей специального и общего предупреждения, ограничиваясь при этом необходимым минимумом, т. е. не причиняя виновному бесполезных и лишних страданий. Целесообразным является только справедливое наказание и, наоборот, только целесообразное наказание справедливо.¹⁴ Социалистическое правосознание признает справедливым любой гуманный приговор и даже освобождение виновного от наказания, если этот приговор или применение мер общественного воздействия, не противоречит требованиям социалистической законности, в данном конкретном случае наиболее эффективно отвечает выполнению задач, стоящих перед уголовным нака-

¹³ См., например: *И. И. Карпец*. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве, Госюриздат, М., 1961, стр. 38–43; *Н. А. Беляев*. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях, изд. ЛГУ, 1963, стр. 25–37; *В. Г. Смирнов*. Уголовная ответственность и уголовное наказание, «Правоведение», 1963, № 4, стр. 82–85.

¹⁴ См.: *П. С. Дагель*. О принципе целесообразности наказания, «Правоведение», 1962, № 1.

занием. По советскому уголовному праву справедливо лишь наказание, соответствующее как тяжести преступления, так и личности преступника.

Индивидуализация наказания применительно к опасности деяния и деятеля в определенном смысле начинается уже при квалификации содеянного, когда при обнаружении в поведении виновного того или иного состава преступления устанавливаются и пределы его ответственности (индивидуализация ответственности). Пределы ответственности, установленные в законе за преступления каждого определенного рода, соответствуют типовой опасности преступлений и типовой опасности лиц, их совершающих, которые закреплены в элементах составов преступлений. Различия в пределах ответственности в зависимости от особенностей того или иного состава преступления научно оправданы, если последние свидетельствуют о несколько иной типовой опасности преступления, содержащего элементы данного состава, и (или) виновного в нем лица.

Каждый из элементов состава в своем действительном, реальном воплощении в совершенном преступлении и ряд других моментов, не отраженных в составе, являются критериями социальной опасности и (или) конкретного преступника и (или) преступного деяния, которые надлежит учитывать суду при определении вида и размера наказания. Важными критериями общественной опасности являются так называемые смягчающие и отягчающие обстоятельства.

Добиваясь на основе закона целесообразного, справедливого и гуманного наказания, советский суд производит индивидуализацию наказания. Уголовное наказание должно соответствовать общественной опасности преступника, ибо только при этом условии будут достигнуты цели, которые преследует назначение уголовного наказания. При выборе конкретной меры принуждения следует учитывать абсолютно все обстоятельства, характеризующие общественную опасность данного виновного лица, с целью применения к нему наиболее разумных, экономных и целесообразных для предупреждения с его стороны новых преступлений мер, которые в то же время отвечали бы задаче общего предупреждения.

Одновременному достижению целей специального и общего предупреждения при применении наказания способствует то, что ряд важных обстоятельств, характеризующих объективную опасность преступного деяния (объект посягательства, вменяемые в вину последствия, способ посягательства), в определенной степени – а при тяжких преступлениях при отсутствии исключительных обстоятельств в решающей степени – характеризуют и общественную опасность личности виновного. Поэтому соответствие наказания общественной опасности содеянного целесообразно для осуществления задач не только общего, но и специального предупреждения.

Уголовный закон, хотя и связывает в интересах соблюдения социалистической законности, проведения единой судебной политики и охраны прав граждан определенные рамки наказания с тем или иным составом преступления, вместе с тем предоставляет суду довольно широкие полномочия и возможности по выбору меры воздействия, наиболее подходящей именно для данного конкретного виновного лица в зависимости от его общественной опасности. Учет общественной опасности преступника обеспечивается установленными в законе возможностью освобождения виновного от уголовной ответственности (уголовного наказания) вследствие незначительной его общественной опасности, возможностью применить условное осуждение, широкими рамками относительно-определенных санкций, альтернативными санкциями, возможностью назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено в законе, возможностью присоединения к основной мере наказания дополнительного наказания, правилами назначения наказания при совершении нескольких преступлений, возможностью признания лица особо опасным рецидивистом и назначения ему в предусмотренных законом случаях повышенного наказания, возможностью избрания в соответствующих случаях определенного режима лишения свободы и другими подобными возможностями.

* * *

В заключении подводятся итоги по вопросам диссертации.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах: 1) Статья: Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности, «Правоведение», 1963, № 3. 2) Статья: К вопросу о понятии общественной опасности преступника, «Вестник Ленинградского университета», 1963, № 23, вып. 4.

Основание уголовной ответственности и общественная опасность преступника (Глава вторая кандидатской диссертации)

§ 1. Понятие и обоснование уголовной ответственности

Изложенная в предыдущей главе диалектико-материалистическая концепция поведения позволяет решить вопрос о моральной и юридической ответственности человека за его поступки.

Согласно смысловому значению этого слова, «ответственность» есть «обязанность, необходимость дать отчет в своих действиях, поступках и т. п. и принять на себя вину за их возможные последствия, за результат чего-либо»,¹⁵ или иначе: ответственность есть «возлагаемое на кого-либо или взятое кем-либо обязательство отчитываться в каких-нибудь своих действиях и принять на себя вину за возможные их последствия».¹⁶ Именно в таком значении и употребляется это понятие, когда мы говорим о моральной или юридической ответственности (с соответствующими, конечно, модификациями).

Проблема ответственности заключается в обосновании возможности нравственной и юридической оценки поступков человека и обосновании его обязанности отвечать за совершенные им поступки.

Буржуазная философия связывает возможность ответственности человека за его действия с идеей свободы воли: только потому, что поведение человека не зависит ни от каких объективных факторов (внешних условий жизни и телесной природы), возможна его ответственность как нравственная, так и юридическая, в которой также отражается нравственная оценка совершенного.¹⁷

Эта идея свободы человека от причинных соотношений как раз и является ядром идеалистической концепции свободы воли человека. Н. С. Таганцев давал следующую характеристику теории свободной воли: «...по этой теории общий закон причинности не распространяется на свободные действия человека; дух человека, проявляющийся в его воле, имеет способность определять деятельность лица независимо от каких-либо предыдущих явлений, имеет способность сделать свободный выбор между отдельными определениями, представляющими в данном случае, так что, подпадая даже под господство страсти, увлечения, дух человеческий подчиняется этому самопроизвольно, в силу своей свободной решимости».¹⁸

По взглядам буржуазных криминалистов – сторонников концепции свободной воли – ответственность лица допускается потому, что воля его абсолютно свободна, что существует произвол личности, которая в зависимости от своей индетерминированной воли могла поступить и так, и иначе. Воля, по Кестлину, характеризуется:

а) абсолютной возможностью для субъекта отрешиться от какого бы то ни было определения, положенного для воли им самим или чем-либо вне его сущим;

¹⁵ См.: Словарь русского языка, т. II, М., 1958, стр. 915.

¹⁶ См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 8, АН СССР, М. – Л., 1959, стр. 1272. См. также: *Вл. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, 1955, стр. 717; Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, М., 1938, стр. 903; *С. И. Ожегов*. Словарь русского языка, изд. 4-е, М., 1960, стр. 457.

¹⁷ Яркая критика концепции «свободы воли», в том числе и по вопросу обоснования уголовной ответственности, дается в работе выдающегося ученого И. М. Сеченова «Учение о не-свободе воли с практической стороны». См. *И. М. Сеченов*. Избранные произведения, т. I, изд. АН СССР, 1952, стр. 427–447.

¹⁸ *Н. С. Таганцев*. Русское уголовное право. Лекции, часть общая, т. I, СПб., 1902, стр. 390; Теория ответственности самого Н. С. Таганцева представляет собой эклектическую позитивистскую концепцию.

б) способностью постановления какой-либо определенности, как содержания воли, откуда бы содержание ни было почерпнуто, и

в) способностью Я пребывать в какой-либо определенности с сознанием возможности ее изменения.¹⁹

Деяние может быть поставлено в упрек, т. е. вменено в вину личности только потому, что исключительной причиной деяния явилась свободная, «злая» воля данной личности.

Лицо виновно, потому что оно действовало произвольно, вне зависимости от каких-либо внешних или внутренних объективных влияний; вина человека состоит в его произвольном волевом выборе безнравственного поведения.

В оценке же субъекта и его поступка как нравственного или безнравственного, преступного или непроступного, дается характеристика свободной воли человека как «злой» или «доброй».

Последовательное проведение концепции свободы воли с неизбежностью приводит к отрицанию каких-либо утилитарных целей уголовной ответственности, ибо абсолютная произвольность человеческого поведения делает эти цели недостижимыми. Уголовная ответственность у последовательных идеалистов находит свое обоснование не в возможности добиться в результате применения конкретных мер этой ответственности (уголовного наказания) каких-либо целей, а исключительно в априорных требованиях нравственного категорического императива, в присущем человеческой природе нравственном требовании воздаяния (Кант, Цехариз, Генке, Гербарт и др.), либо в абсолютной необходимости восстановления нарушенной в результате злонамеренной неправды справедливости (право – утверждение, бытие общей воли; преступление – отрицание, неправда, ничтожная сама по себе как нарушение общей воли волей частной; наказание – снятие, отрицание отрицания, восстановление справедливости (Гегель, Гельшнер, Кестлин, Бернер и др.), либо в божественном происхождении права и вытекающей отсюда необходимости при совершении преступления, искупления вины перед богом (Шталь) и т. д.²⁰

Потому наказание как осуществление уголовной ответственности стремится исключительно к воздаянию за содеянное (как правило, по принципу талиона), возмездие, причинению страданий единственно ради искупления вины и восстановления справедливости, но не для достижения практических целей. Так, по взглядам Канта: «Судебное наказание никогда не может быть назначено в качестве средства для оказания добра, самому ли преступнику, или гражданскому обществу, но преступник должен быть к нему присужден **потому, что он совершил преступление**. Человек... должен быть признан **подлежащим наказанию** раньше, чем можно помыслить о том, чтобы извлечь из этого наказания какую-либо пользу для него самого или его сограждан».²¹

Итак, с позиций последовательно проведенной идеалистической концепции свободы воли, уголовная ответственность возникает **за совершение преступления** как деяния, порожденного «злой» волей виновного лица, и исключительно **потому, что такое деяние** (как посягательство на справедливость и т. п.) **совершено**. Никакого другого, утилитарного, обоснования ответственности данная концепция не допускает.

Буржуазные авторы, стоящие на позициях вульгарного материализма и позитивизма, как правило, считают, что детерминизм не совместим с ответственностью, и, отрицая свободу воли,

¹⁹ См. там же, стр. 389.

²⁰ Это так называемые **абсолютные** теории наказания. См. о них, например: *Н. С. Таганцев*. Указ. соч., т. II, стр. 880–887; *Ф. Лист*. Учебник уголовного права. Общая часть, М., 1903, стр. 84; *С. В. Познышев*. 1) Основные вопросы учения о наказании. М., 1904, стр. 54–147; 2) Основные начала науки уголовного права, изд. II. М., 1912, стр. 54–60; *Э. Я. Немировский*. Основные начала уголовного права. Одесса, 1917, стр. 125–136 и др.

²¹ *Kant*. Die Metaphysic der sitten, Berlin, 1922, s. 138; цит. по: *М. Д. Шаргородский*. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества, М., 1957, стр. 99.

они отрицают и понятия нравственной оценки, вменяемости, вины, наказания.²² Подобные взгляды объясняются учением о прирожденном преступнике, биологизацией человека, отождествлением его с автоматом, машиной, рефлектирующей на механические раздражения, отрицанием активной роли сознания человека. И естественно, если считать, что определенные лица в силу своей биологической организации предопределены к совершению преступлений, то ни о какой нравственной их ответственности говорить не приходится.

Так, бельгийский криминалист Амон в свое время писал: «Следствием детерминизма является необходимость исключить понятие заслуги и вины... Это несуществование заслуги и вины влечет за собой **безответственность**».²³ (Очевидно, что здесь понятие вины берется в чисто идеалистическом плане как произвольное злонамеренное самоопределение свободной воли.) И далее Амон пишет: «Таким образом, общий детерминизм, признанный научной истиной, приводит нас к выводу, что моральной ответственности не существует. Она недоступна нашему пониманию. Допущение ответственности автоматов, которые непреодолимо должны быть такими, каковы они есть – противоречит человеческому разуму. Не считают же ответственной скалу, которая, обрушиваясь, давит все, что находится на ее пути. Не считают же ответственным тигра, который нападает и убивает человека. Также нельзя считать ответственным человека, который в своих поступках такой же автомат, как тигр или скала. Общая невменяемость – такова научная истина».²⁴

Считалось однако, что, хотя преступное действие человека и необходимо вытекает из его психофизических качеств при определенных условиях, это действие как здорового, так и психически больного человека можно ему вменить, поставить на его счет, можно заставить отвечать человека за совершенное им действие. Но это будет уже не нравственное вменение и не нравственная ответственность, допустимые лишь при признании свободной воли, а так называемые физическое вменение и социальная ответственность. Подобная теория подробно развивалась Энрико Ферри. Последний писал: «С того момента, как преступление рассматривается не как *flat* свободной воли, а как продукт и патологический симптом индивидуальной и социальной аномалии, все преступники – сумасшедшие и несумасшедшие – нравственно безответственны, хотя они должны отвечать перед обществом за совершенные ими противообщественные деяния. Следовательно, нет никакого различия между преступниками нравственно ответственными и безответственными, между наказанием и мерами безопасности, а существуют лишь... различные формы одной и той же функции предохранительной клиники».²⁵ «Для установления уголовной ответственности достаточно одной физической вменяемости»,²⁶ согласно которой каждому человеку вменяют то деяние, которое он физически совершил.

²² «...Система детерминизма устраняет по отношению к человеку ответственному, также как то сделала классическая школа по отношению к человеку безответственному, **понятие вины** (shuld, culpabilit), а с ним идею **искупления**, потому что понятие вины и искупления неотделимо от идеи свободной воли, которую по традиции передала нам классическая школа». – *Ф. Лист*. Задачи уголовной политики, СПб., 1895, стр. 134. Один из основателей социологического направления Ван Гамель, выступая на Гамбургском конгрессе международного союза криминалистов, говорил: «Вместо теоретического уголовного права мы должны создать уголовное право практическое. В этом состоит наша работа, это наша цель. Три понятия страшно мешают нам в этом. А именно: «вменяемость», «наказание», «преступление»... Когда мы, наконец, от них освободимся, тогда все пойдет лучше». Цит. по сб.: «Новые идеи в правоведении», вып. I, Цели наказания, СПб., 1914, стр. 89–90; см. также: *В. Д. Набоков*. Об «опасном состоянии» преступника как критерии мер социальной защиты, СПб., 1910, стр. 16.

²³ *А. Амон*. Детерминизм и вменяемость, СПб., 1905, стр. 56–57.

²⁴ Там же, стр. 220. Еще Бюхнер, Фогт и Мошот отрицали принципиальное различие между общественно опасными действиями, совершенными сумасшедшими и лицами вменяемыми. См. об этом: *Б. С. Маньковский*. Проблема ответственности в уголовном праве, стр. 18–19.

²⁵ *Э. Ферри*. Уголовная социология, ч. II, СПб., 1912, стр. 171–172. Принс также стирает грань между действиями вменяемых и невменяемых: «Преступник сумасшедший и безответственный так же опасен, как и преступник, отвечающий за свои поступки и здравомыслящий. Общество имеет право защиты против того и другого, а эта защита не может быть обеспечена вследствие того только, что уголовное правосудие наказывает исключительно нормальных преступников, а власть административная помещает в учреждения больных». – *А. Принс*. Защита общества и преобразование уголовного права, М., 1912, стр. 69.

²⁶ *Э. Ферри*. Указ. соч., стр. 80.

«Под „вменением“ мы вместе с Romagnosi, – пишет Ферри, – разумею возможность „приписывать известное действие определенному лицу, как причине, вызвавшей данное действие“, а под ответственностью – возможность „признать данное лицо обязанным возместить причиненный убыток и понести определенное наказание за совершение данного действия“. Словом, существует вменяемость **материальная**, потому что Тит – виновник деяния, о котором идет речь, и вменяемость социальная и юридическая, потому что Тит обязан нести социальные и юридические последствия совершенного им деяния».²⁷

Человек несет ответственность за свои действия совсем не потому, что они порождены его свободной волей, и поскольку в результате ответственности искупается его нравственная вина. «...**Всякий человек отвечает за всякое совершаемое им антиправовое деяние исключительно потому и поскольку он живет в обществе**».²⁸ Разумное основание уголовной ответственности и наказания нужно искать не в идеях справедливости, возмездия и искупления вины, а в необходимости защиты общества. Функция охраны существует независимо от концепций нравственной вины преступника. Наказание – это всего лишь оборонительная реакция общества из чувства самосохранения, свойственного любому индивидуальному (животному или человеческому) и социальному организму, против тех, кто нарушает условия существования этого организма.²⁹

Единственное оправдание, обоснование уголовной ответственности – необходимость защиты общества в целях самосохранения. Поэтому меры этой ответственности есть не меры нравственного искупления вины, а меры социальной защиты. Далее, подобная социальная защита, по мнению последовательных сторонников антропологических и социологических концепций, проводится не от опасных деяний, а от опасных лиц, ибо лица, обладающие определенными биосоциальными качествами, в соответствующих условиях автоматически, неизбежно совершают преступления. Здесь вводятся понятия «опасного состояния» личности преступника, «личного состояния преступности», «вины характера» и т. д.

Связь ответственности с преступлением становится чисто формальным моментом. Так Дриль писал, что нельзя карать преступника **зато**, что он поступил безнравственно и преступно, как если бы он имел «полную возможность поступить совершенно иначе при всей совокупности данных условий». Меры репрессии нужно применять не за безнравственный и преступный поступок, а «**только потому**, что человек оказался безнравственным и преступным и при том **для того**, чтобы по возможности изменить его и приспособить к обществу, а в случае невозможности обезопасить от него общество».³⁰

Преступление в качестве симптома, показателя наличия опасности индивида должно служить по сути дела лишь поводом (одним из поводов) для начала деятельности по установлению этой опасности. Поэтому последовательные в проведении подобных взглядов буржуазные криминалисты прямо высказываются против обязательной связи применения мер репрессии с совершением преступления. «Преобразования в уголовном праве, – пишет Принс, – застав-

²⁷ Там же, стр. 111.

²⁸ Там же, стр. 112. Та же идея развивается Амоном: См.: Указ. соч., стр. 116–118. Дриль также указывал, что «все без исключения ответственны за свои деяния перед требованиями ограждения общества от зла преступления и что всем должно ставить на счет ими содеянное. Здесь не должно быть различий. Различия только в целесообразных мерах ограждения и репрессий». – Д. Дриль. Преступность и преступники (уголовно-психологические этюды), СПб., 1895, стр. 288.

²⁹ См.: Э. Ферри. Указ. соч., стр. 32–42. Следует отметить, что среди буржуазных криминалистов-позитивистов, отстаивавших детерминизм против идеи свободной воли, имелись и авторы, высказывавшиеся за необходимость нравственной оценки поступка и его виновника. Так, Н. Полетаев писал: «Мы вменяем совершителю его деяния, негодуя же на него, требуем наказания для него. При этом мы не думаем ни о какой свободе причинившего зло лица, как лишь о той, которая состоит в действовании без постороннего принуждения, сообразно собственным желаниям и мыслям». – Н. Полетаев. Об основаниях вменения по началам положительной философии, СПб., 1890, стр. 321–322.

³⁰ Д. Дриль. Преступность и преступники, стр. 285–286.

ляют нас признать опасное состояние даже там, где нет еще преступника, и право вмешательства государства даже туда, где нет ни преступления, ни проступка».³¹

Теория опасного состояния преступника заменяла все прежние основы воздействия государства на человека принципом целесообразности, отвергала положения о вменяемости и виновности и расширяла признаки совершенного преступного деяния до суммы представляемой данным человеком опасности.³²

Теория «прирожденного преступника», развитая антропологической школой, и теория «опасного состояния личности» у социологов вели к разрыву мер уголовной ответственности с преступлением, означали подмену преступления понятием преступной личности, а тем самым вели к полному произволу в деятельности карательных органов буржуазного государства.

Современные буржуазные биокриминологи и социологи, которые во многом повторяют концепции ломброзианцев и социологов XIX века в отношении причин преступного поведения, естественно недалеко ушли от них и в вопросе обоснования уголовной ответственности.

Понятно, что, признавая фатальную предопределенность человеческих, в том числе и преступных, поступков или как результат врожденных конституционных особенностей человека, или как результат наличия неудержимых бессознательных импульсов и влечений, а также отождествляя человека с действующей живой машиной, чисто механически рефлектирующей на раздражение, нельзя не отрицать возможность моральной оценки и ответственность человека за свои поступки. Это логический вывод из данных философских концепций. «Не делают же врачи своих пациентов морально ответственными за то, что они простудились или заболели воспалением легких», – пишут американские криминологи Барнс и Титерз. Подобно этому нельзя считать морально ответственными и преступников.³³

Современные социальные науки, утверждает Роберт Фирей, доказали, что приписывание ответственности человеку за его действия не более оправдано, чем ответственность, например, автомобиля. «Как автомобиль сам не определяет быть ли ему сделанным, так и человек не избирает, родиться ли ему, – пишет Р. Фирей. – Когда же это решение принимается за него, он не больше имеет возможности выбирать свои врожденные характеристики, чем автомобиль сам выбирать себе мотор или технические данные. Человек не более избирает себе окружающую его с детства среду, чем автомобиль природу той местности, в которой его используют в первые годы, или гараж, сделанный для него хозяином. И человек не более ответственен в последующие годы за свой характер, развивающийся шаг за шагом от этих врожденных данных и в соответствии с изменяющимися внешними обстоятельствами, чем автомобиль в последующие годы ответственен за свое состояние, зависящее от характеристик, вложенных в него его творцом, и от обращения с ним его владельцами. И тем не менее, хотя никто, будучи в здравом уме, не подумал бы о порицании самого автомобиля... за плохое состояние, взрослый преступник всюду считается ответственным за свои преступления лишь с частичной ссылкой на унаследованные, обусловленные средой и на другие пассивно приобретенные черты, которые вместе, возможно, с душой фактически полностью объясняют его поведение. Разнообразие в характерах у человека и его широкие способности затрудняют понимание того, что он фактически так же пассивен в отношении своего создания и развития и, следовательно, так же не ответственен за свои поступки, как и неодушевленная машина».³⁴

³¹ Ад. Принс. Защита общества и преобразование уголовного права, стр. 131.

³² См.: С. П. Ордынский. К методологии опасного состояния преступника // Журнал уголовного права и процесса, 1912, № 3, стр. 54.

³³ H. E. Barnes and N. K. Teeters. New horizons in criminology, 2-d ed., N. Y., 1952, p. 152.

³⁴ Robert A. Fearey. Concept of responsibility // The journal of criminal law, criminology and police science, vol. 45, 1954, № 1, p. 24.

«Для детерминиста, – пишет Дональд Тафт, – психически здоровый является не более ответственным, чем психически больной. В обращении с преступниками детерминизм заменяет традиционную концепцию ответственности концепцией ответственности Ферри».³⁵

Как известно, концепция социальной ответственности Ферри полностью исключает психологическое понятие вины. Из того же исходят и современные сторонники «социальной ответственности» и «физической вменяемости»: «Было бы рациональным шагом вперед со стороны судов принять чисто объективное понимание вины, определяемое простым вопросом: «Что произошло?» Когда суд установил это, он уже сделал достаточно. После этого компетентные эксперты могут проанализировать личность деятеля и решить, что с ним делать».³⁶

В полном соответствии с исходными философскими позициями провозглашается ответственность уже не столько за совершенный проступок, сколько при условии (как правило) его совершения – за отрицательные социальные и психофизические качества индивида. «Один отдельный акт, – пишет криминолог-фрейдист Карпман, – сам по себе имеет значение лишь в качестве символа, как индикатор для лежащих в его основе проблем».³⁷ «...Деяние, подобно симптому болезни, является лишь поверхностным выражением большого числа внутренних и внешних факторов...»³⁸ Поэтому «вместо того, чтобы как в прошлом заниматься преступлением, каждому суду необходимо полное знание преступника, включая данные об его прошлом».³⁹ «Следует иметь в виду субъекта и поменьше говорить о преступлении, деянии»,⁴⁰ – пишет уже упоминавшийся нами криминолог Шелдон Глюк.

Собственно, за ответственность как таковую, сопряженную с отрицательной нравственной оценкой, механицисты и не выступают. Меры принудительного воздействия на преступника имеют единственной задачей превенцию, защиту буржуазного общества от новых нежелательных, вредных деяний. «Преступник представляет опасность для общества. Его личность испорчена... Мы должны отремонтировать его привычки, или, если это преступник, которого нельзя отремонтировать, то устранить его из свободного общества. Наказывать преступника столь же неразумно, как подвергать порке испорченную машину».⁴¹

Дональд Тафт, указав, что преступник, по своим свойствам является «результатом предшествующего развития», далее пишет: «Так же как в свое время наши чувства принуждали нас мстить преступному деятелю, считавшемуся свободным, так в свете этого взгляда мы вынуждены... попытаться переделать условия, которые сделали преступника таким, каков он есть. Наказание преступника ради справедливости становится таким же смехотворным как приказание Ксеркса высечь Геллеспонт за гибель его трирем...»⁴²

Фрейдистская психоаналитическая концепция личности и поведения человека также приводит по существу к отрицанию понятия нравственной ответственности. Гелена Сильвинг, ссылаясь на работы современных криминологов-фрейдистов Меннингера и Зилбурга, пишет: «...психоаналитическое исследование действия Бессознательного доказало существование полного „психического детерминизма“, в свете которого все человеческие мысли, решения и действия могут быть отнесены к определенным причинам, так что человек не обладает свободой ни выбора, ни действия. Однако человек, совершающий преступление, представляет

³⁵ Donald R. Taft. *Criminology*, 3-d ed., N. Y., 1956, p. 347.

³⁶ См.: The journal of criminal law and criminology, vol. 27, 1937, № 6, p. 855.

³⁷ Ben Karpman. An attempt of a re-evaluation of some concepts of law and psychiatry // The journal of criminal law and criminology, vol. 38, 1947, № 3, p. 207.

³⁸ Ben Karpman. Criminal psychodynamics // The journal of criminal law, criminology and police science, vol. 47, 1956, № 1, p. 14.

³⁹ H. E. Barnes and N. K. Teeters. *New horizons in criminology*, 2-d ed., N. Y., 1952, p. 78.

⁴⁰ Sheldon Glueck. *Crime and justice*, Boston, 1936, p. 215.

⁴¹ Nathaniel F. Cantor. *Crime and society*, N. Y., 1939, p. 185.

⁴² Donald R. Taft. *Criminology*, p. 347.

опасность для окружающих. Так как общество нуждается в защите, некоторые психоаналитики предложили, что все лица, совершившие преступление, независимо от того, намеренно или без намерения, сознательно или бессознательно, психически больны они или здоровы, должны считаться „ответственными“; ответственность однако означает не наказание, а обязанность подвергнуться определенному обращению (treatment) в соответствии с личностными особенностями, которые устанавливаются психиатрами». ⁴³

В настоящее время наиболее резко, пожалуй, вообще за полное уничтожение уголовно-правовой ответственности (а следовательно, и уголовного права, как того и требуют последовательные сторонники данной концепции) выступает «Международная ассоциация социальной защиты» (Societe internationale de defense sociale), основанная и возглавляемая Филиппе Граматика. Отрицая уголовную ответственность и заменяя традиционное понятие преступления понятием антисоциальности действия социально опасного субъекта (в том числе и невменяемого), сторонники данной концепции требуют применения к нему целесообразных мер, исходя исключительно из типа субъекта. ⁴⁴

В условиях ожесточенной классовой борьбы в буржуазных странах эта теория, как и идеи «превентивного уголовного права» ⁴⁵ (применение мер уголовной репрессии при наличии любых проявлений, свидетельствующих об опасности лица), выдвигаемые реалистической школой права в США, открывают неограниченные возможности для классового произвола буржуазной юстиции, позволяя прибегать к репрессии лишь за «опасный» образ мыслей.

Другая группа буржуазных криминалистов продолжает по-прежнему отстаивать понятие уголовной ответственности, ответственности за деяние как воздаяние за содеянное, ответственности за вину. Индетерминизм, свобода воли – это старая философская основа новых уголовно-правовых концепций.

Обоснование ответственности человека за совершенные им поступки тем, что данные поступки являются следствием произвольного самоопределения его свободной воли, как уже говорилось, приводит к трактовке задач ответственности как возмездия. Сторонники этой концепции утверждают, что «конечной целью уголовного права должно быть возмездие – наказание тех, кто хотел причинить зло другим, посредством взысканий, пропорциональных их преступлениям». ⁴⁶ «Возмездная теория наказания включает в себя две основные концепции: 1) самой по себе целью является то, что виновный должен претерпеть страдание; 2) оправдание наказания состоит, прежде всего, в факте, что совершено преступление, которое заслуживает наказания, а не в каких-либо будущих благах, которые могут произойти от его положения или для общества в целом, или для индивидуального преступника». ⁴⁷

Ответственность – возмездие в современной буржуазной юриспруденции также обосновывается необходимостью искупления преступником своей вины, своего греха через страдание, необходимостью утверждения доброй воли общности против злой воли преступника, христианской этикой. Френк Пекенхэм в подтверждение своих взглядов на возмездие как на

⁴³ Helen Silving. Psychoanalysis and the criminal law // The journal of criminal law, criminology and police science, vol. 51, 1960, № 1, p. 29. О замене ответственности и наказания «обращением» см.: Bernard C. Glueck. Changing concepts in forensic psychiatry // The journal of criminal law, criminology and police science, vol. 45, 1954, № 2, p. 127.

⁴⁴ См. об этом: М. Д. Шаргородский. 1) Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957, стр. 141–144; 2) Современное буржуазное уголовное законодательство и право, М., 1961, стр. 29–33.

⁴⁵ См. об этом: С. Л. Зивс. Реакционная сущность уголовного права США, изд. АН СССР, М., 1954, стр. 26–30.

⁴⁶ См. Jerome Michael and Herbert Wechsler. Criminal law and its administration, N. Y., 1940. Цит. по сб.: «Freedom and responsibility. Reading in philosophy and law», ed. by Herbert Morris, Stanford, 1961, p. 507. По мнению Вильгельма Зауэра, уголовное наказание имеет своей задачей «причинение страдания и усиление чувства долга в соединении с ограничением правовых благ. Преступник должен искупить преступление и претерпеть возмездие за вину». – Wilhelm Sauer. Allgemeine Strafrechtslehre, Berlin, 1955, s. 248. Цит. по: М. Д. Шаргородский. Современное буржуазное уголовное законодательство и право, стр. 47.

⁴⁷ A. C. Ewing. The morality of punishment, 1929. Цит. по: Frank Pakenham, Lord Longford. The idea of punishment, London, 1961, p. 32.

задачу уголовной ответственности часто ссылаются на Библию, высказывания папы, св. Августина, Фомы Аквинского, архиепископа Темплского и других религиозных авторов прошлого и современности. Возмездие в уголовном праве, по его взглядам, выступает как искупление греха, которым в сущности является преступление. Возмездие целесообразно; оно совершается во имя любви к ближнему и оправдывается этой любовью. Преступник претерпевает наказание тоже во имя любви к ближнему, так как тем самым он способствует улучшению нравственности, подобно Христу, который пострадал для спасения человечества.⁴⁸ Вместе с тем Пекенхэм эклектически присоединяет к идее возмездия еще и превентивные, реформационные и сдерживающие задачи уголовной ответственности.⁴⁹

Буржуазные криминалисты отмечают, что, согласно теории возмездия, наказанию подвергнуто может быть только виновное лицо. Такой подход, казалось бы, способствует буржуазной законности. Однако, начиная с конца прошлого века, буржуазные ученые усиленно развивают нормативно-этическую, оценочную концепцию вины, где отбрасывается психологическое понятие вины и последняя трактуется как упрек. Виновное поведение есть поведение, заслуживающее упрека (Майер, Вольф, Франк, Гиппель, Мецгер и др.).⁵⁰ Предметом же оценки является не только само противоправное деяние, но и личность, ее антиобщественная направленность. В результате понятием вины фактически охватывается и «преступное настроение» и «опасное состояние» личности.⁵¹

Современные сторонники «финальной теории действия», исходя из позиций индетерминизма, обосновывают ответственность индивида свободой его воли (финальной направленностью воли субъекта на совершение преступления), сохраняют понятия вины («вина – это порицаемость, упречность волеобразования»)⁵² и наказания – возмездие за вину, заупречную финальность субъекта.⁵³

В то же время «финалисты» высказываются и за применение мер общественной безопасности в соответствии с общей социальной опасностью субъекта, вне зависимости от вины в конкретном деянии. «Вина и социальная опасность, – пишет Маурах, – должны быть установлены самостоятельно: основанному на совершении конкретного деяния, обращенному к прошлому решению о виновности, противостоит основанное на изучении преступника, обращенное в будущее предположительное решение о социальной опасности субъекта».⁵⁴

Моральная и юридическая ответственность субъекта за совершенные им поступки может быть обоснована только с позиции диалектико-материалистической детерминистической концепции. В. И. Ленин писал: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом

⁴⁸ См. *Frank Pakenham. The idea of punishment*, p. 92–97.

⁴⁹ Ibid, p. 20, 64–68.

⁵⁰ См.: В. С. Маньковский. Проблема ответственности в уголовном праве, стр. 78–94.

⁵¹ Раскрывая понятие вины по концепции сторонников «финальной теории действия», Н. С. Алексеев пишет: «Вина, по утверждению творцов финальной теории, является не элементом преступного деяния, а лишь предпосылкой для назначения наказания. Объективное значение вины исчезает, и вина превращается в образующуюся в голове судьи простую оценку настроения субъекта преступления». Такая теория вины «протаскивает осуществление принципа уголовной ответственности за настроение (*gesinnungsschtrafrecht*)...» – Н. С. Алексеев. Западногерманское «учение об ошибке в запрете» // Правоведение, 1962, № 1, стр. 97.

⁵² H. Welzer. Aktuelle strafrechtsprobleme in Rahmen der finalen Handlungslehre, Karlsruhe, 1953, s. 11.

⁵³ См.: В. С. Маньковский. Реакционная неокантианская теория финального уголовного права // Советское государство и право, 1959, № 4; Н. В. Лясс. 1) Критика финальной теории действия // Правоведение, 1960, № 4; 2) Нормативная теория в современном буржуазном уголовном праве, изд-во ЛГУ, 1963, стр. 34–50; М. Д. Шаргородский. Современное буржуазное уголовное законодательство и право, стр. 40–43.

⁵⁴ R. Maurach. Das Deutsche strafrecht. Allgemeine Teil, Karlsruhe, 1954, s. 38. Цит. по: Н. В. Лясс. Нормативная теория в современном буржуазном уголовном праве, стр. 48.

взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю».⁵⁵

По советскому уголовному праву только совершение общественно опасного преступного деяния является основанием уголовной ответственности личности.

Нам необходимо выяснить, в чем заключается сущность юридической ответственности вообще и уголовной ответственности в частности, чтобы затем дать обоснование уголовной ответственности.

Маркс и Энгельс определяли право как возведенную в закон волю господствующего класса, содержание которой определяется интересами этого класса, материальными условиями его жизни.⁵⁶

Выраженная, закреплённая в соответствующих нормах, правилах поведения, которые подкрепляются принудительной силой государства, эта воля осуществляет регулирование общественных отношений в направлении, отвечающем интересам господствующего класса.

В условиях социализма в период развернутого строительства коммунистического общества право представляет собой выраженную в совокупности норм, правил поведения волю всего советского народа, предназначенную для регулирования (закрепление, охрана и развитие) общественных отношений в целях построения коммунизма, и для осуществления которой используется сила общественного убеждения и меры государственного принуждения.⁵⁷

Требования норм права обращены непосредственно к людям, предписывая или запрещая определенное поведение, определенный образ действий. Запрещая совершение тех или иных деяний, право тем самым охраняет социалистические общественные отношения от их нарушения, причинения им вреда, ущерба. Подобная охрана осуществляется всеми отраслями права; в ней состоит одна из основных функций права.

Правовая охрана определенных общественных отношений производится таким путем, что запрет совершения действий, посягающих на эти отношения, сопровождается установлением санкции за нарушение этого запрета и совершение подобных деяний в виде определенных лишений и ограничений личного и имущественного характера (помимо того, что в санкции за правонарушение содержится и общественное, нравственное осуждение данного поступка). Под угрозой применения этих санкций на граждан возлагается обязанность воздерживаться от совершения подобных правонарушений, удовлетворять свои личные интересы в правопримемой форме. В случаях противоправного бездействия требуется, конечно, не совершение недозволенных, а совершение предписываемых действий. Правовые требования, снабженные соответствующей санкцией и осознаваемые людьми, могут выступать в качестве важных детерминант их поведения в пределах объективно возможных вариантов этого поведения.⁵⁸

Правовое регулирование поведения людей с целью охраны определенных общественных отношений социализма от нарушений наступает с момента издания нормативных актов, которые под угрозой применения соответствующих санкций запрещают или предписывают совершение определенных действий.

О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский правильно указывают, что «всякая правовая норма носит одновременно и обязывающий, и запретительный характер: обязывая к совершению какого-либо действия, норма запрещает воздержание от его совершения, как и наоборот,

⁵⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 159.

⁵⁶ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1952, стр. 51.

⁵⁷ См., например: Общая теория государства и права, изд-во ЛГУ, 1961, стр. 292; Теория государства и права. Основы марксистско-ленинского учения о государстве и праве, изд. АН СССР, М., 1962, стр. 344–348 и др.

⁵⁸ См., например, Н. Г. Александров. 1) Законность и правоотношение в советском обществе, М., 1955, стр. 86–87; 2) Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, М., 1961, стр. 189–190; Б. В. Шейндлин. 1) Сущность советского права, изд-во ЛГУ, 1959, стр. 108–109; 2) Норма права и правоотношение, сб. «Вопросы общей теории советского права», под ред. С. Н. Братуся. М., 1960, стр. 135–138; Л. С. Явич. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, М., 1961, стр. 22–26 и др.

запрещая совершение определенного действия, она обязывает к его несовершению. В то же время всякая правовая норма носит и управомочивающий (уполномочивающий) характер:... норма, запрещающая совершение данного действия и обязывающая к его несовершению, управомочивает (уполномочивает) кого-либо требовать, соответственно, совершения или несовершения этого действия».⁵⁹

С момента издания определенной нормы права, охраняющей социалистические общественные отношения путем запрещения определенного поведения, возникает **правовая** обязанность⁶⁰ (до издания этой нормы могла существовать аналогичная моральная обязанность)⁶¹ граждан и иных субъектов права не совершать запрещенных действий или совершать предписываемые действия.

Такая обязанность возникает или у всех субъектов, или у определенного круга субъектов, прямо ограниченного в самой норме права. Так, с изданием уголовного закона запрет, содержащийся в норме права, порождает правовую обязанность абсолютно у всех лиц, могущих быть субъектами уголовной ответственности, не совершать запрещенные уголовным законом действия или совершать в определенных ситуациях предписываемые действия.

Советское уголовное законодательство охраняет советский общественный и государственный строй, социалистическую собственность, личность и права граждан и социалистический правопорядок в целом от общественно опасных **преступных посягательств** (а не от опасных лиц, заметим в скобках). Каким бы отрицательным по своим нравственным качествам ни представлялся человек, но если он не совершает определенные общественно опасные деяния, то и **право** никаких претензий к нему предъявить не может). Уголовный закон, определяя, какие общественно опасные деяния являются преступными, и тем самым порождая правовую обязанность не совершать подобные деяния, устанавливает наказания, подлежащие применению к лицам, совершившим преступления.

Данная уголовно-правовая обязанность имеет вполне реальный характер;⁶² она действительно наличествует у всех субъектов, иначе в обществе не мог бы существовать никакой правопорядок. Реальность и правовой характер данной обязанности закрепляется тем, что одновременно с изданием правовой нормы, одновременно с возникновением этой обязанности возникает и право соответствующих органов от имени государства требовать под угрозой применения санкций ее исполнения. Другое дело, что далеко не все лица практически чувствуют себя связанными подобными обязанностями. Большая часть советских граждан не совершает запрещенных законом преступных действий не потому что на них возложена подобная обязанность под страхом наказания, а потому, что совершение антиобщественных посягательств противоречит их интересам как сознательных членов социалистического общества. Однако, фактически, правовой запрет, правовая обязанность распространяются и на них, подобно,

⁵⁹ О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права, М., 1961, стр. 177.

⁶⁰ «Правовая обязанность есть обусловленная содержащимся в нормах права требованием и обеспеченная государственным принуждением **необходимость** определенного поведения». — С. Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе, изд. АН СССР, 1958, стр. 60. См. также: О. Э. Лейст. Санкции в советском праве, М., 1962, стр. 47–50.

⁶¹ Например, с момента вступления в силу УК РСФСР 1960 г. существовавшая ранее моральная обязанность оказания помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, превратилась в правовую обязанность. См. ст. 127 УК РСФСР 1960 г. в сравнении со ст. 156 УК РСФСР 1926 г.

⁶² Н. Г. Александров, считает, что при издании нормы, содержащей запрет совершать действия определенного рода, возникает лишь эвентуальная обязанность (установленная на случай возникновения той ситуации, при которой может быть нарушен запрет) для всех и каждого воздерживаться от нарушения данного запрета, «поскольку было бы нелепо всех лиц считать потенциальными правонарушителями и прямо на каждого гражданина возлагать юридическую обязанность не совершать запрещенных действий безотносительно к его положению и поведению...» (см.: Н. Г. Александров. 1) Законность и правоотношения в советском обществе, стр. 89–90; 2) Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, стр. 191–192). Это положение справедливо критикуется рядом авторов, полагающих, что в данном случае налицо имеется реальная правовая обязанность у всех лиц, подчиненных данному правопорядку. См., например: С. Ф. Кечекьян, *цит. соч.*, стр. 66; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, *цит. соч.*, стр. 215–216 и др.

например, тому, как обязанным субъектом абсолютного правового отношения собственности, который не должен нарушать правомочия собственника, является каждое лицо – несобственник вещи, хотя последний, как правило, не отдает себе отчет в существовании у него подобной правовой обязанности.

Если же взять группу так называемых неустойчивых членов общества, лиц, зараженных пережитками частнособственнической психологии, склонных к совершению преступных действий или недостаточно внимательно, недостаточно заботливо относящихся к общественным интересам и к интересам других лиц, то возложение на них определенной правовой обязанности под угрозой применения мер наказания, бесспорно, в какой-то степени оказывает регулирующее воздействие на их поведение. Именно через возложение реальной правовой обязанности определенного поведения, снабжая эту обязанность санкцией за ее неисполнение, уголовное право осуществляет свою превентивную функцию, функцию предупреждения преступлений. Такая же превентивная функция осуществляется другими отраслями права в отношении административных и дисциплинарных проступков и гражданских правонарушений.

Следует согласиться с мнением тех авторов, которые полагают, что свое регулирующее воздействие на поведение людей норма права способна оказывать и вне конкретного правоотношения, в частности, путем установления правовой обязанности определенного поведения под угрозой применения санкции за неисполнение этой обязанности.⁶³ Так, нормы уголовного права устанавливают обязанность, необходимость, долженствование определенного поведения не ради интересов какого-либо конкретного лица, а ради всего правопорядка в целом. Соответствующие органы государства, конечно, вправе требовать от граждан ненарушения этого запрета, но они не вправе производить по отношению к этим лицам никаких актов на почве норм уголовного права, пока кто-либо из них не совершит преступление.⁶⁴ Однако при всем этом подобная обязанность несомнения определенных запрещаемых действий (или совершения предписываемых), возникающая с момента вступления в силу данной нормы права, является реальной правовой обязанностью, несоблюдение которой влечет наступление тех или иных юридических последствий.

Как мы указывали, установление правовой обязанности определенного поведения сопровождается установлением и санкции за нарушение этой обязанности. Нарушение запрета, нарушение правовой обязанности как необходимости определенного поведения – совершение правонарушения (уголовное преступление, гражданское правонарушение, административный и дисциплинарный проступок) является тем юридическим фактом, с наличием которого норма права связывает возникновение правоотношения по поводу применения санкции за нарушение этого запрета.⁶⁵

Из нарушения правового запрета, одной правовой обязанности, в соответствии с нормой права, с санкцией этой нормы, возникает новая правовая обязанность – отвечать за совершенное правонарушение, подвергнуться тем правовым последствиям, которые предусмотрены нормой права, установившей правовую обязанность, на случай ее неисполнения.

⁶³ См., например: С. Ф. Кечекьян, *пит. соч.*, стр. 60–66; Б. В. Шейншлин, *Сущность советского права*, стр. 110–111; П. Е. Недбайло, *Применение советских правовых норм*, М., 1960, стр. 104–108; Л. С. Явич, *указ. соч.*, стр. 103–110; А. С. Пиголкин, *Формы реализации норм общенародного права // Советское государство и право*, 1963, № 6, стр. 26–27.

⁶⁴ См.: О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, *пит. соч.*, стр. 216, см. также: *Теория государства и права*, изд. АН СССР, М., 1962, стр. 463–464. Напротив, Б. С. Никифоров полагает, что уголовно-правовые отношения возникают уже в связи с актом издания уголовно-правовой нормы, посредством чего уголовный закон охраняет, закрепляет определенные общественные отношения (см.: Б. С. Никифоров, *Объект преступления по советскому уголовному праву*, М., 1960, стр. 10).

⁶⁵ Правильно связывают уголовную ответственность с нарушением определенных правовых обязанностей Б. С. Утевский (см.: *Вина в советском уголовном праве*, М., 1950, стр. 28), Я. М. Брайнин (*Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве*, М., 1963, стр. 9–14) и ряд других авторов.

Эта вновь возникшая как следствие правонарушения правовая обязанность и составляет, на наш взгляд, содержание юридической ответственности.⁶⁶

Совершение преступления является тем юридическим фактом, который обуславливает возникновение уголовного правоотношения. Совершение преступления ведет к возникновению прав и обязанностей сторон данного правоотношения – права государства в лице соответствующих органов применить предусмотренное законом наказание к виновному лицу, ограничиваясь пределами санкции, установленной за подобное преступление, и обязанности этого лица отвечать за свое поведение в уголовном порядке, то есть обязанности лица подчиниться той мере наказания, которая установлена государством за совершение подобных преступлений.⁶⁷

Термином «юридическая ответственность»,⁶⁸ по нашему мнению, охватывается содержание тех правоотношений, которые возникают из правонарушения, из нарушения правовой обязанности определенного поведения, причем основное ударение при употреблении этого термина делается на возникшей из этого правонарушения обязанности стороны отвечать за нарушение запрета, претерпеть определенные лишения личного или имущественного характера, которые управомоченная сторона данного правоотношения имеет право применить. Так и в случае уголовной ответственности, когда этим термином охватывается содержание уголовного правоотношения с упором на обязанность лица, совершившего преступление.⁶⁹

Таким образом, уголовная ответственность – это есть предусмотренная уголовным законом, возникающая в случае совершения преступления (юридический факт) правовая обязанность лица, виновного в этом преступлении, отвечать за совершенное в уголовном порядке, подчиниться той мере принуждения, которую государство имеет право применять за совершение подобных преступлений.⁷⁰ Так как уголовное правоотношение между преступником и

⁶⁶ В работе «ответственность по советскому гражданскому праву» О. С. Иоффе правильно указывает: «Ответственность же, являющаяся следствием неисполнения обязанности, должна выражаться либо в замене неисполненной обязанности новой обязанностью... либо в присоединении к нарушенной обязанности новой, дополнительной обязанности... либо в лишении права, из которого вытекала нарушенная обязанность... В этом и состоит проистекающие для правонарушителя из факта совершенного им правонарушения отрицательные последствия, составляющие необходимый элемент всякой меры правовой ответственности». – О. С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву, изд. ЛГУ, 1955, стр. 14. Однако в этой же работе О. С. Иоффе неправильно отождествляет ответственность с санкцией за правонарушение, с применением мер принуждения к правонарушителю. – См.: Там же, стр. 9. Тем самым вся проблема ответственности сводится к акту применения санкции за правонарушение. Подобная ошибка повторена в совместной работе О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского «Вопросы теории права», стр. 314–316. См. об этом ниже.

⁶⁷ Данная характеристика является лишь самой общей характеристикой уголовного правоотношения. В литературе правильно указывается, что обязанное, в принципе, лицо – преступник одновременно обладает рядом определенных прав, а управомоченный субъект – государство в лице соответствующих органов несет и определенные обязанности по этому правоотношению. См., например: Советское уголовное право, часть общая, изд. ЛГУ, 1960, стр. 4; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, цит. соч., стр. 215; А. А. Пионтковский. Правоотношение в уголовном праве // Правоведение, 1962, № 2, стр. 90–91 и др. Некоторые авторы полагают, что уголовное правоотношение возникает лишь между лицом и определенными органами государственной власти (см., например: Н. И. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса, изд. МГУ, 1956, стр. 248–262; С. Ф. Кечекьян, указ. соч., стр. 182–183; А. Л. Ривлин. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правоотношениях // Правоведение, 1959, № 2, стр. 107–111; Я. М. Брайнин, указ. соч., стр. 14–16 и др.) Напротив, другие авторы отстаивают положение, что управомоченным субъектом является государство в целом (см., например: М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, М., изд. АН СССР, 1958, стр. 48–49; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, цит. соч., стр. 215–216; А. А. Пионтковский, указ. соч., стр. 88–89).

⁶⁸ В законодательстве употребление понятия «юридическая ответственность» не унифицировано. Это понятие употребляется и в значении юридической обязанности, и в значении меры наказания, взыскания и др. См. об этом: О. Э. Лейст, указ. соч., стр. 85–88.

⁶⁹ В отличие от всех других отраслей права, правоотношение в уголовном праве возникает лишь в случае нарушения правовых запретов, то есть когда возникает уголовная ответственность. Не поэтому ли наука уголовного права, в отличие от других, столь долго обходилась без понятия уголовного правоотношения, заменяя его достаточно равноценным в определенной степени понятием уголовной ответственности?

⁷⁰ Правильно трактуют уголовную ответственность как обязанность лица, совершившего преступление, отвечать в уголовном порядке, подвергнуться установленным в законе санкциям за это преступление Ион Оанча (Некоторые замечания по вопросу уголовного правоотношения, сб.: «Вопросы уголовного права стран народной демократии», М., 1963, стр. 204–207),

государством в лице соответствующих его органов возникает непосредственно в момент совершения преступления⁷¹ (с момента начала осуществления подготовительных действий – ст. 15 Основ), то и уголовная ответственность возникает с этого же момента, вне зависимости от того, что преступление может быть еще не раскрыто и виновник не обнаружен.

Возникнув в момент совершения преступления, уголовная ответственность, понимаемая как обязанность виновного отвечать за совершенное, подчиниться тем мерам принуждения, которые соответствующие органы имеют право применить, заканчивается или в момент окончательной реализации, осуществления этой обязанности в виде отбытия наказания, установленного по приговору суда, или в результате безусловного освобождения от наказания по причине, например, утраты лицом общественной опасности, передачи дела на рассмотрение товарищеского суда, амнистии, помилования и др.⁷²

В течение всего этого периода времени (с момента совершения преступления до момента отбытия или освобождения от наказания) существует одно единое уголовное правоотношение (урегулированное правом общественное отношение между лицом, совершившим преступление, и государством в лице соответствующих его органов по поводу совершения преступления) с вышеуказанным содержанием – право государства применить наказание в ограниченных законом пределах и обязанность виновного лица подчиниться этому наказанию, существует уголовная ответственность. Последняя также является средством государства в осуществлении его функций охраны и закрепления определенного порядка общественных отношений и устанавливается в целях исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления, в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждения совершения новых преступлений как виновным, так и другими лицами.

Как бы на фоне, а точнее, **имея в основе** это единое, более или менее продолжительное уголовное правоотношение,⁷³ в целях осуществления задач уголовной ответственности возникают сначала уголовно-процессуальные правоотношения, в результате которых осуществляется ряд действий, направленных на установление виновного в совершении преступления и определение пределов его ответственности (квалификация содеянного), а затем, после вынесения обвинительного приговора на основе этого же уголовного правоотношения возникают исправительно-трудовые правоотношения.⁷⁴ И если конечной задачей уголовно-процес-

Н. С. Лейкина (Стадии реализации уголовной ответственности и личность преступника // Научная конференция «Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма», Л., 1963, стр. 18), *Я. М. Брайнин* (Уголовная ответственность и ее основание по советскому уголовному праву, стр. 8–28), *В. И. Курляндский* (О сущности и признаках уголовной ответственности // Советское государство и право, 1963, № 11, стр. 90–92) и некоторые другие авторы.

⁷¹ См.: *М. С. Строгович*, указ. соч., стр. 49; *А. А. Пионтковский*, указ. соч., стр. 89; *Б. А. Галкин*. Советский уголовно-процессуальный закон, М., 1962, стр. 82; *В. И. Курляндский*. О сущности и признаках уголовной ответственности // Советское государство и право, 1963, № 11, стр. 91. Напротив, *Я. М. Брайнин*, например, полагает, что уголовно-правовое отношение возникает с момента привлечения виновного в качестве обвиняемого. См.: *Я. М. Брайнин*, указ. соч., стр. 19–25.

⁷² См. подробнее ниже. *Н. С. Лейкина* также считает, что уголовная ответственность возникает с момента совершения преступления и завершается отбытием наказания. Однако ошибочным представляется ее положение о стадиях реализации уголовной ответственности. См. указ. тезисы, стр. 18.

⁷³ «Уголовно-процессуальные отношения всегда складываются в связи с отношениями уголовно-правовыми и по поводу этих отношений». – *П. С. Элькинд*. Сущность советского уголовно-процессуального права, Л., 1963, стр. 15.

⁷⁴ По взглядам *Н. С. Лейкиной*, процесс реализации ответственности «начинается с привлечения к уголовной ответственности, проходит стадию назначения наказания и завершается исполнением наказания». «Привлечение к уголовной ответственности, назначение и исполнение наказания являются стадиями **единого** процесса реализации уголовной ответственности, определенным образом оформленными и закрепленными процессуально». См.: *Н. С. Лейкина*. Стадии реализации уголовной ответственности и личность преступника // Научная конференция «Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма», Л., 1963, стр. 18. Мы считаем, что привлечение к уголовной ответственности, назначение наказания и т. п. являются чисто процессуальными действиями, **стадиями установления**, а не реализации уголовной ответственности. Лишь с момента вступления обвинительного приговора в законную силу начинается процесс реализации уголовной ответственности. До этого государство в лице соответствующих органов своих прав **по уголовному правоотношению** не осуществляет, ибо наличие последнего еще не установлено. У *Н. С. Лейкиной* получается, что индивид несет

суальных правоотношений является установление виновного субъекта, установление наличия уголовной ответственности конкретного лица и определение меры этой ответственности, то задачей исправительно-трудовых правоотношений является реализация наказания как определенной судом меры уголовной ответственности конкретного лица. Уголовное правоотношение, уголовная ответственность устанавливается и осуществляется, реализуется посредством возникновения и реализации уголовно-процессуальных и исправительно-трудовых правоотношений.⁷⁵ «...Материальное содержание ответственности, которое является единственным правовым содержанием, юридически одинаково от момента совершения деяния и до момента отбытия наказания или освобождения от него и совершенно не зависит от процессуальных, пенитенциарных и иных соображений».⁷⁶

Можно выделить такие этапы, стадии уголовно-процессуальной деятельности, как возбуждение уголовного дела по факту совершения преступления, привлечение конкретного лица в качестве обвиняемого за совершение определенного преступления, предание суду этого лица, постановление обвинительного приговора судом. Вся эта уголовно-процессуальная деятельность направлена на **установление** наличия уголовной ответственности конкретного лица (сначала, возможно, неизвестного, затем подозреваемого – обвиняемого – подсудимого) и пределов этой ответственности, причем виновное лицо является уголовно ответственным с момента совершения преступления, независимо от этой процессуальной деятельности. Согласно советскому уголовно-процессуальному законодательству, установление виновности в совершении преступления, окончательное установление уголовной ответственности вправе осуществлять только суд (ст. 7 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Это и делается судом в форме вынесения судом обвинительного приговора, если «в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана» (ст. 309 УПК РСФСР).⁷⁷

С момента же вступления обвинительного приговора в законную силу и начала его исполнения начинается процесс **реального осуществления**, реализации обязанности виновного субъекта подчиниться тем принудительным мерам, которое государство в лице соответствующих органов имеет право к нему применить и с этого момента начинает применять.⁷⁸ Причем в этот момент конкретная мера обязанности уже точно определена.⁷⁹

уголовную ответственность еще до того, как установлена его подобная правовая обязанность (и даже в тех случаях, когда последняя вообще отсутствует). С концепцией Н. С. Лейкиной близка позиция Н. Стручкова (см.: *Н. Стручков*. Проблемы исправительно-трудового права в свете задач борьбы с преступностью на современном этапе // Научная конференция «Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма», Л., 1963, стр. 36–37).

⁷⁵ Известные указания Маркса о соотношении уголовно-материального и уголовно-процессуального права («Судебный процесс и право также тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных – с мясом и кровью животных. **Один и тот же** дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только **форма жизни закона**, следовательно, проявление его внутренней жизни». – *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч. т. I, стр. 158) следует, на наш **взгляд**, понимать как раз в том смысле, что уголовное правоотношение устанавливается и конкретная мера ответственности определяется посредством уголовно-процессуальной деятельности.

⁷⁶ *В. Г. Беляев*. Личность преступника и некоторые вопросы ответственности // Материалы четвертой научной конференции аспирантов, Ростов-на-Дону 1962, стр. 282.

⁷⁷ Верно пишет М. С. Строгович: «Производство по уголовному делу возбуждается и ведется для того, чтобы установить, имеется ли в данном случае действительное уголовно-правовое отношение и какое именно, совершено ли преступление, кто его совершил и какую ответственность он должен нести. В начале производства по делу это уголовно-правовое отношение может быть, и обычно бывает, еще неясно: для того, чтобы все это установить, необходимо провести предварительное следствие и судебное разбирательство дела». (*М. С. Строгович*. Курс советского уголовного процесса, изд. АН СССР, М., 1958, стр. 49). И далее: «Если же в ходе расследования и разбирательства уголовного дела выясняется, что преступление не было совершено, обвиняемый не виновен, тем самым устанавливается отсутствие уголовно-правового отношения, наличие которого ранее предполагалось. При вынесении судом обвинительного приговора и вступлении этого приговора в силу окончательно устанавливается и делается вполне определенным уголовно-правовое отношение». – Там же. В этом высказывании можно смело употреблять вместо термина «уголовное правоотношение» термин «уголовная ответственность». В первой из приведенных цитат М. С. Строгович термин «ответственность» употребляет в значении меры взыскания.

⁷⁸ Закон, правда, предписывает суду засчитывать предварительное заключение в срок наказания (ст. 47 УК РСФСР). Однако предварительное заключение применяется лишь при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый

Таким образом, мы выделяем следующие моменты: возникновение уголовной ответственности, установление наличия уголовной ответственности и реализация уголовной ответственности – реальное отбытие наказания. Началом процесса реализации уголовной ответственности за совершенное лицом преступное деяние является момент вступления в законную силу и начало исполнения вынесенного судом приговора, который, являясь актом применения нормы права, определяет вид и меру уголовного наказания конкретному виновному лицу.⁸⁰

Человек может и должен отвечать только за свое поведение. Акт поведения, поступок можно назвать «своим», лишь когда он имеет основание во внутренних социальных качествах человека, его убеждениях, установках, привычках, когда он порождается именно этими качествами. Простое физическое авторство деяния не дает права называть его своим и, следовательно, не дает возможности возлагать на лицо ответственность за это деяние. По этой причине нельзя признавать ответственным лицо, действовавшее в состоянии невменяемости, а также причинившее ущерб, например, под воздействием непреодолимой силы, так как совершенные действия в подобных случаях непосредственно самой социальной сущностью личности субъекта. Лицо признается ответственным за поступок, когда его поведение было свободным, то есть когда в определенной объективной ситуации совершение поступка, оцениваемого впоследствии как нравственный или безнравственный, преступный или не преступный, зависело от общественного лица индивида, от его социального Я, от соотношения узко личных и общественных интересов в лично для него значимом.

В применении к юридической ответственности эта необходимая связь между деянием и личностью отражена в признаке виновности. Согласно закону, «уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние» (ст. 8 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик). Признак виновности, являющийся обязательной характеристикой преступного деяния, позволяет связывать объективно опасные действия человека и их последствия с самой социальной сущностью личности виновного, позволяет говорить, что в детерминации поведения определенную роль играли социальные качества человека, а это необходимо для социальной ответственности данного человека заданное поведение.⁸¹

или обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора до вступления его в законную силу, как мера пресечения, а не как исполнение обязанности лица отвечать за свою вину в случае совершения преступления.

⁷⁹ В силу изложенного ошибочной представляется концепция уголовного правоотношения (а, следовательно, по нашему мнению, и уголовной ответственности), развитая А. Л. Ривлин (см. его статью: Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях // Правоведение, 1959, № 2). Последний, в частности, считает, что субъектом уголовных правоотношений является не только преступник, но и обвиняемый, подсудимый, который может быть и оправдан судом (см. указ. соч., стр. 108). При этом он считает преступником лишь лицо, «признанное виновным приговором суда в совершении общественно опасного деяния и осужденное к определенному наказанию» (Там же). Однако с подобным определением никак нельзя согласиться. Понятие преступника производно от понятия преступления. Преступник – это лицо, виновно совершившее преступление. Виновность же в совершении преступления – это объективный факт; это факт умышленного или по неосторожности совершения общественно-опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, а отнюдь не оценочное суждение суда о наказуемости деяния и лица, его совершившего. Деяние – преступление, а виновник его – преступник еще до того, как вопрос о преступности деяния и наказуемости его субъекта рассматривается судом. Уголовное правоотношение (уголовная ответственность) возникает в момент совершения преступления и существует независимо от какой-либо процессуальной деятельности. Далее, нельзя считать уголовно-правовыми отношения, возникающие, например, при привлечении лица в качестве обвиняемого, переквалификации обвинения и т. д. как это делает А. Л. Ривлин (Там же). Это все процессуальные действия, как правило, имеющие в своей основе материальное правоотношение между виновным в преступлении и государством в лице соответствующих его органов.

⁸⁰ См.: А. А. Пионтковский. Указ. соч., стр. 90.

⁸¹ «Ответственность у нас допускается, в принципе, лишь за такое противоправное деяние, которое является результатом проявления свободы воли человека, притом – не всякого, а виновного, проявления, заключающего в себе отрицательное внутреннее отношение нарушителя к интересам советского общества, к советскому закону». – И. С. Самощенко. Свобода воли и ее значение для правового регулирования общественных отношений // Советское государство и право, 1963, № 12, стр. 42.

Диалектико-материалистическая детерминистическая концепция поведения отнюдь не отбрасывает понятия вменяемости и вины и связанные с ними понятия ответственности, нравственного осуждения и наказания. Однако признание человека вменяемым не означает наличие у него «свободной воли», а признание его вины и ответственности не означает признание того, что он действовал абсолютно произвольно, лишь на основе своей «свободной воли».

Между тем именно такое мнение господствовало в советской юридической литературе 20-х годов, в работах тех авторов, которые стояли на позициях механистического детерминизма,⁸² и даже отчасти проникло в уголовное законодательство того времени.

В этих работах были подвергнуты критике и отвергнуты как методологически неверные такие идеалистические концепции классической школы буржуазного уголовного права, как наказание – возмездие, слепое воздаяние за содеянное, искупление вины. Провозглашалась исключительно целесообразность мер уголовной репрессии в их защите «государства трудящихся от преступлений и от общественно-опасных элементов» (ст. 5 УК РСФСР 1922 г.).⁸³

Но в то же время многие советские криминалисты (например, Н. В. Крыленко, А. Н. Трайнин, М. И. Исаев, А. Я. Эстрин, Н. Н. Паше-Озерский и др.) некритически перенесли ряд механистических положений буржуазной социологической школы в советское уголовное право.

Так, в частности, обстояло и с проблемой вины. Считалось, что признание лица виновным означает наличие у него «злой» воли и необходимости искупления вины через наказание – возмездие. Поэтому в уголовном законодательстве (Руководящие начала 1919 г., УК 1922 г., Основные начала 1924 г., УК 1926 г.) понятия вины и виновности в совершении преступления вообще не употреблялись.

В литературе под общим понятием меры социальной защиты общества от общественно опасных элементов объединялись и меры уголовного наказания, применяемые к вменяемым лицам, которые совершают преступления в силу определенных социальных качеств, и по существу неизбежно содержащие в себе элемент нравственного осуждения определенных поступков, и принудительные меры медицинского характера, применяемые к невменяемым, единственной причиной совершения преступлений у которых служит то или иное их психическое заболевание или расстройство. Момент нравственной оценки в мерах уголовной репрессии отвергался вовсе: «... Уголовно-правовая квалификация означает лишь, что данное лицо должно в интересах коллектива быть подвергнуто специфической форме социальной защиты – уголовно-правовому принуждению. Ничего иного и ничего более в уголовной оценке не содержится».⁸⁴

Поэтому считалось, что меры уголовной репрессии могут применяться и в случаях, когда субъект деяния невменяемый. Эти меры лишь должны быть приспособлены к особенностям данного случая, как они вообще приспособляются к особенностям каждого индивидуального случая. Невменяемость же, как и виновность, является всего лишь одним из критериев, определяющих степень социальной опасности личности и меру социальной защиты.⁸⁵

Умысел и неосторожность в совершении общественно опасного деяния – виновность в совершении преступления – теряют свое качество оснований уголовной ответственности и становятся рядовыми критериями общественной опасности субъекта. Так, по Н. В. Крыленко:

⁸² См., например: Н. В. Крыленко. Три проекта реформы Уголовного кодекса // Советское государство и революция права, 1931, № 1, стр. 95–96. Уже в советское время Э. Я. Немировский писал, что отрицательная оценка как элемент репрессии означает возвращение к индетерминизму. «С точки зрения советского уголовного права, таким образом, элемент отрицательной оценки... представляется совершенно недопустимым, как противоречащий марксизму и строго проведенной идее детерминизма...» – Э. Я. Немировский. Советское уголовное право. Части общая и особенная, изд. 2-е, Одесса, 1926, стр. 54.

⁸³ Уже в первом советском уголовно-правовом акте общего характера (Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г.) указывалось, что «наказание не есть возмездие за „вину“, не есть искупление вины» (стр. 10).

⁸⁴ А. Н. Трайнин. Уголовное право. Часть общая, М., 1929, стр. 181.

⁸⁵ См.: Там же, стр. 250.

«Исключая целиком из общей части Уголовного кодекса оба понятия – и умысла, и неосторожности, как понятия, **единственно определяющие** возможность уголовной репрессии, мы оставляем их лишь как **один из показателей** опасности лица и не больше, допуская случаи, когда **суд применяет те или иные мероприятия и против невменяемых**».⁸⁶

Механицизмом проникнуты и взгляды авторов, трактовавших вину как преступное настроение. Так, С. В. Познышев писал: «То состояние, в котором человек совершил преступление, – его вина, – составляет продукт, с одной стороны, известного давления на него среды, то есть действия на него происходивших в окружающей его среде событий, а с другой – его конституции».⁸⁷

Между тем **вина** в ее диалектико-материалистическом понимании означает всего лишь объективное существование определенного психического отношения (умысле или неосторожность) у действующего субъекта к своему общественно опасному деянию и его последствиям. Признание виновности лица в совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, означает не абсолютную произвольность его поведения, а то, что **именно данное лицо** являлось субъектом этого деяния и что действовало (бездействовало) оно с определенным психическим отношением к им совершаемому.⁸⁸

Установление вины человека как определенного объективно существовавшего психического отношения к совершаемому им общественно опасному деянию и к последствиям этого деяния позволяет говорить, что данный поступок (как умышленный, так и неосторожный) так или иначе опосредован социальной направленностью лица, его взглядами и установками, то есть является в большей или меньшей степени следствием и проявлением общественного лица субъекта. Поэтому преступление как виновно совершенное общественно опасное деяние неотделимо от личности того, кто его совершил, как его собственное произведение. Правильно пишет О. С. Иоффе: «...благодаря вине, правонарушение становится уже не просто объективно неправомерным фактом, но и выражает в себе определенное **отрицательное отношение** правонарушителя к интересам социалистического общества или отдельного гражданина. В этом именно и заключается социальное содержание вины как условия ответственности по советскому уголовному праву».⁸⁹

При виновном поведении человек поступает таким образом, что он на основе свойственных ему социальных качеств самоопределяется в соответствующей объективной ситуации, в ответ на непосредственные внешние воздействия окружающей среды и внутренние импульсы. С помощью вины мы связываем поступок с личностью. Поэтому, изучая и оценивая поступок человека, мы изучаем и оцениваем личность виновного. Однако все эти социальные качества человека (его интересы, потребности, установки, взгляды, убеждения и т. д.) в свою очередь объективно детерминированы в ходе жизнедеятельности личности, в процессе ее воспитания в широком смысле этого слова под влиянием общественных и других условий.⁹⁰

⁸⁶ Проект нового Уголовного кодекса РСФСР, вступ. статья Н. В. Крыленко, М., 1930, стр. 21. См. также: А. Н. Трайнин. Критерии социальной опасности // Сб. «Основы и задачи советской уголовной политики», М. – Л., 1929.

⁸⁷ С. В. Познышев. 1) Криминальная психология. Преступные типы, Л., 1926, стр. 28; 2) Очерк основных начал науки уголовного права. Общая часть, М., 1928, стр. 188–191. См. также: Э. Я. Немировский. Опасное состояние личности и репрессия // Право и жизнь, 1924, кн. 1, стр. 9–10. Подобные взгляды развивались этими же авторами еще в дореволюционное время. См.: С. В. Познышев. Основные начала науки уголовного права, изд. 2-е, М., 1912, стр. 266; Э. Я. Немировский. Основные начала уголовного права, Одесса, 1917, стр. 191–195.

⁸⁸ См.: Н. С. Алексеев, В. Г. Смирнов, М. Д. Шаргородский. Основание уголовной ответственности по советскому праву // Правоведение, 1961, № 2, стр. 84.

⁸⁹ О. С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву, изд. ЛГУ, 1955, стр. 144.

⁹⁰ Критикуя Михайловского, В. И. Ленин писал: «Историю делает, – рассуждает г. Михайловский, – „живая личность со всеми своими помыслами и чувствами“. Совершенно верно. Но чем определяются эти „помыслы и чувства“? Можно ли серьезно защищать то мнение, что они появились случайно, а не вытекают необходимо из данной общественной среды, которая служит материалом, объектом духовной жизни личности и которая отражается в ее „помыслах и чувствах“ с положительной или отрицательной стороны...» – В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. I, изд. 5, стр. 423–424. Маркс указывал, что «совесть зависит

Тем не менее диалектико-материалистическая концепция поведения допускает нравственную, а следовательно, и юридическую ответственность человека за его поведение. Дело в том, что нравственная оценка производится не с точки зрения соответствия того или иного поступка требованиям вечных, внеисторических моральных норм, абстрактного «категорического императива», и ответственность не служит достижению абстрактной справедливости, а и то, и другое производится исключительно в утилитарных целях. «Давая нравственную оценку поступку, социалистическое общество регулирует влияние этого поступка на будущие поступки данного человека и окружающих его людей. Нравственная оценка поведения людей, поощрение или осуждение коллективом его поступка воспитывает не только его самого, но и других членов коллектива».⁹¹

Моральное осуждение поступка – преступления, а одновременно и лица, его совершившего, производится с позиции господствующей в данном обществе морали, в которой закреплены, в конечном счете, интересы господствующего экономически и политически класса или при условии отсутствия антагонистических классов, при морально-политическом единстве общества – интересы всего народа. Моральная оценка всегда производится исключительно с той точки зрения, насколько совершенный поступок отвечает или противоречит указанным интересам.⁹²

Франц Меринг замечает: «Конечно, этическая **оценка** социального события представляет собою нечто совершенно иное, чем гипотетическое **объяснение** его возникновения; показывая историческую необходимость капитализма, Маркс отнюдь не восхищается им...»⁹³ Когда мораль и право производят оценку социального поступка человека, то при общей характеристике деяния как полезного или вредного, положительного или отрицательного, нравственного или безнравственного, учитывается объективная значимость, объективная полезность или вредность данного поступка интересам определенной общности, с позиций которой производится данная оценка. В. И. Ленин указывал, что критерием коммунистической нравственности являются интересы классовой борьбы пролетариата, «борьбы за укрепление и завершение коммунизма».⁹⁴

Генетически каждый поступок является необходимым следствием определенного причинного комплекса, решающую роль в котором играют направленность личности, ее интересы и стремления, в свою очередь детерминированные. Когда производится нравственная оценка поступка и человека по его поступку, то как бы отсекается, игнорируется тот этап в развитии личности, то взаимодействие причинно-следственных цепей, в результате которого осуществлялось формирование личностных качеств индивида. При оценке личность берется на определенный момент, с уже существующими, сформировавшимися более или менее стойкими взглядами, установками и т. п. И если она (личность) в конкретном случае поступает на основе этих своих социальных качеств (что удостоверяется установлением вины как определенного психического отношения), то мы и даем ей ту или иную моральную (и правовую) оценку в зави-

от знаний и от образа жизни человека». – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 140.

⁹¹ Б. Садыков. Коммунистическая нравственность, Новосибирск, 1963, стр. 11.

⁹² А. К. Уледов пишет: «Нравственная ответственность личности перед обществом определяется не свободой выбора, а необходимостью соблюдать общественные интересы. Общество не может не накладывать на личность определенных обязанностей. Личность потому и несет ответственность, что общество спрашивает с нее». – А. К. Уледов. О нравственной ответственности личности в коммунистическом обществе, сб. «Вопросы коммунистического воспитания», изд. МГУ, 1961, стр. 27.

⁹³ Ф. Меринг. Неокантианцы, сб.: «На страже марксизма», Госиздат, 1927, стр. 102, цит. по сб.: Марксистская этика. Хрестоматия, М., 1961, стр. 245.

⁹⁴ См.: В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 31, стр. 266–270. Правильно пишет В. П. Тугаринов: «Нравственным считается то, что полезно, нужно исторически определенному обществу или классу; безнравственным – обратное. В этом состоит объективная основа и сторона морали. Моральная деятельность – это не какая-то особая отдельная форма деятельности, а **сторона** любой деятельности: она совершается не ради самой морали, а ради других, практических целей». – В. П. Тугаринов. О моральных и эстетических ценностях. Научная конференция кафедр общественных наук вузов северо-запада. Тезисы докладов по секции философии, Л., 1963, стр. 61.

симости от того, отвечает или противоречит данный поступок интересам советского народа. Моральную ответственность за свое поведение человек берет на себя в силу того, что всякий раз поступает так, как подсказывает ему его нравственное сознание, долг и совесть.⁹⁵ О таком, детерминированном социальными особенностями личности выборе поступка можно говорить в случае как умышленного, так и неосторожного преступления.

Подробная связь поступка с личностью и позволяет вменить, «поставить на счет» этой личности, возложить на нее обязанность отвечать за свой поступок и его последствия. Человек отвечает за свое виновное поведение, потому что это непосредственно **его** поступок.⁹⁶ Короче говоря, диалектико-материалистическое обоснование ответственности заключается не в абсолютной свободе волевого акта и не в «физической» вменяемости субъекта, как утверждал Ферри, понимая под этим лишь причинную связь между телодвижением субъекта и наступившим результатом, а в факте связи совершенного деяния с нравственными личностными особенностями индивида, в том, что такой поступок является следствием этих особенностей.

Аналогично, когда стоит вопрос об юридической, и, в частности, об уголовной ответственности лица за совершенное им объективно опасное деяние, то вся проблема сводится к установлению его виновности в этом деянии. Лицо, умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние, является преступником, является уголовно ответственным. При этом подходе к вопросу об ответственности (а он является единственно правильным) уголовная ответственность лица обоснована независимо от того, что субъективные особенности личности, обусловившие ее вину в данном деянии, не произвольно им самим созданы, «выбраны», а образовались у данного лица в ходе его жизнедеятельности под воздействием разнообразнейших детерминант.

Вместе с тем диалектико-материалистическое обоснование уголовной ответственности с неизбежностью приводит к постановке исключительно утилитарных задач, которые преследует государство, устанавливая уголовную ответственность за совершение определенных общественно опасных деяний и привлекая к ней конкретных лиц за совершение конкретных преступлений.

Задачами уголовной ответственности не могут быть так называемые абсолютные задачи – возмездие, кара лица, совершившего преступление, ибо последнее является необходимым следствием детерминирующего поведения комплекса, ибо человек детерминирован в своей сущности и в своих поступках. Задачей уголовной ответственности в отношении лица, совершившего преступление, следует признать лишь определенное воздействие на личность виновного предусмотренными в законе средствами и методами, выработку новых детерминант поведения, необходимых и достаточных, по меньшей мере, для обезопасения социалистического общества от новых преступлений со стороны этого лица (специальное предупреждение).

Индивид, конечно, несет уголовную ответственность за виновное совершение предусмотренных уголовным законом общественно опасных действий, но только **потому**, что подобный поступок, будучи общественно опасным, в определенной мере является следствием и выражением личности данного индивида, и **для того**, чтобы выработать у него новые более

⁹⁵ См.: С. Уткин. Основы марксистско-ленинской этики (курс лекций), Ростов-на-Дону, 1961, стр. 47. В другой работе С. Уткин пишет: «...причинная обусловленность поведения личности не снимает с нее моральной ответственности за совершенные поступки. Иногда случается, что человек, совершивший тот или иной антиобщественный поступок, ссылается на обстоятельства, которые якобы вынудили его так поступить. Спрашивается, почему в той же обстановке другой человек вел себя нравственно, не принося вред обществу? Потому что при всей детерминированности поведения человек всегда сам по собственному убеждению выбирает, как ему поступить в данном случае и как в другом. В силу этого он берет на себя моральную ответственность за выбор и последствия своего поведения». – С. Уткин. Очерки по марксистско-ленинской этике, М., 1962, стр. 116–117.

⁹⁶ «Действие зависит от субъекта, определяется им, – пишет С. Л. Рубинштейн. – Поэтому-то действие, совершенное человеком, может быть показательным для него, и он ответственен за свое действие». – С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, изд. АН СССР, М., 1957, стр. 285.

или менее стойкие детерминанты социального поведения. Данная цель при возложении на конкретного индивида уголовной ответственности преследуется и в отношении неустойчивых третьих лиц (общее предупреждение).

Опасность для социалистического общества представляет не та или иная личность сама по себе, а те деяния, которые данная личность может совершить; опасность составляет то, что определенная личность может причинить вред социалистическим общественным отношениям. Помимо возможности совершения общественно опасных деяний социальная опасность личности ни в чем другом состоять не может. Поэтому охрана социалистического правопорядка производится не от опасных лиц, а от общественно опасных деяний посредством применения соответствующих репрессивных мер к определенным лицам.

Конечно, с точки зрения государственных и общественных интересов, вообще лучше предупреждать, не допускать совершения общественно опасных деяний, что частично и достигается (имея в виду карательные, репрессивные меры) при помощи угрозы применения мер уголовного наказания. Однако человек не фатально предопределен к совершению преступлений. В каждый конкретный момент он находится под воздействием множества постоянно изменяющихся факторов. Нет и не может быть такого критерия, который говорил бы о неизбежности совершения преступления определенным лицом, обладающим теми или иными качествами, ибо такой неизбежности вообще не существует, даже если личности свойственны отрицательные социальные качества.

Внутренне индивидуалистически, антиобщественно-настроенный субъект и нравственно противоречивый индивид могут никогда не совершить преступления и не стать преступниками.⁹⁷ Поэтому даже при установлении подобных социальных качеств индивида можно говорить только об абстрактной возможности совершения данным лицом преступления.

Уголовная ответственность за виновное совершение общественно опасных действий, предусмотренных уголовным законом, есть единственно возможная **правовая** форма борьбы с лицами, пораженными пережитками частнособственнической психологии и нравственно противоречивыми, способными совершить уголовное преступление, и тем самым единственно возможная правовая форма охраны советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств. Совершение преступления является единственным основанием уголовной ответственности и в то же время неопровержимым доказательством общественной опасности личности; только оно неопровержимо доказывает, что свойственные индивиду антиобщественные взгляды и установки или его нравственная противоречивость обуславливают **реальную** возможность совершения им нового преступления.

§ 2. Понятие общественной опасности преступника. Характер и степень общественной опасности преступника

В предыдущей главе мы показали, какую важную роль играют личностные социальные и психофизические особенности субъекта в этиологии его преступного поведения. Преступное деяние – это общественно опасное деяние конкретного человека, поступок, в котором выражается отношение данного человека к обществу, коллективу, другим лицам, к определенным общественным отношениям. Являясь актом поведения, преступление не есть результат произвольного самоопределения абстрактной «свободной» воли, с одной стороны, не механическая, импульсивная реакция на внешние воздействия и внутренние импульсы, с другой, но не независимо от нравственных и психических особенностей человека. Напротив, общественно опасное деяние, расцениваемое законом как умышленное или неосторожное преступление,

⁹⁷ См.: А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР, М., 1961, стр. 160.

является в той или иной степени **следствием и выражением** общественной сущности правонарушителя, в той или иной степени адекватно выражает данную антиобщественную сущность личности или ее внутреннюю противоречивость, нестойкость ее нравственных принципов.⁹⁸ Только за совершение подобных общественно опасных действий и устанавливается уголовная ответственность.

Личность в своем реальном бытии может представлять единство противоречивых нравственных взглядов и отношений с окружающей действительностью. Наличие подобных противоречивых личностных качеств и их борьбы обуславливает существование противоположных возможностей, тенденций поведения.

Согласно материалистической диалектике, развитие идет всегда от возможности к действительности. Поскольку до того, как определенное явление стало объективной действительностью, существовала столь же объективная возможность наступления этого явления, то до совершения каждого действительного акта поведения, в том числе и преступного, существовала **возможность** его совершения, имелись определенные основания данного поведения. Действительность же, действительный акт поведения представляет собой осуществленную реализованную возможность.

Существующая объективная возможность совершения преступления определенным лицом имеет свое основание, прежде всего, в отрицательных и противоречивых социальных качествах данной личности, в ее направленности, в характере отношений данного индивида с другими людьми, в его личных интересах, взглядах и установках (антиобщественные взгляды и установки, нравственная противоречивость личности, нестойкость ее убеждений и нравственных навыков). Таким образом, объективная возможность совершения общественно опасного деяния определенным лицом существует **до** момента преступления, в чем и заключается объективная опасность личности, ибо опасность означает не что иное, как возможность, угрозу причинения, наступления какого-либо вреда.

Диалектический материализм признает существование различных возможностей: возможность абстрактная и возможность реальная или конкретная.

В действительность может превратиться лишь реальная (конкретная) возможность, которая, во-первых, имеет основание в самом развивающемся объекте (а в нашем случае, в субъекте, в личности, в ее направленности, интересах и убеждениях), во внутренней тенденции развития этого объекта, и, во-вторых, для осуществления которой в самой действительности имеются необходимые условия, предпосылки.

Основанием реальной возможности совершения конкретным лицом преступления является наличие в его сознании пережитков частнособственнической идеологии и психологии, что выражается в неосознании им единства его собственных интересов как личности с интересами общественными, в наличии у него индивидуалистических установок, стремлений, которые могут, подчас, уживаться с коммунистическими отношениями к определенным сторонам действительности, и т. п. При отсутствии или неразвитости подобного основания у того или иного лица о возможности совершения им преступления говорить не приходится.

Однако далеко не каждая возможность преступного поведения, имеющая основание в самой антиобщественной или нравственно противоречивой сущности личности, превращается в действительность, то есть далеко не каждый и не при любых обстоятельствах подобный субъект совершает преступления. В реальной действительности у лица существуют объективные возможности как социально приемлемого поведения, так и антиобщественного поведения, ибо совершение определенным лицом преступления – не рок, не изначальная фаталь-

⁹⁸ См.: А. Б. Сахаров. Цит. соч., стр. 61; А. Л. Ременсон. Исправление заключенных – важнейшая задача исправительно-трудовых учреждений, сб. «Вопросы экономики, государства и права в решениях XXII съезда КПСС (доклады)», Томск, 1962, стр. 93.

ная предопределенность. Какая из этих возможностей будет реализована – зависит, прежде всего, от развитости основания той или иной возможности в самой личности (степень, глубина «зараженности» субъекта индивидуалистическими взглядами, их соотношение с надлежащими социальными представлениями).

Кроме того, чтобы была реализована та или иная возможность поведения, имеющая определенное основание в социальных качествах личности, необходим, как правило, ряд определенных условий, предпосылок. Это условия как объективного порядка (например, алкогольное опьянение, влияние других лиц, недостаточная охрана материальных ценностей, недостатки снабжения в определенном месте в определенное время, стечение определенных обстоятельств и т. п.), так и субъективного (например, особенности темперамента, волевые особенности, возрастные особенности и др.),⁹⁹ в той или иной мере и тем или иным образом участвующие в процессе детерминации преступного поведения со стороны конкретного индивида.

Но при всем этом, при наличии антиобщественных взглядов и установок у данной личности или ее противоречивости, нравственной нестойкости, а также при наличии некоторых условий, способствующих выражению отрицательных социальных качеств личности в виде общественно опасного, умышленного или неосторожного действия (бездействия), преступление будет совершено этим лицом только в том случае, если существующие социальные тормоза (меры общественного и государственного принуждения, в том числе и угроза применения мер уголовного наказания) при определенных условиях или вообще не оказывают свое сдерживающее влияние в отношении этого лица, то есть не выполняют ту свою социальную функцию, для осуществления которой они создаются.¹⁰⁰ Если же указанные социальные тормоза выполняют свою функцию в отношении данного лица, то возможность преступного поведения, имеющая основание в самой личности субъекта, реализоваться не может ни при каких других условиях как объективного, так и субъективного порядка. В этом случае возможность преступного поведения остается, но это будет лишь **абстрактная возможность**.

Следовательно, только в том случае, если существующие социальные тормоза не выработали в сознании индивида достаточные сдерживающие контрмотивы, которые тормозили бы осуществление антиобщественных стремлений и желаний или способствовали бы формированию надлежащего заботливого отношения к общественным интересам, только в этом случае имеется **реальная (конкретная)** возможность совершения преступления, которая будет реализована в действительность лицом при наличии (появлении) других, менее важных, с точки зрения криминалиста, предпосылок. Указанное условие носит негативный характер: оно не столько является детерминантой антиобщественного поведения, сколько приводит к тому, что не нейтрализуется действие других детерминант.

⁹⁹ Мы относим субъективные психофизические особенности личности к числу **условий** реализации возможности преступного поведения, так как возможность преступления как социального явления имеет свое основание не в них, а в социальных качествах социальном содержании личности. А. Б. Сахаров поэтому неправ, объединяя социальные качества личности и ее психофизические особенности в одну группу – «Субъективные (психофизические) обстоятельства, влияющие на проявление антиобщественных взглядов и побуждений в преступном посягательстве». См.: А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР, М., 1961, гл. 5.

¹⁰⁰ Изучение уголовных дел и беседы с правонарушителями показывают, что большинство из них в момент совершения преступления вообще не задумывалось о моральных и правовых санкциях за совершаемое. Многие из них совершили свои преступления, будучи в нетрезвом состоянии. Существующие социальные тормоза оказывали свое влияние на этих лиц в обычных условиях, но утратили свое действие при состоянии алкогольного опьянения. Другую, меньшую часть составляют лица, которые хотя и осознавали возможность наказания за свои преступные действия, но надеялись, что их преступление останется нераскрытым. Угроза применения мер общественного и государственного принуждения может вообще не оказывать принципиального сдерживающего влияния в отношении лиц со стойкими антиобщественными навыками и установками. Такие люди совершают преступление не под влиянием стечения определенных обстоятельств, а сами выжидают наступления благоприятных обстоятельств, благоприятного момента для совершения преступления.

Таким образом, реальная возможность совершения преступления тем или иным лицом имеет свое основание как в антиобщественной направленности или нравственной противоречивости данной личности, так и в ряде объективно существующих условий, предпосылок реализации этой возможности. Если же такие объективные предпосылки отсутствуют, то возможность является абстрактной. В качестве последней возможность не может превратиться в действительность. Для ее реализации абсолютно необходимо наличие, прежде всего, указанного выше условия, то есть она должна развиваться в конкретную (реальную) возможность.

Так как в действительность может превратиться лишь реальная возможность, то следует признать, что именно такая возможность существовала до начала осуществления преступного посягательства. Но можем ли мы узнать, определить с истинностью существование данной реальной (именно реальной!) возможности до того, как совершено преступление.

В. И. Ленин указывал, что единственными признаками, по которым можно судить о «реальных помыслах и чувствах реальных личностей», являются общественные действия этих личностей.¹⁰¹ Марксистская философия и психология, считающие специфически человеческими только сознательные, целенаправленные акты поведения, исходят из единства между сознанием и действительностью. Это единство «открывает возможность идти к познанию внутреннего содержания личности, ее переживаний, ее сознания, исходя из внешних данных ее поведения, из дел ее и поступков. Оно дает возможность как бы просвечивать через внешние проявления человека, через его действия и поступки его сознание...».¹⁰²

Деятельность человека – это «раскрытая книга человеческих **сущностных сил**, чувственно предлежащая перед нами человеческая **психология**».¹⁰³ По поведению субъекта в обществе можно сделать более или менее определенный и достоверный вывод о направленности этого лица, о характере отношений этого лица с другими людьми, его взглядах, установках, идеалах. Критериями для такого вывода являются, в частности, аморальное поведение в быту, нарушение правил социалистического общежития, административные, гражданские и дисциплинарные правонарушения, его высказывания, угрозы и т. д. На основании подобных фактов можно заключить о неосознании субъектом единства его интересов с интересами общественными, наличии у него антиобщественных взглядов и установок, нравственной нестойкости субъекта, небрежном отношении его к объектам, с которыми он соприкасается в своей деятельности, и т. п. Можно, наконец, определить наличие некоторых условий, в принципе способствующих совершению преступлений (например, некоторые психические особенности, злоупотребление алкоголем, связь с антиобщественными элементами и т. п.). Но при всем этом до тех пор, пока индивид не совершил преступление, приходится делать вывод, что в данных условиях объективного и субъективного порядка существующие детерминанты социально приемлемого поведения и в том числе (на крайний случай) простая, но реальная угроза применения мер общественного и государственного воздействия (в отношении лиц, на которых моральные стимулы не оказывают данного влияния) успешно выполняют свою социальную функцию и не позволяют антиобщественным, отрицательным качествам этого лица вылиться в виде преступных деяний (а это и является главной задачей уголовно-правовых мер).¹⁰⁴ О

¹⁰¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 423–424.

¹⁰² С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, изд. 2-е, М., 1946, стр. 24.

¹⁰³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 628.

¹⁰⁴ Имеется целый ряд случаев, когда уголовная ответственность за самонадеянность и небрежность наступает лишь при наличии общественно опасных последствий (ст. ст. 106, 114, 150, 211, 212, 214 и др. УК РСФСР). Поскольку данные последствия не наступили по не зависящим от субъекта обстоятельствам, то само совершение подобных действий свидетельствует о легкомысленном, недостаточно заботливом отношении лица к объектам, с которыми он соприкасается в своей деятельности, к интересам других лиц и общественным интересам и о том, что существующие социальные стимулы не оказывают на данное лицо надлежащее воздействие. Однако государство не считает целесообразным ни для специальной, ни, тем более, для общей превенции установление **уголовной** ответственности в случаях небрежного и самонадеянного поведения, не повлекшего указанных общественно опасных последствий.

том, смогут ли эти меры оказать тормозящее воздействие и при иных условиях в отношении данного лица, можно делать лишь предположительные заключения. Поэтому до совершения лицом преступления можно установить существование лишь абстрактной возможности такого поведения, возможности без наличия предпосылок ее реализации.

Простое установление отрицательных социальных качеств у индивида является необходимым и достаточным основанием для применения тех или иных профилактических, воспитательных мер, тех или иных мер общественного воздействия. Линия на необходимость проведения профилактики, воспитательной работы с лицами, допустившими только отклонение от норм общественного поведения, с целью предупреждения совершения ими проступков, приносящих вред обществу, закреплена в решениях XXI съезда КПСС.¹⁰⁵

Если же индивид умышленно или по неосторожности совершает предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние, то, на наш взгляд, существует реальная (конкретная) возможность совершения им нового преступления. Основание этой возможности в самой личности, субъекте заключается, как свидетельствует совершенное преступление, в наличии у него стойких антиобщественных навыков, установок или противоречивости, нестойкости его нравственных качеств при умышленных преступлениях или недостаточно заботливом, легкомысленном отношении к общественным интересам, к объектам, с которыми лицо соприкасается в своей деятельности, при преступлениях по неосторожности.

Основным условием, придающим данной возможности характер реальной возможности, является отсутствие в сознании такого лица контрмотивов, создаваемых обычно уголовно-правовыми средствами (чувством стыда, страхом перед возможным разоблачением, расчетом о невыгодности преступления по сравнению с возможными последствиями и т. д.), по отношению к мотивам, вызвавшим преступление, или недостаточность в определенных условиях существующих контрмотивов, доказательством чего является совершение данного общественно опасного деяния.

Необходимо при этом уточнить, что в подобных случаях устанавливается реальная возможность совершения не вообще любых преступлений, а прежде всего преступлений определенного вида, совершаемых примерно по аналогичным мотивам, ибо преступление показало, что существующие социальные тормоза не создали контрмотивов по отношению именно к этим мотивам (относительно других мотивов выводы будут только предположительными). Так, при корыстном преступлении имеется реальная возможность совершения этим же лицом нового преступления из корысти, при преступлении из хулиганских побуждений – опасность нового аналогичного преступления, при неосторожных преступлениях по легкомыслию, невнимательности – реальная возможность нового преступления по тем же мотивам. Поэтому применение к виновным мер общественного воздействия и государственного принуждения по отношению к этим лицам имеет своей целью выработку новых детерминант, новых мотивов в их сознании, которые нейтрализовали бы действие этих корыстных мотивов, хулиганских побуждений, способствовали бы выработке более заботливого отношения к общественным интересами т. д.

Этот теоретический вывод базируется на материалах судебной практики. Мы изучили уголовные дела в отношении 480 человек, осужденных по данным приговорам за совершение ряда преступлений или за ряд эпизодов преступной деятельности, каждый из которых образует состав преступления.¹⁰⁶ Изучение показывает, что в подавляющем большинстве случаев (413

¹⁰⁵ В резолюции, принятой XXI съездом КПСС указывается, что «в деле соблюдения правил социалистического общежития все более важную роль призваны играть народная милиция, товарищеские суды и подобные им самодеятельные органы, которые должны наряду с государственными учреждениями выполнять функции охраны общественного порядка и прав граждан, предупреждать проступки, наносящие вред обществу». – Материалы внеочередного XXI съезда КПСС, Госполитиздат, М., 1959, стр. 155.

¹⁰⁶ Дела в отношении этих лиц прошли через кассационную коллегия Ленинградского городского суда в первое полугодие

человек, или 86 %) новое преступление совершается исходя из тех же побуждений и мотивов (хулиганские побуждения, корыстные побуждения и т. д.), что и первое преступление.

Более того, примерно в 80 % случаев (380 чел.) наблюдается тождество не только в мотивах совершения первого и последующих преступных деяний, но и в характере этих преступлений (кражи, завладение имуществом с применением насилия, мошеннические действия, хищение путем использования служебного положения, хулиганские действия, обман покупателей, развратные действия, взяточничество и т. д.) и даже способах совершения этих преступлений. Так, М. осужден нарсудом Петроградского района г. Ленинграда по ч. II ст. 144 УК РСФСР. Он признан виновным в 11 кражах, совершенных в период с ноября 1963 г. по февраль 1964 г. Все кражи М. совершил в студенческом общежитии, где проживал и сам. Другой пример: А. осужден нарсудом Ленинского района г. Ленинграда по ч. II ст. 147 УК РСФСР. В апреле – мае 1964 г. А. систематически совершал мошеннические действия (6 эпизодов): брал от граждан деньги для приобретения для них гречневой крупы, входил через черный вход в магазины и скрывался.

По изученным нами материалам 116 человек осуждены за совершение аналогичных преступлений по двум эпизодам, 91 человек – по трем эпизодам, 44 человека – по четырем эпизодам, 24 человека – по пяти эпизодам, 41 человек – по шести эпизодам и более и, наконец, 64 человека осуждены за систематическую преступную деятельность. Эти преступные действия были совершены в следующие сроки:

Лица, осужденные за совершение преступных действий	Преступления совершены в течение									
	1 дня	2—3 дней	1 недели	двух недель	1 месяца	2 месяцев	3 месяцев	6 месяцев	1 года	более одного года
по 2 эпизодам	16	16	8	10	22	19	9	10	6	—
по 3 эпизодам	5	6	2	4	18	18	12	17	8	1
по 4 эпизодам	3	1	—	2	5	6	10	7	7	3
по 5 эпизодам	—	—	—	—	1	5	2	8	5	3
по 6 эпизодам и более	—	1	—	1	5	8	1	7	7	11
систематическая преступная деятельность	—	—	—	—	3	3	5	9	18	26

У ряда лиц антиобщественные взгляды и установки, преступные навыки и привычки являются настолько прочными, что и после осуждения и отбытия наказания они совершают преступления и очень часто аналогичные предшествующим. Об этом свидетельствует изучение уголовного рецидива.¹⁰⁷

Мы изучили материалы в отношении 1000 человек, ранее судимых и вновь совершивших преступления. Показательно, что 69 % от этого числа осуждены по настоящему приговору за

1964 года.

¹⁰⁷ По г. Ленинграду в IV квартале 1963 г. лица, ранее судимые и вновь совершившие преступления, составляли 33,5 % от общего числа осужденных (в том числе: имевшие одну судимость – 22 %, две судимости – 6,7 %, 3 судимости и более – 4,8 %). По отдельным категориям преступлений рецидив (общий) составлял: нарушение паспортных правил – 70,1 %, кража личной собственности – 57,2 %, разбой – 37,2 %, грабеж – 36 %, все виды хищения государственного имущества – 56,5 %, злостное хулиганство – 39 %, тяжкие телесные повреждения – 22,5 %, изнасилование – 34,5 %, умышленное убийство – 14,3 % и т. д.

преступления, однородные тем, за которые они уже были ранее судимы. Так, среди 241 рецидивиста, осужденных за кражи личной собственности граждан, ранее судилось за преступления против собственности 210 человек (87 %), причем 164 человека (68 %) в прошлом судились только за такие преступления, в том числе 1 раз – 84 чел. (51 %), 2 раза – 34 чел. (27 %), 3 раза – 23 чел. (14 %), 4 раза – 13 чел. (8 %), 5 раз и более – 10 чел. (6 %). Более того, 131 человек (54 %) в прошлом привлекались к уголовной ответственности именно только **за кражи** личной собственности. Из числа этих лиц 70 человек (53 %) совершили новую кражу личной собственности граждан в течение неотбытого срока наказания или в течение года со дня отбытия наказания за предыдущую кражу.

Среди 200 преступников-рецидивистов, осужденных по настоящему приговору за хулиганство, лица, судимые и ранее за хулиганство, составляют 67,5 %, а лица, которые непосредственно перед данным преступлением привлекались к ответственности за хулиганство, составляют 63,5 %. 108 человек (54 %) судились в прошлом только за совершение хулиганских действий, в том числе 1 раз – 82 человека (76 %), 2 раза – 17 человек (15,7 %), 3 раза и более – 9 человек (8,3 %). Из числа этих лиц 64 человека (59 %) вновь совершили хулиганские действия или в течение неотбытого срока наказания, или до истечения года со дня освобождения от наказания за прошлое хулиганство.

Можно еще указать, что среди 190 преступников, осужденных по ст. 89 УК РСФСР, 152 человека (80 %) уже ранее судились за преступления против социалистической и личной собственности граждан, а 64 человека (33,7 %) привлекались к уголовной ответственности именно только за хищения государственного имущества; среди 22 человек, осужденных за мошенничество, 95 % ранее судились за корыстные преступления, а 63,6 % ранее судились именно за мошенничество; из 35 человек, осужденных за причинение тяжких телесных повреждений, 48 % были ранее осуждены за преступления против личности и хулиганство; из 24 осужденных по ст. 92 УК РСФСР 45,8 % и в прошлом судились за хищения путем использования своего служебного положения или иные корыстные преступления, связанные с использованием служебного положения; из 15 человек, привлеченных к ответственности за злостный неплатеж алиментов, 46 % и ранее уклонялись от уплаты алиментов и т. д.

Итак, мы делаем вывод, что после совершения преступления, как правило,¹⁰⁸ существует реальная (конкретная) возможность совершения этим же лицом по примерно аналогичным мотивам нового преступления, в чем и заключается, на наш взгляд, общественная опасность преступника (другое дело, что степень этой опасности может быть, и фактически бывает, весьма различной).¹⁰⁹ Понятие общественной опасности преступника подчинено понятию преступника и от него производно.

Уголовная ответственность возникает не только при оконченных преступлениях, но и при так называемой неоконченной преступной деятельности (приготовление, покушение), то есть не только тогда, когда умышленное общественно опасное деяние уже совершено, но и когда кто-либо только готовится его совершить и когда это деяние находится непосредственно в процессе осуществления. «Приготовлением к преступлению признается приискание или приспособление средств или орудий или иное умышленное создание условий для совершения пре-

¹⁰⁸ Возможны случаи, особенно при неосторожной вине, когда последствия преступного поведения настолько потрясают виновного, что в результате этого полностью устраняется реальная возможность совершения им нового преступления и, следовательно, необходимость предупредительного на него воздействия. Но, как известно, исключения лишь подтверждают правило.

¹⁰⁹ А. Л. Ременсон пишет: «В условиях социалистического общежития всякое преступление представляет собой аморальное деяние, свидетельствующее или о глубокой безнравственности преступника, или о нестойкости его нравственных убеждений и привычек поведения, недостаточном чувстве ответственности за свои поступки. Такие качества преступника, как правило свидетельствуют об опасности повторения им преступлений в будущем». – А. Л. Ременсон. Исправление заключенных – важнейшая задача исправительно-трудовых учреждений, сб. «Вопросы экономики, государства и права в решениях XXII съезда КПСС (доклады)», Томск, 1962, стр. 93.

ступления. Покушением признается умышленное действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного» (ст. 15 Основ).

Общественная опасность предварительной преступной деятельности состоит в том, что подобная деятельность ставит в опасность охраняемые законом общественные отношения, создает возможность, угрозу причинения этим общественным отношениям вреда, ущерба (покушение) или направлена на создание возможности (приготовление).¹¹⁰ Установление же уголовной ответственности за предварительную преступную деятельность и применение конкретной меры ответственности к лицу, совершившему подобные действия, имеет целью, конечно, предупреждение причинения реального ущерба государственным и общественным интересам и интересам отдельных граждан, который могут причинить данные преступные действия в случае успешного доведения их до конца.

Уголовная ответственность в отношении лица, совершившего приговорительные действия или непосредственно приступившего к исполнению своего преступного намерения, но не доведшего его до конца по причинам, от данного лица не зависящим, оправдана тем, что виновный в предварительной преступной деятельности представляет общественную опасность в смысле наличия реальной возможности совершения им нового преступного посягательства на социалистические общественные отношения примерно по аналогичным мотивам.

Закон не случайно считает преступной только такую предварительную деятельность, когда ненаступление общественно опасного результата не зависело от воли виновного.

Предварительная деятельность может быть квалифицирована как приготовление или покушение на определенное преступление, если действие не доведено до конца по причине, например, вмешательства органов власти, противодействия потерпевшего или других лиц, недостаточной предусмотрительности в разработке и осуществлении плана совершения преступления и т. п. При предварительной преступной деятельности как бы получается, что объективная сторона замышлявшегося преступного деяния оказывается неразвитой по сравнению с умыслом виновного, по независящим, случайным для данного субъекта обстоятельствам.¹¹¹

В итоге можно сказать, что предварительная преступная деятельность (приготовление и покушение) достаточно ярко свидетельствует о том, что в сознании субъекта не имеется достаточно сдерживающих стимулов, мотивов по отношению к его антисоциальным качествам, что существующие социальные тормоза в виде угрозы применения уголовных санкций также не оказывают на этого субъекта при определенных условиях свое сдерживающее влияние, то есть что данный индивид представляет собой общественную опасность.¹¹²

Общественная опасность личности необходима для уголовной ответственности. Это лишний раз подтверждается при анализе института добровольного отказа от совершения преступления.

Статья 16 Основ устанавливает: «Лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности лишь в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит состав иного преступления». В литературе добровольный отказ правильно определяется как отказ по собственной воле от доведения до конца начатой деятельности по осуществлению задуманного преступления при наличии сознания фактиче-

¹¹⁰ См., например: Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 18; И. С. Тишкевич. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву, М., 1958, стр. 12–13; Т. В. Церетели. Причинная связь в уголовном праве, Тбилиси, 1957, стр. 232–241; А. А. Пионтковский. Учение о преступлении, стр. 489–490 и др.

¹¹¹ См.: Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 16–17; А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 295–296; А. А. Пионтковский. Учение о преступлении, стр. 489.

¹¹² В тексте закона (ст. 15 Основ) общественная опасность субъекта предварительной преступной деятельности закреплена в словах: «преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного», – причем это относится не только к покушению, но и к приговорительным действиям.

ской возможности окончания этой деятельности.¹¹³ Напротив, добровольного отказа не будет, если лицо отказалось от доведения преступления до конца по причинам невозможности или значительной трудности дальнейшего продолжения преступных действий, то есть **не добровольно**.

И в случаях добровольного отказа предшествующей деятельностью субъекта создавалась опасность причинения ущерба, угроза для социалистических общественных отношений. Однако совершенные действия не являются преступными, не рассматриваются как приготовление к преступлению или покушение на преступление и, следовательно, не влекут за собой уголовной ответственности, так как лицо отказывается от доведения этой деятельности до конца «по своей воле».

Мотивы такого добровольного отказа могут быть различны: сознание долга, чувство жалости, стыд, раскаяние, страх перед возможной уголовной ответственностью и т. д. Но в любом из этих случаев при добровольном отказе приходится делать вывод, что имеющиеся у субъекта антисоциальные мотивы (а они, бесспорно, имеются, ибо иначе не было бы и предварительной деятельности по совершению преступления) все же успешно тормозятся данными контрмотивами, то есть отсутствует реальная возможность совершения этим лицом преступного общественно опасного деяния, отсутствует общественная опасность субъекта.¹¹⁴

В то же время, если предварительная деятельность по совершению преступления, от доведения до конца которого субъект затем отказывается, сама по себе состоит в совершении какого-либо преступления, то, несмотря на добровольный отказ, уголовная ответственность возникает именно за уже совершенное преступление. В отношении последнего сдерживающие мотивы у субъекта отсутствуют: лицо общественно опасно.

Об общественной опасности субъекта, таким образом, свидетельствуют не только оконченные преступления, но и предварительная преступная деятельность. Причем, чем полнее успел индивид осуществить свое преступное намерение, тем точнее и правильнее будут выводы о возможности совершения данным лицом нового преступления. С этой точки зрения среди всех видов предварительной преступной деятельности наиболее ярко свидетельствует об общественной опасности виновного оконченное покушение, когда субъект совершил **все, что он считал необходимым** для наступления преступного результата, но последний не наступил по не зависящим от воли данного лица обстоятельствам.

Устанавливая уголовную ответственность со стадии приготовления к совершению преступления, государство считает, что уже приготовительные действия, будучи общественно опасными, свидетельствуют и о наличии общественной опасности лица. В то же время нужно учитывать, что приготовление далеко не всегда свидетельствует о том, что «намерение субъекта достигло уже непреклонной решимости. Те мотивы, которые оказались достаточными, чтобы человек совершил те или иные приготовительные действия, могут оказаться недостаточными для совершения самого преступления».¹¹⁵ Подтверждением этого положения как раз и служат случаи добровольного отказа.

Наконец, вообще не является доказательством наличия реальной возможности совершения лицом преступления обнаружение умысла. Это объясняется тем, что простое, устное или письменное, выражение намерения совершить общественно опасное деяние, не сопровождающееся никакими конкретными действиями, хотя бы приготовительного характера, может

¹¹³ См., например: Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 187–195; Н. Ф. Кузнецова. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву, изд. МГУ, 1958, стр. 160; И. С. Тишкевич. Указ. соч., стр. 217; А. А. Пионтковский. Учение о преступлении, стр. 520.

¹¹⁴ Неверно утверждение А. А. Герцензона, что добровольный отказ свидетельствует лишь о меньшей общественной опасности субъекта. См. А. А. Герцензон. Уголовное право. Часть общая, изд. 2-е, М., 1948, стр. 358.

¹¹⁵ См.: А. А. Пионтковский. Учение о преступлении, стр. 508–509.

слишком далеко отстоять от начала реального осуществления общественно опасных действий. Обнаружение умысла не только не показывает, что существующие социальные тормоза не оказывают сдерживающее влияние по отношению к антиобщественным мотивам лица, но далеко не с очевидностью говорят и вообще о существовании антиобщественных взглядов и установок у субъекта. Маркс писал, что «простое **заявление** о намерении сделать то-то и то-то не может послужить поводом для преследования меня ни со стороны уголовной, ни со стороны исправительной полиции... Только поступки доказывают насколько **серьезно** было заявление». ¹¹⁶ Поэтому обнаружение умысла не является преступлением и не влечет за собой уголовной ответственности. ¹¹⁷

Нельзя сказать, что представители буржуазной классической школы уголовного права полностью отрицали какое-либо значение особенностей личности виновного для уголовной ответственности.

Такое утверждение являлось бы справедливым лишь по отношению к чисто идеалистическим возмездным теориям (типа теорий Канта, Гегеля и т. п.). В основном же сторонники старой классической школы, стоящие в целом на позициях позитивизма, в общем-то признавали, что наказывается, конечно, не деяние, а лицо, деятель, виновник этого деяния. При этом однако указывалось, что в область уголовно-правовых исследований личность допускается «только потому, что она проявляется в преступном деянии, и лишь постольку, поскольку она проявляется в этом деянии». ¹¹⁸ Если первое из этих положений («потому, что она проявляется в преступном деянии») правильно, то со вторым («поскольку она проявляется в этом деянии») согласиться нельзя. Для «классиков» был характерен метафизический подход к изучению такого социального явления как преступность, который приводил к выхолащиванию социально-политического содержания из уголовно-правовых понятий, излишней их юридизации. Сосредотачивая все внимание на изучении юридических признаков преступления, «классики» по существу игнорировали уголовно-правовое значение причин совершения преступления и особенностей личности преступника, которые непосредственно не отражены в признаках преступления.

Обострение классовой борьбы, резкий рост преступности, особенно рецидивной преступности и преступности несовершеннолетних, приводит к тому, что буржуазия в целях защиты своего классового господства стремится «избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности» (Ленин). Результатом этого явились идеи антропологической и социологической школ, объясняющие преступность в значительной степени врожденными особенностями определенных типов людей и ставящие во главу угла при решении вопроса о применении уголовной репрессии общественную опасность субъекта. Учение о социальной опасности личности было наиболее полно развито представлениями социологической школы в виде теории «опасного состояния» (*etat dangereux*).

Что же социологи понимали под «опасным состоянием»? В чем, по их мнению, заключалась социальная опасность личности?

Общепризнанным считалось, что опасное состояние лица, социальная опасность личности заключается в возможности совершения преступления этим лицом. Так, проф. Гарсон в докладе на Брюссельском съезде Международного союза криминалистов в 1910 году гово-

¹¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 242.

¹¹⁷ В директивном письме НКЮ и Верховного Суда РСФСР по применению Уголовного кодекса 1926 г. указывалось: «Один лишь голый умысел, голое намерение совершить преступление, не выразившееся в конкретных действиях, не является преступлением и не влечет применение мер социальной защиты». См.: «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 2, стр. 44. Правильно пишет И. С. Тишкевич: «Преступное намерение, к осуществлению которого субъект не приступил, не может служить объектом карательной деятельности государства, потому, что оно не является общественно опасным, не создает реальной угрозы социалистическим общественным отношениям и еще не свидетельствует об общественной опасности самого субъекта». – И. С. Тишкевич. Указ. соч., стр. 28.

¹¹⁸ Н. С. Таганцев. Русское уголовное право, т. I, стр. 16.

рил: «Можно определить опасного индивида как такое лицо, от которого можно ожидать, что оно учинит в будущем акты, могущие поколебать публичный порядок... Вопрос об «опасном состоянии» сводится к тому, чтобы знать, в каких случаях вероятность социальной опасности становится достаточно сильной для того, чтобы публичная власть была уполномочена на лишение индивида свободы в качестве предупредительной меры. Изучение этого вопроса настолько продвинулось вперед, что мы можем различить три группы опасных индивидов:

- 1) тех, которые уже учинили несколько преступлений;
- 2) тех, привычки и образ жизни которых заставляют думать, что они учинят преступление;
- 3) тех, которые, по-видимому, имеют естественное предрасположение к преступлениям».¹¹⁹

Та же идея у А. А. Жижиленко: «Под опасным состоянием я разумею те своеобразные особенности преступника, которые на основании известных указаний опыта могут давать нам повод предполагать, что данный субъект и впредь будет совершать преступные деяния. Это опасное состояние может быть или продуктом тех или других ненормальностей психической или физической организации человека, и в этом случае можно говорить об опасности патологического происхождения, или же продуктом известных антисоциальных склонностей субъекта, привычки к праздности, к тунеядству и т. д.; в этом случае можно говорить об опасности социального происхождения».¹²⁰

Как видно из приведенных высказываний, по мнению социологов, основание возможности совершения субъектом преступления, основание его «опасного состояния» заключается и (или) в психофизических особенностях, естественном предрасположении субъекта к преступлению, и (или) в его приобретенных антисоциальных склонностях и привычках.¹²¹ Здесь проявляется одна из основных ошибок социологов, состоящая в том, что последние по существу отказываются от объяснения преступности в целом и отдельного преступного деяния как социальных явлений, уравнивая значимость социальных причин и психофизических факторов преступления. Это, в частности, и выражается, когда основание возможности преступления видят в психофизических особенностях субъекта.

Стоя на позициях материализма и механистического детерминизма, буржуазные авторы отвергают активность человеческого сознания. Отсюда и появляются идеи, что обнаружение определенных психофизических черт у индивида – абсолютное доказательство его преступности. Отсюда и появляются идеи о преступнике без преступления, об опасном состоянии индивида, еще не совершившего преступление.

Так, Ф. Лист в тезисах «Опасное состояние и меры социальной защиты» к Брюссельскому съезду Международного союза криминалистов писал: «Существование **опасного состояния**

¹¹⁹ Цит. по: П. И. Люблинский. Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905–1915), Пг, 1915, стр. 74.

¹²⁰ А. А. Жижиленко. К вопросу о мерах социальной защиты в отношении опасных преступников // Журнал уголовного права и процесса, 1912, № 3, стр. 35–36; В. Станкевич писал: «В самом общем и широком смысле **опасное состояние** можно определить как такое состояние личности, на основании которого можно и должно опасаться, что личность совершит преступные деяния». – В. Станкевич. Борьба с опасным состоянием, как основная задача нового уголовного права // Новые идеи в правоведении, сб. № X, Цели наказания, СПб., 1914, стр. 98–99.

¹²¹ Ад. Принс писал, как установить признаки опасного состояния личности: «Прежде всего их находят в протоколах экспертов, обнаруживших черты и наклонности, которые до настоящего времени служили только для распознавания состояния вменяемости; признаки опасного состояния обнаруживаются также предыдущими поступками и справкой о прежней жизни обвиняемого, мотивами и способом совершения поступка, средой и жизненными привычками виновного». – Ад. Принс. Защита общества и преобразование уголовного права, стр. 113. В. Станкевич считает, что опасное состояние – это «естественное понятие, стоящее вне произвола законодателя, который может устанавливать лишь формальные ограничительные условия, порядок признания, но не существо этого состояния. Существо же его определяется действительной наличностью таких свойств, которые грозят действительной опасностью существенным социальным интересам». – В. Станкевич. Указ. соч., стр. 132.

должно быть признано, когда можно заключить по особым интеллектуальным признакам, характеризующим индивида, что угроза и исполнение обычного наказания не сумеют удержать его от учинения преступных деяний. Опасное состояние может существовать и тогда, когда еще индивид не учинил какого-либо преступного деяния».¹²²

Здесь верно указано, что общественно опасным следует признавать (и объективно таковым является) только то лицо, в отношении которого угроза наказания не оказывает свое сдерживающее влияние. Верно и то, что общественная опасность личности, понимаемая как возможность совершения индивидом преступления, **объективно** существует до реального его совершения. Но дело в том, что, пока преступление не совершено, **установить** можно, как мы говорили, лишь абстрактную его возможность, то есть так называемую «абстрактную» социальную опасность личности, что недостаточно для целесообразного применения репрессивных мер.

Метафизичность концепций социологов, непонимание ими диалектического взаимоотношения между возможностью и действительностью, непонимание различий между возможностями абстрактной и реальной (конкретной), явились методологической основой вывода о необходимости применения мер социальной защиты к определенным категориям «опасных» лиц до совершения ими преступления (душевнобольные и дефектные, бродяги, алкоголики и т. д.).¹²³ Подобный вывод соответствовал классовым интересам буржуазии.

«Опасное состояние» (*etat dangereux*) первоначально понималось социологами как длительное преступное состояние.¹²⁴ Затем стали говорить об «острой опасности» случайного преступника и «хронической опасности» привычного преступника.¹²⁵

Близкой к теории «опасного состояния», но в то же время оригинальной и несколько предшествовавшей ей во времени являлась теория «личного состояния преступности», выдвинутая И. Я. Фойницким и развитая дальше П. П. Пусторослевым.

«Личное состояние преступности, – по Фойницкому, есть располагаемая человеком сумма положительных и отрицательных душевных способностей (волевых и сознательных), заключающих в себе внутреннюю возможность преступной деятельности. Наказуемым оно становится не ранее воплощения вовне».¹²⁶ Личное состояние преступности характеризуется

¹²² Цит. по: П. И. Люблинский. Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905–1915), Пг., 1915, стр. 84.

¹²³ Справедливости ради следует сказать, что социологи (в отличие от антропологов), как правило, весьма осторожно подходили к вопросу о возможности применения мер уголовной репрессии к «опасным» лицам, не совершившим конкретных преступлений. Так, Лист, хотя и не видел «ничего абсурдного» в возможности применения таких мер, в то же время утверждал, что уголовный закон «не может быть заменен единственным определением, которое гласило бы: общепропаганда личность должна быть поставлена в невозможность причинить вред», что «интересы свободы личности не могут быть пожертвованы целям **социальной гигиены**». – См.: А. Д. Киселев. Психологическое основание уголовной ответственности, Харьков, 1903, стр. 230–232. Брюссельский съезд Международного союза криминалистов, рассмотрев вопрос о понятии «опасного состояния», принял резолюцию: «**В законе** должны быть предусмотрены определенные меры социальной защиты против преступников, общепропаганда либо вследствие **рецидивизма**, либо вследствие своих жизненных **привычек**, подлежащих **указанию** в законе, либо вследствие своих **склонностей и образа жизни, вылившихся наружу** в предусмотренное законом преступное деяние». – Цит. по: Н. Н. Паше-Озерский. Об «опасном состоянии» личности преступника, Киев, 1913, стр. 10–11. Подавляющее большинство русских криминалистов резко отрицательно относилось к идее применения мер социальной защиты к лицам, не совершившим преступления. См., например: В. Д. Набоков. Об «опасном состоянии» преступника как критерии мер социальной защиты, СПб., 1910; Н. Н. Паше-Озерский. Указ. соч.; Русская группа Международного союза криминалистов. Общее собрание группы в Москве 21–23 апреля 1910, СПб., 1911 и т. д.

¹²⁴ См.: Ад. Принс. Цит. соч., стр. 113–114. См. об этом также: Э. Я. Немировский. Основные начала уголовного права, Одесса, 1917, стр. 191–195. Сам Э. Я. Немировский вместо понятия «опасного состояния» выдвигает понятие «преступного настроения» и говорит о преступниках: со скоро преходящим или мимолетным преступным настроением; с зататками длительного преступного настроения; с длительным (хроническим) преступным настроением; с упорным, не поддающимся искоренению преступным настроением. – Там же, стр. 200–202.

¹²⁵ См. об этом: Г. Ю. Маннс. Отношение Уголовного кодекса 1926 г. к вине и опасному состоянию // Проблемы преступности, вып. 3, 1928, стр. 43–44. О классификации преступников по степени их общественной опасности см. ниже.

¹²⁶ И. Я. Фойницкий. Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юридический вестник, 1891, т. VII, кн. Первая, приложение 7 на стр. 18–19. Пусторослев писал: «...внутреннее состояние преступности человека, проявляющееся внешним обра-

«частью особым состоянием **волевой способности** деятеля, частью **привычками**, его характер сложившимися и влияющими на волевую способность». Это особое преступное состояние «волевой способности» зависит: «а) от влияния на нее страстей... б) от недостатка волевой энергии, апатического состояния волевой способности... в) от ложных данных, лежащих в основе волевой деятельности. Данные эти по природе своей могут относиться к области морали, правозозрений и т. п...»¹²⁷

Преступное деяние, по взглядам Фойницкого и Пусторослева, есть **внешнее** выражение или проявление личного состояния преступности. Получается, что преступник налицо еще до того, как он совершил какое-либо опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. Индивид не потому является преступником, что совершил преступление, а, напротив, деяние потому и преступление, что его совершил преступник. **«Государство, – пишет Пусторослев, – признает уголовным то правонарушение, в котором, по его мнению, выражается во внешнем мире внутреннее состояние преступности правонарушителя ... В глазах государства корень преступности лежит не в деянии, а в деятеле. Преступный характер переходит не с деяния на деятеля, а с деятеля на деяние».**¹²⁸

Для теории «личного состояния преступности» справедливы все замечания, сделанные нами по отношению к учению «об опасном состоянии» личности.

Многие советские криминалисты в первые годы Советской власти находились под бесспорным влиянием идей социологического направления и восприняли от него целый ряд ошибочных положений, в том числе и по вопросу об общественной опасности преступника.

Совершенно правильно общественная опасность преступника понималась как возможность совершения им нового преступления. Эта мысль проводилась и в литературе;¹²⁹ она получила отражение и в уголовном законодательстве того времени.¹³⁰

В законодательстве получило отражение также то положение, что общественная опасность субъекта, необходимая для применения мер уголовного правового воздействия, обнаруживается в результате совершения преступлений.¹³¹ Но вместе с тем допускалась в законе и оправдывалась теоретически возможность признания индивида социально опасным и применения к нему уголовно-репрессивных мер социальной защиты и помимо совершения им кон-

зом в преступлении или проступке... представляет собой не что иное, как внутреннюю готовность к учинению преступного деяния, сложившуюся в человеке вследствие неблагоприятного стечения индивидуальных, или индивидуальных и социальных условий, или индивидуальных, космических и социальных условий человеческой преступности». – П. П. Пусторослев. Преступность, виновность и вменяемость // Журнал Министерства юстиции, 1907, № 5, стр. 175.

¹²⁷ И. Я. Фойницкий. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием, СПб., 1889, стр. 43.

¹²⁸ П. П. Пусторослев. Анализ понятия о преступлении, М., 1892, стр. 230. См. также: Он же. Преступность, виновность и вменяемость // Журнал Министерства юстиции, 1907, № 4, стр. 87–88.

¹²⁹ См., например: Г. И. Волков. Уголовное право и рефлексология, Харьков, 1928, стр. 98; И. Крыленко. Еще раз о принципах пересмотра Уголовного кодекса // Ежедневник советской юстиции, 1929, № 7, стр. 148 и др. В ст. 6 проекта общей части Уголовного кодекса РСФСР, выработанного Институтом Советского Права (А. М. Аронович, Я. А. Берман, М. М. Исаев) в ноябре 1921 г. говорилось: «При выборе рода и меры репрессии суды руководствуются, прежде всего, степенью опасности преступника для общества, т. е. установленной судом степенью вероятности совершения преступником новых правонарушений (так называемым опасным или антисоциальным состоянием его)». – См. приложение к книге М. М. Исаева. Общая часть уголовного права РСФСР, Л., 1925 г.

¹³⁰ Непосредственно определение понятия общественной опасности преступника в законе сформулировано не было. Но о том, что в это понятие вкладывалось вышеуказанное содержание, свидетельствует анализ целого ряда статей законодательных актов того времени. См. ст. ст. 7, 8, 9, 16 и др. Руководящих начал; ст. ст. 5, 7, 8, 24, 25 и др. УК РСФСР 1922 г.; ст. ст. 4, 22 Основных начал 1924 г. и др.

¹³¹ В ст. 7 УК 1922 г. утверждалось: «Опасность лица обнаруживается совершением действий, вредных для общества или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку». В то же время допускалось признание лица общественно-опасным исключительно по связи его с преступной средой. В проекте Уголовного кодекса РСФСР, составленном Комиссией Общеконсультационного Отдела НКЮ в 1920 г., утверждалось, что «опасность лица обнаруживается наступлением последствий, вредных для общества, или деятельностью, хотя и не приводящей к результату, но свидетельствующей о возможности причинения вреда» (ст. 3). – См. приложение к книге М. М. Исаева. Общая часть уголовного права РСФСР, Л., 1925.

кретного преступления, на основании лишь его образа жизни, связей с преступной средой и т. п.

Так, А. Н. Трайнин писал в то время: «Преступник и общественно опасный субъект – уже не тождественные понятия; **можно быть** общественно опасным субъектом и нести уголовную ответственность, **не совершая преступления**, и, напротив, **можно совершить преступление и не явиться общественно опасным субъектом**, не подвергаться уголовной санкции... Преступление развенчивается, как единственное и исключительное основание применения уголовной реакции».¹³² И далее: «Основанием, вызывающим применение уголовной реакции, может явиться **деятельность** лица, хотя и не преступная, в прямом смысле, но обнаруживающая социальную оторванность лица от трудовой жизни коллектива или, напротив, деятельность, обнаруживающая социальную **связь** лица с преступным миром. Далее социально опасными и требующими вмешательства уголовного закона могут быть определенные **состояния**, вызываемые психической болезнью, пьянством, употреблением наркотических средств и т. п.».¹³³

В уголовном законодательстве возможность применения мер уголовной репрессии к лица, не совершившим преступлений, исключительно в силу их опасности была закреплена в ст. 49, а также в ст. 12 (ред. 10 июля 1923 г.) УК РСФСР 1922 г.,¹³⁴ в ст. 22 Основных начал Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, в ст. 7 УК РСФСР 1926 г.

Ошибочным, на наш взгляд, было и утверждение, что лицо, совершившее преступление, может не быть общественно опасным.¹³⁵ Подобные взгляды объясняются тем, что ряд авторов понимал социальную опасность преступника только как более или менее стойкую антиобщественную, преступную настроенность.

Мы считаем, что, как в случае оконченного, так и неоконченного преступления, признаются преступными только такие объективно опасные¹³⁶ для социалистических общественных отношений деяния, которые свидетельствуют и об общественной опасности субъектов

¹³² А. Н. Трайнин. Уголовное право. Часть общая, М., 1929, стр. 228.

¹³³ Там же, стр. 231. См.: А. Викторов. Порядок признания общественно опасного состояния // Вестник советской юстиции, 1928, № 13. Резко отрицательно относился к идее применения уголовной репрессии исключительно по причине «уголовной неблагонадежности» субъекта И. Славин. См. И. Славин. Наказуема ли уголовная неблагонадежность? // Еженедельник советской юстиции, 1922, № 8–9, стр. 14–15.

¹³⁴ А. Эстрин писал по поводу УК 1922 г.: «Преступление, согласно ст. 6 Кодекса, есть действие, **угрожающее** правопорядку. Ясно, что и деятельность, не составляющая преступления в смысле ст. 6, может, тем не менее, свидетельствовать о серьезной угрозе данному лицу общественному правопорядку, хотя бы оно не уличалось ничем в конкретном преступлении. Что это именно имеется в виду ст. 7-й, выявляется в ст. 49-й Кодекса... Для применения ст. 49 не требуется обязательно совершение лицом, к коему она применяется, какого-либо преступления. Достаточно это оттеняется сопоставлением ст. 48, начинающейся словами: „лица, **осужденные судом** и признанные им социально-опасными“, со ст. 49, где признак „осужденные судом“ отпал. Это тем более очевидно, что в первом проекте НКЮ ст. ст. 38 и 39 (соответствующие ст. ст. 48 и 49 Кодекса) не заключали слов „осужденные судом“. Проект комиссии съезда деятелей советской юстиции, легший в основание окончательной редакции общей части Кодекса, отказываясь от включения в Кодекс особой статьи об „опасности лица“, совершенно последовательно вводил оговорку „осужденные судом“ как в теперешнюю ст. 48, так и в теперешнюю ст. 49. Если эта оговорка оставлена лишь в ст. 48, но не в ст. 49, то мысль законодателя вполне ясна. Суды смогут выносить приговор по ст. 49, как если бы она была статьей Особенной части». – А. Эстрин. Уголовный кодекс и «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР». Отношение к вопросу об опасности преступника // Еженедельник советской юстиции, 1922, № 21–22, стр. 7.

¹³⁵ См. А. Н. Трайнин. Уголовное право. Часть общая, М., 1929, стр. 228–232. В ст. 8 проекта Общей части Уголовного кодекса РСФСР, разработанного в 1929 г. Государственным институтом по изучению преступности и преступника (Е. Ширвиндт, Н. Спасокукоцкий, А. Трайнин, С. Тагер, Б. Утевский, М. Исаев, С. Мокринский, А. Пионтковский) указывалось, что суд «по всем обстоятельствам дела» может «прийти к убеждению, что данное лицо не может быть признано общественно опасным», несмотря на совершение им преступления. См.: «Проблемы преступности», вып. 4, 1929 г.

¹³⁶ Если руководствоваться смысловым значением слова «опасность» как возможность, угроза причинения, наступления какого-либо вреда, ущерба (см., например: С. И. Ожегов. Словарь русского языка, изд. 3-е, М., 1953, стр. 405), то этот термин следует применять лишь по отношению к общим составам преступления (опасность, которую вообще представляют – например, бандитизм, спекуляция, хулиганство и т. д.). Что касается конкретных совершенных преступлений, то правильнее говорить не об их опасности, а о вреде, который они причинили или о создании объективной возможности причинения вреда. Учитывая однако общепринятость употребления термина «опасность» применительно и к конкретным преступлениям, мы также говорим о конкретном общественно **опасном** деянии.

этих деяний. «Каждое преступное деяние есть определенное общественно опасное поведение человека, его действие или бездействие. В нем находит свое выражение антиобщественная цель деятельности виновного, направленность его воли, отношение к правам других лиц, государственным и общественным интересам, правилам социалистического общежития. **Каждое преступное деяние представляет собой единство объективных и субъективных свойств определенного общественно опасного деяния...**»¹³⁷

Преступным признается лишь виновно совершенное общественно опасное деяние. **Виновность** же лица, умышленное или неосторожное совершение им предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, является показателем общественной опасности этого лица, объективно существующей возможности совершения им нового преступления примерно по аналогичным мотивам. Нет вины – нет преступления; есть вина – есть общественная опасность виновного – есть и преступление.

Следовательно, можно сказать, что преступление есть не только единство объективных и субъективных признаков общественно опасного деяния, но и представляет собой единство общественной опасности деяния и деятеля. Каждое конкретное преступное деяние характеризуется одновременно двумя моментами:

- 1) это поступок, акт поведения, объективно опасный для социалистического общества;
- 2) это поступок, совершенный лицом, представляющим общественную опасность (в указанном выше смысле) для социалистического общества.

В этом единстве опасности деяния и опасности деятеля, субъекта определяющую роль играет опасность деяния для советского социалистического общества, ибо, если нет виновного совершения общественно опасного поступка, то невозможно установить и соответственно нельзя и говорить об уголовно-правовой общественной опасности лица. Заключение об опасности индивида является выводом из опасности виновно совершенного им деяния. Общественная опасность индивида не имеет правового значения вне связи ее с опасностью преступления. В уголовно-правовом смысле общественно опасным является лишь вменяемый человек, достигший возраста уголовной ответственности, виновный в **совершении** предусмотренного уголовным законом **общественно опасного деяния**. В то же время между преступлением и общественной опасностью преступника существует закономерная связь: если совершено преступление, то его виновник является общественно опасным.

В том и состоит неразрывная связь между деянием и деятелем, между преступлением и общественной опасностью преступника, что единственным и достаточным основанием признания лица общественно опасным, преступником является виновное совершение им общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Опасность личности – вполне реальный, объективный факт, закрепленный в составе преступления и, следовательно, имеющий юридическое значение.

В современной юридической литературе неоднократно указывается на единство опасности деяния и опасности личности в понятии преступления. Так, например, А. А. Пионтковский пишет: «Общественную опасность деяния и общественную опасность личности нужно брать в их единстве и взаимной связи. Общественная опасность деяния определяет и общественную опасность личности, а общественная опасность личности виновного отражается на общественной опасности совершенного им деяния».¹³⁸ Правильно и утверждение В. Г. Беляева, что наличие общественной опасности преступника является непременным условием для признания совершенного им деяния преступлением.¹³⁹

¹³⁷ А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву, М., 1961, стр. 121.

¹³⁸ А. А. Пионтковский. Усиление роли общественности в борьбе с преступностью и некоторые вопросы теории советского уголовного права // Советское государство и право, 1961, № 4, стр. 63.

¹³⁹ В. Г. Беляев. Правовое значение характеристики личности преступника по новейшему советскому уголовному законодательству // Материалы второй научной конференции аспирантов, Ростов-на-Дону, 1960, стр. 195–196. См. также: В. Кудряв-

Но что значит: лицо является общественно опасным? Пожалуй, среди опубликованных за последние годы работ по проблемам уголовного права нет ни одной работы, в которой не употреблялось бы понятие общественной опасности преступника. Но в этих работах, как правило, не раскрывается содержание данного понятия.¹⁴⁰ Только на основе косвенных данных можно заключить, что такие авторы, как Н. С. Лейкина, И. И. Карпец, В. Г. Беляев и др., видят общественную опасность преступника в том, что он совершил преступное деяние.¹⁴¹ Но такое определение является слишком тавтологическим и по существу ничего не дающим. К тому же такое понимание общественной опасности преступника никак не согласуется со ст. 43 Основ.

Последняя допускает, что лицо, совершившее преступление, может еще до расследования или рассмотрения уголовного дела в суде вследствие изменения обстановки или по другим причинам утратить свою общественную опасность, что доказывается безупречным поведением и честным отношением к труду после преступления.¹⁴² Вполне понятно, что если опасность индивида состоит в том, что он совершил преступление, то подобная опасность утрачена быть не может. Напротив, такое положение закона вполне оправдано, если общественную опасность преступника видеть в реальной возможности совершения лицом нового преступления. Подобная возможность действительно может быть утрачена, если изменяется окружающая субъекта обстановка или изменяется сам субъект, о чем свидетельствуют его безупречное поведение и честное отношение к труду.

Мы считаем, что, признавая преступным только виновно совершенное общественно опасное деяние, советское уголовное право тем самым понимает преступление как единство опасности деяния и деятеля, причем опасность деятеля заключается в реальной возможности совершения этим лицом нового преступления. Совершенное преступление является свидетельством объективности реальности (конкретности) этой возможности. Не может быть, чтобы лицо, виновное в совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, не представляло собой общественной опасности, хотя характер и степень этой опасности, бесспорно, могут быть весьма различными.

Вполне поэтому понятно, что закон не предусматривает в качестве наказуемых случаи, когда деяние – преступление, а личность его совершителя не представляет никакой общественной опасности в том смысле, что возможность совершения им нового преступления примерно по аналогичным мотивам полностью исключается и не требуется никакого предупредительного воздействия на виновного. Даже в случаях совершения малозначительных преступлений, не представляющих большой общественной опасности, когда применяются ст. ст. 51 и 52 УК РСФСР, **виновные** представляют определенную общественную опасность. Так, ст. 51 УК РСФСР в числе условий, необходимых для освобождения лица от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд, требует, чтобы виновный мог быть **исправлен** без применения наказания с помощью мер общественного воздействия (следовательно, в личности субъекта подобного преступления есть такие антисоциальные качества, которые должны быть исправлены, так как они обуславливают возможность нового преступления). Согласно же ст. 52 УК РСФСР, для передачи виновного на поруки в числе других условий требуется, чтобы

цев. Проект закона о повышении роли общественности и новые уголовные кодексы // Советская юстиция, 1960, № 6, стр. 19.

¹⁴⁰ Некоторое исключение представляет работа П. С. Дагеля, где намечены правильные отправные моменты для определения понятия общественной опасности преступника. См.: П. С. Дагель. Роль уголовной репрессии в борьбе с преступностью в период развернутого строительства коммунизма. Автореф. канд. дисс., 1962, стр. 19.

¹⁴¹ И. И. Карпец. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве, М., 1961, стр. 99–100; Н. С. Лейкина. Развитие уголовного законодательства и вопросы личности преступника (тезисы) // Межвузовская научная конференция «Советское государство в период развернутого строительства коммунизма», Харьков, 1962, стр. 183; В. Г. Беляев. Указ. соч., стр. 195–196 и др.

¹⁴² Нормы с весьма схожим содержанием имелись и в предшествующем советском уголовном законодательстве. См. ст. 16 Руководящих начал 1919 г., ст. 8 и ч. 2 ст. 51 (ред. 10 апреля 1930 г.) УК 1926 г.

виновный не представлял **большой** общественной опасности (следовательно, определенную общественную опасность он все-таки представляет).

Правда, ст. 43 Основ (ст. 50 УК) говорит о случаях, когда деяние общественно опасно, а лицо вследствие изменения обстановки перестало быть общественно опасным (ч. 1) или в силу следующего после совершения преступления безупречного поведения и честного отношения к труду не может считаться общественно опасным (ч. 2). Но в том-то и дело, что непосредственно после совершения преступления виновное лицо было общественно опасным, а затем, с течением времени в силу указанных и иных причин **исправилось**, в связи с чем и исчезла возможность совершения им нового преступления.

Как возможность есть объективная категория, так и общественная опасность преступника представляет собой объективную реальность, не зависящую от субъективного познания ее. Конечно, органы дознания, следователь, прокурор, решая вопрос об уголовной ответственности конкретного лица, совершившего преступление, суд при вынесении приговора оценивает эту опасность, но они не создают ее, а только лишь на основе объективных данных устанавливают, распознают общественную опасность преступника (ее характер и степень), которая существует независимо от этого исследования.¹⁴³

Итак, виновность лица в совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом – необходимое и достаточное основание для установления наличия его общественной опасности. Однако, при анализе этой общественной опасности важную роль играют понятия характера и степени общественной опасности преступника.¹⁴⁴

Когда совершено преступление, то, как мы показали, всегда имеется реальная возможность совершения лицом нового преступления. Первый возникающий вопрос: каков характер этой реальной возможности, то есть какие именно общественные отношения могут быть нарушены? **Характер общественной опасности преступника** определяется тем вредом, который может причинить данная личность. При прочих равных условиях, если примерно одинакова степень общественной опасности, бесспорно, тот индивид более опасен, который способен причинить больший вред.¹⁴⁵ Поэтому, чтобы определить характер общественной опасности преступника, необходимо установить объект преступления,¹⁴⁶ вменяемые в вину последствия преступления, способ его совершения¹⁴⁷ и в целом мотивы преступления. Поскольку, как следует из совершенного преступления, угроза применения мер государственного принуждения не сдерживает **определенные** мотивы, то существует возможность нового

¹⁴³ Одно из крайне немногочисленных определений понятия общественной опасности преступника в советской юридической литературе дается в упоминавшейся работе Г. И. Волкова «Уголовное право и рефлексология». По его мнению, социальная опасность лица состоит в «предположении вероятности повторения такого же или какого-нибудь другого (но преимущественно все же такого, как первое) нарушения интересов со стороны нарушителя». См.: В. Г. Волков. Уголовное право и рефлексология, Харьков, 1928, стр. 98. Основной ошибкой здесь является трактовка возможности совершения преступником нового преступления, его социальной опасности, как субъективной категории.

¹⁴⁴ О характере и степени общественной опасности преступника пишет А. Д. Соловьев в работе «Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву». Однако он не раскрывает сущности этих понятий, указывая лишь, что «характер опасности преступника определяется видом преступления, которое им было совершено», а «степень общественной опасности преступника зависит прежде всего от конкретного преступления, совершенного виновным». См. указ. соч., стр. 94.

¹⁴⁵ П. С. Дагель в качестве критерия общественной опасности преступника правильно указывает на «вред, который это лицо может причинить в будущем» (П. С. Дагель. Роль уголовной репрессии в борьбе с преступностью в период развернутого строительства коммунизма, Автореф. канд. дисс, Л., 1962, стр. 19). Необходимо однако учитывать и вероятность причинения такого вреда.

¹⁴⁶ «Для того чтобы ликвидировать возможность нового повторения преступлений, нужно устранить не просто наклонность к совершению преступлений (абстрактной наклонности не существует), а источник, порождающий эту наклонность, то есть соответствующие пережитки прошлого. Какие это пережитки – помогает определить нам правильное установление объекта совершенных преступлений». – В. Д. Филимонов. К вопросу о понятии однородности преступлений // Сборник работ юридического факультета, Томск, 1961, стр. 150.

¹⁴⁷ Ф. Энгельс писал: «Личность характеризуется не только тем, **что** она делает, но и тем, **как** она это делает». К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве, т. I, М., 1957, стр. 29.

преступления именно по этим мотивам. Выше мы приводили соответствующие данные обобщений по этому вопросу.

Весьма важной характеристикой преступника является степень его общественной опасности. Последняя определяется степенью возможности – вероятностью совершения нового преступления данным лицом. Вероятность есть категория объективная. Это мера возможности; она выражает степень развитости возможности, степень ее обоснованности, степень ее способности стать действительностью. «Вероятность есть выражение не субъективной степени уверенности человека в наступлении события, а характеристика объективно существующей связи между условиями и событием».¹⁴⁸

Степень общественной опасности преступника, вероятность совершения им нового преступления, зависит, главным образом, от развитости заключающегося в самом общественном содержании личности основания этой возможности (то есть от того, насколько стойкими, сформировавшимися являются его индивидуалистические взгляды, насколько противоречива сама личность), а также от того, какие условия субъективного и объективного характера непосредственно способствовали возникновению мотивов преступного поведения или способствовали их реализации. Причем следует учитывать именно **непосредственные** условия совершения преступления, а не вообще условия нравственного формирования личности.

Короче говоря, чтобы определить степень общественной опасности преступника, необходимо прежде всего установить конкретные причины и условия, способствовавшие совершению этим лицом преступления.

Устанавливая на определенный момент вероятность нового преступления со стороны преступника, следует учитывать также наличие и развитость противоположной возможности надлежащего социального поведения.¹⁴⁹ При этом, имея в виду, что к данному лицу будут применены какие-то определенные меры общественного или государственного воздействия,¹⁵⁰ следует учитывать, насколько возможным и легким (или, напротив, трудным) будет процесс выработки у данного лица навыков надлежащего поведения.

Интересно отметить, что некоторые социальные качества индивида и некоторые его субъективные особенности, которые мы относим к условиям реализации возможности преступного поведения, могут равно обосновывать развитие противоположных возможностей. Особенно это характерно для несовершеннолетних преступников. Последних, как мы отмечали, характеризуют неупорядоченная, нестойкая, как правило, система отношений, отсутствие сознательной направленности, твердых установок, убеждений и, как следствие, повышенная внушаемость, склонность к подражанию, непосредственность в удовлетворении своих желаний и т. д.

Эти особенности, очевидно, с одной стороны, обуславливают большую вероятность, большую легкость совершения несовершеннолетним правонарушителем нового преступления. Но эти же особенности обуславливают возможность более быстрого и успешного его надлежащего воспитания, по сравнению с перевоспитанием взрослого преступника. Поэтому, имея в

¹⁴⁸ Основы марксистской философии, М., 1956, стр. 222.

¹⁴⁹ С. В. Познышев писал, что для оценки опасности личности преступника «необходимо учесть, с одной стороны, те элементы его личности, которые влияли на сделанный им выбор положительным образом, т. е., так сказать, склоняли к нему, а с другой стороны – те, которые служили источником мотивов, удерживающих или отталкивающих от преступления и подсказывавших иной выход из создавшегося положения. Иными словами, мы должны учесть все то, что, так сказать, криминально и криминалорепульсивно в свойствах данной личности. Соотношением элементов этих двух категорий и определяется степень опасности, представляемой личностью для правопорядка». – С. В. Познышев. Криминальная психология. Преступные типы. Л., 1926, стр. 7. Ошибкой Познышева было то, что он основу общественной опасности субъекта видел в психической конституции, в значительной степени наследственно предопределенной. В учении о криминальной и криминалорепульсивной частях психической конституции и их взаимоотношении чувствуется влияние фрейдистских концепций.

¹⁵⁰ Когда стоит вопрос об определении степени общественной опасности, то речь идет всегда о конкретном, уже установленном преступнике, в отношении которого нужно предпринять определенные меры.

виду эти особенности несовершеннолетних преступников, следует признать, что степень их общественной опасности, как правило, невелика.

В категории вероятности выражена связь возможности со случайностью. Возможность тем и отличается от необходимости, что она может реализоваться, а может и не реализоваться; то или иное явление может наступить, а может и не наступить; лицо может совершить преступление, а может и не совершать его.

Категория вероятности и выражает, насколько реализация той или иной возможности зависит от случайных обстоятельств, от обстоятельств, которые не обуславливают саму закономерность существования и развития данной возможности у данного объекта (субъекта). Поэтому, чем больше **в самом** развивающемся объекте (субъекте) существует факторов, обстоятельств, порождающих определенную возможность, тем меньше ее реализация зависит от случайных обстоятельств и, следовательно, тем больше вероятность реализации данной возможности.

Совершение нового преступления преступником также не есть необходимость, неизбежность. Напротив, это лишь возможность (хотя и реальная) с определенной степенью вероятности. Вероятность совершения лицом нового преступления (степень его общественной опасности) может колебаться в пределах от почти невозможности (но не невозможность) до почти неизбежности (но не неизбежность), то есть если дать условное количественное выражение – от 0 (но не 0) до 100 % (но не 100 %).

Возможность совершения индивидом общественно опасного преступного деяния, как указывалось, имеет свое основание в свойственных этому лицу индивидуалистических, антиобщественных взглядах и установках. Преступные деяния совершают однако не только лица со стойкими антиобщественными взглядами и установками, сознательно отдающие предпочтение преступной деятельности, но и лица нравственно противоречивые, морально нестойкие, в сознании которых уживаются элементы коммунистической идеологии и мелкобуржуазные, индивидуалистические взгляды.

В условиях построенного социалистического общества подавляющее большинство среди преступников составляют, конечно, представители второй группы. И если первые совершают преступления как само собой разумеющееся, поджидая лишь наступления благоприятных обстоятельств, то вторые склоняются к преступлению лишь в определенной ситуации, при (вследствие) определенных условиях. При этом важную роль могут играть их психофизические особенности.¹⁵¹

Вполне понятно, что различные социальные качества преступников обуславливают и различную степень их общественной опасности. Чем больше развиты отрицательные социальные качества индивида, лежащие в основании возможности совершения им преступления, тем меньше реализация данной возможности зависит от случайных предпосылок, тем, следовательно, больше степень общественной опасности лица.

В отношении морально неустойчивых, нравственно противоречивых лиц, совершивших преступления, для определения степени их общественной опасности, вероятности совершения ими нового преступления, чрезвычайно важно установить те субъективные и объективные условия, при которых данное лицо совершило свое умышленное или неосторожное преступление, те условия и предпосылки, которые непосредственно способствовали возникновению мотивов преступного поведения или реализации этих мотивов.

Подобные условия и предпосылки анализируются на предмет установления их необычности, сравнительно легкой устранимости или, напротив, привычности, обыденности этих условий для данного лица, невозможности или крайней затруднительности их устранения. Анализ этих предпосылок преступления важен, ибо показывает, в каких случаях угроза приме-

¹⁵¹ Более подробно об этом говорилось выше.

ния определенных мер государственного принуждения в отношении рассматриваемых лиц не оказывает свое сдерживающее влияние, не служит необходимой детерминантой поведения. Поэтому установление того, что указанные объективные и субъективные (психофизические особенности и состояние субъекта) предпосылки преступления не представляют ничего необычного в жизни индивида, свидетельствует о более значительной степени его общественной опасности.

В зависимости от такой характеристики одни и те же предпосылки могут по-разному сказываться на степени общественной опасности преступника. Типичный пример: субъект совершил преступление в состоянии опьянения и в основном под влиянием этого состояния, то есть, находясь в трезвом состоянии, он не совершил бы подобное антиобщественное деяние. Если данное лицо обычно злоупотребляет алкоголем, то, очевидно, вероятность совершения им нового преступления значительно выше, чем у лица, также совершившего преступление в состоянии опьянения, но для которого подобное состояние является редким, почти исключительным случаем.¹⁵²

В качестве других относительно необычных условий, предпосылок совершения преступления можно указать: стечение тяжелых личных или семейных обстоятельств или какое-нибудь иное случайное стечение обстоятельств, выход из которого был затруднителен для данного субъекта; угроза или принуждение; сильное душевное волнение; состояние необходимой обороны при превышении ее пределов и др.

Таким образом, чтобы определить степень общественной опасности конкретного преступника, вероятность совершения им нового преступления примерно по аналогичным мотивам необходимо установить:

1) насколько постоянными и устойчивыми, глубокими, ведущими или, напротив, преходящими, исключительными, нестойкими для данного конкретного субъекта являются мотивы совершенного им преступного поведения;

2) какую роль в возникновении и (или) реализации этих мотивов сыграли внешние для данного индивида обстоятельства, условия и внутренние (психофизические) факторы, а также как часто встречаются (могут встретиться) эти обстоятельства в жизни данного индивида;¹⁵³

3) как легко устранимы данные мотивы и обстоятельства с помощью тех или иных мер государственного или общественного воздействия и определенных мероприятий.

По этим трем тесно между собой связанным направлениям и должно проводиться исследование степени общественной опасности преступника.

¹⁵² Мы поэтому не можем согласиться с теми авторами, которые не допускают возможности признания алкогольного опьянения в качестве смягчающего обстоятельства (см., например: А. Д. Соловьев. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву, М., 1958, стр. 101–102; И. И. Карпец. 1) Отягчающие и смягчающие обстоятельства в советском уголовном праве, М., 1959, стр. 66–67; 2) Индивидуализация наказания в советском уголовном праве, М., 1961, стр. 119–120). Правильнее этот вопрос освещен в статье Н. Ф. Кузнецовой и Б. А. Куринова. Отягчающие и смягчающие обстоятельства, учитываемые при определении меры наказания // сб. «Применение наказания по советскому уголовному праву», изд. МГУ, 1958, стр. 136–137. Судебная практика обоснованно признает в отдельных случаях алкогольное опьянение в момент совершения преступления как обстоятельство, свидетельствующее о меньшей общественной опасности субъекта. Так, Выборгский районный народный суд г. Ленинграда осудил Филипповского к полутора годам лишения свободы условно за то, что последний в нетрезвом состоянии совершил хулиганские действия в трамвае, а затем в камере для вытрезвления пытался совершить акт мужеложства с лицом, находившимся в сильно опьяненном состоянии. В числе смягчающих обстоятельств, наряду с первой судимостью, безупречным прошлым, положительными характеристиками, раскаянием и осуждением своих поступков и т. д., суд указал, что Филипповский стал опасен для окружающих лишь потому и тогда, когда **впервые в жизни** в связи с призывом в армию под влиянием товарищей привел себя в состояние сильного опьянения (дело № 1–42/63).

¹⁵³ Верна мысль С. В. Познышева: «Вероятность повторения в психике лица решимости совершить данное преступление зависит от повторяемости вложившихся в него мотивов и от того значения, которое по свойствам нравственной личности человека эти мотивы могут иметь в его душевной жизни при обстоятельствах, не представляющих ничего исключительного. Для того чтобы выяснить все это, необходимо рассмотреть, в силу каких условий возникли и приобрели господство выразившиеся в данном преступлении мотивы». – С. В. Познышев. Очерк основных начал науки уголовного права. Общая часть, М., 1923, стр. 165–166. Ошибочно однако его учение о преступном типе.

Какими же критериями мы можем руководствоваться при установлении степени общественной опасности преступника?

Личность субъекта, совершившего преступление, как и всякого человека вообще, очень многогранна и характеризуется весьма многочисленными и различными обстоятельствами. Но далеко не все эти обстоятельства характеризуют общественную опасность данного лица именно как преступника, то есть свидетельствуют о возможности совершения им нового преступления примерно по аналогичным мотивам. Сюда относятся только те обстоятельства, которые так или иначе связаны с мотивами совершенного преступления, с мотивами, в отношении которых санкции уголовного закона в определенных условиях не смогли оказать свое сдерживающее воздействие. Для характеристики степени общественной опасности преступника необходимо учитывать все обстоятельства, которые положительно или отрицательно свидетельствуют о глубине и устойчивости данных преступных мотивов и дают характеристику (в указанном выше отношении) тех условий, которые способствовали возникновению и реализации этих мотивов. Таким образом, к характеристике общественной опасности преступника относятся **абсолютно все** обстоятельства, как закрепленные в законе, так и не получившие такого закрепления,¹⁵⁴ положительно или отрицательно раскрывающие степень этой опасности по указанным выше направлениям, но в то же время и **только эти** обстоятельства.¹⁵⁵

Сами по себе характер совершенного общественно опасного деяния, объективная опасность, тяжесть виновно причиненных последствий являются важными показателями степени общественной опасности преступника, ибо по ним можно судить о характере, глубине и устойчивости преступных мотивов. Здесь же можно указать такие моменты, как способ совершения преступления (например, совершение преступления с особой жестокостью или издевательством над потерпевшим, общеопасным способом, с применением оружия или технических средств, упорство и настойчивость преступника, преодоление трудностей при совершении преступления, организованность преступления и квалифицированность его исполнения и др.), а также форма и степень вины¹⁵⁶ при совершении преступления. Весьма показательно, что рецидив по неосторожным преступлениям является чрезвычайно редким явлением.

Вместе с тем особенности непосредственно преступного деяния не могут служить абсолютной характеристикой степени общественной опасности преступника, так как одинаковые по своей объективной опасности деяния могут быть совершены разными по степени опасности людьми. И в психологии, и в криминологии общепризнано, что внешне однородные поступки могут совершаться по самым разнообразным мотивам, выражая неодинаковые установки или тенденции личности, что отдельный, изолированно взятый, как бы выхваченный из контекста акт поведения допускает самые различные толкования;¹⁵⁷ что в то время, как одни действия

¹⁵⁴ См. Н. С. Лейкина. Некоторые вопросы значения личности преступника по советскому уголовному праву // Межвузовская научная конференция «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма» (тезисы), Л., 1961, стр. 74–75; М. Г. Коршик, С. С. Степичев. Изучение личности обвиняемого, М., 1961, стр. 39–40.

¹⁵⁵ Верно у Н. Т. Ведерникова: «...при изучении личности преступника следует брать и рассматривать только те его свойства и черты, которые имеют отношение к его правовой характеристике, характеризуют его **общественную опасность** или ту или иную **степень его общественной опасности**, т. е. юридически значимые особенности обвиняемого» (подчеркнутой. – Б. В.). – Н. Т. Ведерников. Вопросы изучения личности преступника // Научная конференция «Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма», Л., 1963, стр. 84. Правильно пишут М. Г. Коршик и С. С. Степичев: «Характер данных о личности обвиняемого... и подробность их изложения зависят от преступления, инкриминируемого обвиняемому». – М. Г. Коршик, С. С. Степичев. Указ. соч., стр. 40.

¹⁵⁶ При понимании вины как определенного психического отношения к своим общественно опасным деяниям и их последствиям к обстоятельствам, характеризующим степень вины следует относить: «Полноту и отчетливость отражения в сознании виновного содержания преступного деяния, объем предвидения или объем возможности предвидения общественно опасных последствий, большую или меньшую обдуманность преступлений, настойчивость в преодолении встретившихся препятствий при совершении преступления...» – См.: А. Д. Саловьев. Указ. соч., стр. 97.

¹⁵⁷ См.: С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, изд. 2-е, М., 1946, стр. 24.

вызваны мотивами, существенными для данной личности, вторые возникают, главным образом, под влиянием скоропреходящего настроения, вызванного особой ситуацией.¹⁵⁸

В ст. 11 Руководящих начал 1919 г. утверждалось, что личность преступника исследуется не только поскольку она выразилась в учиненном деянии, но также на основе мотивов этого деяния и «поскольку возможно уяснить ее на основании образа его жизни и прошлого». Аналогичная мысль была зафиксирована в ст. 24 УК 1922 г.¹⁵⁹

Прежде, чем обращаться к изучению образа жизни и прошлого индивида-преступника, необходимо исследовать непосредственные причины (побуждения) и обстоятельства (условия) совершения преступления. Здесь можно указать на такие, например, моменты, как корыстные, хулиганские и иные низменные мотивы и цели преступления и, напротив, совершение преступления из ложно понимаемого чувства товарищества или ложно понимаемых интересов коллектива; обстоятельства, послужившие непосредственным поводом к совершению преступления; совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости; вследствие случайного стечения обстоятельств, вследствие затруднительного положения (материального или иного), в котором находился субъект; совершение преступления при защите от общественно опасного посягательства; вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств; влияние антиобщественных элементов; поведение потерпевшего; состояние алкогольного опьянения или отравления наркотиками в момент совершения преступления; влияние сильного душевного волнения, обстоятельства, его вызвавшие, и вообще психическое состояние личности; роль некоторых психофизических особенностей индивида в детерминации его преступного поведения и т. д.¹⁶⁰

Подобное исследование проводится для того, чтобы, установив мотивы преступления, степень их антисоциальности, а также условия его совершения, затем, изучая образ жизни и прошлое индивида, определить характер, глубину и стойкость антисоциальных качеств субъекта, определивших мотивы данного преступления, а также повторяемость (обыденность или исключительность) условий, способствовавших совершению преступления, в жизни данного индивида. Поэтому и необходимо изучение образа жизни субъекта до совершения им рассматриваемого преступления (поведение в быту, работа, отношение с коллективом, судимости, связь с антиобщественными элементами, злоупотребление алкоголем, применение к нему мер административного и общественного воздействия и т. д.). Здесь особо показательным в отношении стойкости антисоциальных, преступных мотивов является повторное совершение преступления индивидом и рецидив (прежде всего совершение однородного преступления по тем же мотивам и специальный рецидив), промежуток времени и характер принимавшихся в отношении лица мер в период между первым и вторым преступлением.

Показательным для степени общественной опасности преступника является его поведение после совершения преступления и отношение к этому преступлению¹⁶¹ (добровольное возмещение ущерба или предотвращение вредных последствий, чистосердечное раскаяние, явка с повинной, оговор заведомо невиновного лица и др.).

Таким образом, если говорить обобщенно, то показателями степени общественной опасности преступника являются все те обстоятельства, которые свидетельствуют о причинах и

¹⁵⁸ См.: А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР, М., 1961, стр. 169.

¹⁵⁹ Современное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, хотя и предписывает обязательное изучение особенностей личности и учет их при освобождении от уголовной ответственности и назначении наказания (например, ст. ст. 37, 51, 52 УК РСФСР, ст. 68 УПК РСФСР), но, к сожалению, не указывает общее направление такого изучения. Все ограничивается лишь перечнем смягчающих и отягчающих обстоятельств.

¹⁶⁰ Многие из названных обстоятельств указаны в законе в качестве обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность.

¹⁶¹ С. Л. Рубинштейн писал: «...**что** оставляет человека равнодушным и **что** затрагивает его чувства, **что** его радует и **что** печалит, обычно ярче всего выявляет, – а иногда выдает, – истинное его существо». – С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, изд. 2-е, М., 1946, стр. 461.

мотивах совершенного преступления и вообще о всех факторах объективного и субъективного порядка, так или иначе участвовавших в детерминации преступного поведения.

Приведем несколько примеров исследования общественной опасности преступника по конкретным делам из судебной практики.

Пример I. Само по себе событие преступления состоит в том, что Балбеко украл 215 рублей у гр. Карповой и Кузиной (дело 1–144/64, Петроградский район).

Обстоятельства совершения преступления таковы: 2 февраля 1964 г. в Ленинград на каникулы из Иркутска приехали две студентки Карпова и Кузина. Они безуспешно пытались остановиться в гостинице в центре города. В гостинице «Северная» к ним подошел молодой человек, отрекомендовался студентом из Москвы и предложил вместе ехать искать свободные номера в другом районе города. Молодой человек сдал вещи девушек в камеру хранения, и все они поехали в гостиницу «Дружба». В этой гостинице были свободные места. Балбеко сам вел переговоры с администратором, заполнил от имени Карповой и Кузиной все документы, необходимые для поселения, и даже расписался там вместо девушек. Затем Балбеко прошел вместе с ними к их номеру и получил у дежурной по этажу ключи от этого номера. Там в номере разделся, поужинал в ресторане гостиницы. Затем все втроем пошли гулять по городу. Неподалеку от гостиницы Балбеко разыграл ссору с девушками и, когда последние пошли дальше, быстро вернулся в гостиницу и попросил у дежурной ключ от номера Карповой и Кузиной. Дежурная, принимая Балбеко за хорошего знакомого девушек и полагая, что он что-то забыл в номере, выдала ему ключ. Здесь Балбеко и украл из сумки 215 руб.

Уже анализ одних только обстоятельств дела, характера и субъективной стороны преступления, способа его совершения дает богатый материал для выводов об общественной опасности преступника. Совершенно корыстное, заранее обдуманное и тщательно подготовленное преступление. Обращает на себя внимание квалифицированность и даже, можно сказать, «артистичность» исполнения преступления. Балбеко удачно разыгрывает перед девушками роль «студента из Москвы», а затем всячески пытается создать впечатление у работников гостиницы о своем близком знакомстве с девушками. Балбеко украл 215 руб., нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что Карпова и Кузина останутся практически совсем без денег в незнакомом городе. Предумышленность, квалифицированность и дерзость преступления позволяют утверждать, что Балбеко не случайный преступник, пошедший на совершение преступления необдуманно, по легкомыслию или при стечении определенных обстоятельств. Анализ обстоятельств данного преступления приводит к выводу, что Балбеко обладает стойкими антиобщественными взглядами, которые позволили ему вполне сознательно и убежденно совершить кражу личного имущества граждан.

Данные о личности и прошлом Балбеко подтверждают правильность такого вывода. Стремление жить легко, не особенно утруждая себя работой, и, если удастся, за счет других – вот что характерно для Балбеко. Ему 27 лет; до 1/VT-63 г. он работал, однако в характеристике отмечаются недобросовестное отношение к работе, обманы сотрудников и администрации и вообще «исключительная способность к жульничеству и разного рода аферам». Довольно часто он брал деньги в долг и не возвращал. В апреле 1963 г. Балбеко был осужден первый раз за кражу у знакомых вещей и денег на сумму 35 р., а у других знакомых – паспорта. Мерой наказания были избраны исправительные работы. Однако Балбеко уклонялся от отбывания наказания и исправительные работы были заменены лишением свободы на 4 месяца. Освободившись 16/I-64 г. по отбытии наказания, он стал жить у жены, не работал. Жили на средства, присылаемые родителями. Новое, однородное преступление Балбеко совершил через две недели после освобождения. Характерно, что никаких материальных затруднений он не испытывал, так как получил перевод на 250 руб. от родителей. Важно и то обстоятельство, что Балбеко в совершенном преступлении не раскаялся. В итоге мы видим, что совершение преступления не было обусловлено какими-то приводящими, случайными обстоятельствами; что корыст-

ные антиобщественные мотивы являются практически принципиальными, ведущими для Балбеко, достаточно прочно укоренившимися; что для надлежащего воздействия на Балбеко не достаточно эффективны такие меры уголовного наказания, как исправительные работы и краткосрочное лишение свободы. Мы можем в итоге сделать обоснованный вывод, что Балбеко, совершивший данное преступление, представляет значительную общественную опасность.

Пример П. Конюхов осужден за хищение государственных денежных средств путем мошенничества на сумму 1299 руб. 44 коп. Обстоятельства совершения преступления: не достигнув пенсионного возраста, использовав подложный паспорт, в котором был указан 1900 год рождения вместо 1910 г., Конюхов незаконно получал пенсию в период с августа 1962 г. по февраль 1964 г. (дело 1–197/64, Петроградский район).

Как и в первом примере, преступление совершено из корыстных побуждений, однако уже сам характер данного преступления и способ его совершения свидетельствуют о меньшей степени общественной опасности преступника, чем в первом случае. Этот вывод еще более укрепится, если заглянуть в предысторию данного преступления.

Очень важное обстоятельство, что подделка паспорта была произведена отнюдь не для использования в преступных целях, в частности, не для незаконного получения пенсии. Эта подделка, в результате которой Конюхов стал «старше» на 10 лет, была произведена во время войны для того, чтобы Конюхов смог избежать отправки в Германию, когда он очутился на временно оккупированной территории. После освобождения на основании этого паспорта Конюхов получил новые документы и не придавал серьезного значения тому, что стал числиться 1900 года рождения. Никакими льготами от этого он не пользовался. Более того, когда в 1960 году он «достиг» пенсионного возраста, то, имея необходимый трудовой стаж, не стал оформлять получение пенсии.

Всю свою сознательную жизнь Конюхов занимался общественно полезным трудом, в течение продолжительного времени работал на заводе «Красная Бавария» водопроводчиком. Имеет безупречное прошлое, никогда не судился и не подвергался мерам административного и общественного воздействия. Характеризуется положительно как передовой рабочий и активный общественник. Женат, воспитал 17-летнего сына.

В 1962 году Конюхов долго и серьезно болел, и врачи, считая, что ему уже 62 года, рекомендовали оставить работу и уйти на пенсию. Здесь Конюхов и поддался соблазну, полагая, конечно, что его преступление окажется нераскрытым, что тайна его возраста никому не известна. Можно сказать, что Конюхов лишь воспользовался сложившимися обстоятельствами, но не сам активно стремился к созданию соответствующих условий для преступления.

В совершении преступления выразилась, таким образом, определенная моральная неустойчивость, нравственная противоречивость Конюхова. Но специфичность совершенных им преступных действий, особенности условий их совершения, наряду с данными о личности Конюхова, позволяют говорить о том, что сам факт разоблачения преступления, серьезное общественное осуждение его поступка и решительное напоминание об уголовной ответственности за подобные действия способны оказать надлежащее воздействие на Конюхова для предупреждения возможных новых преступлений с его стороны.

Пример III. Макеенков при его задержании оскорблял милиционера Соболева, оказывал сопротивление Соболеву и другому милиционеру Чурину при доставлении его в штаб дружины, вырывался. В штабе дружины продолжал наносить оскорбления милиционерам и дружинникам, пытался уйти из штаба и во время одной из таких попыток ударил Чурина кулаком в живот, причинив в результате менее тяжкие телесные повреждения (дело 1–173/64, Московский район). Преступление совершено умышленно и представляет значительную общественную опасность, но без анализа обстоятельств и условий его совершения сделать правильный вывод о степени общественной опасности преступника невозможно и в данном случае.

Макеенкову – 26 лет; он работал старшим инженером в институте «Гипроникель». В этот день по случаю приезда брата из Свердловска Макеенков с отцом и своей знакомой девушкой Наташей Рейнберг ужинал в ресторане. Утром следующего дня Макеенков должен был улетать на Кавказ в отпуск. В конце вечера Макеенков поссорился с Рейнберг, и последняя, выйдя из ресторана, хотела уйти от него и ехать домой, но он удерживал ее. В это время неподалеку проходил милиционер Соболев и Рейнберг обратилась к нему, сказав, что молодой человек пристает к ней, не пускает ее, а она «знать его не знает». Соболев задержал Макеенкова, а Рейнберг предложил спокойно идти к метро. Макеенков крикнул ей вслед, чтобы она подождала его минут 10, а сам пытался объяснить милиционеру, что это его любимая девушка и ему необходимо догнать ее. Однако Соболев, не зная о подлинных отношениях между ними, по-прежнему видел в Макеенкове лишь сильно подвыпившего человека, а может быть, и хулигана, приставшего к девушке, и не отпускал его. Тогда Макеенков стал оскорблять Соболева и вырываться. Соболев рассказал подошедшему милиционеру Чурину, что он задержал Макеенкова за то, что последний приставал к девушке и вел себя вызывающе. При доставлении в штаб дружины Макеенков продолжал браниться и вырываться. Как объяснил впоследствии Макеенков, он думал, что Рейнберг ждет его, и хотел обязательно догнать ее и помириться, так как завтра утром он уже вылетал из Ленинграда. В штабе дружины он требовал, чтобы его отпустили; в ответ на двусмысленное замечание одного из дружинников по поводу его отношений с этой девушкой Макеенков стал оскорблять присутствующих в штабе дружинников; порывался уйти и во время одной из таких попыток и нанес удар Чурину.

Изучение данных о личности Макеенкова показывает, что подобные поступки и вообще нарушения общественного порядка не свойственны для него. С 14 лет он в комсомоле, успешно окончил Горный институт, где был одним из лучших студентов. В настоящее время способный инженер, готовился к поступлению в аспирантуру, активно участвовал в общественной работе. Дисциплинирован, скромен, честен, отзывчив. Спиртные напитки употребляет редко. Товарища по работе рассматривали подобное поведение Макеенкова как случайный срыв, как поступок, совершенно для него не характерный. Макеенков глубоко пережил им совершенное и принес извинения Чурину.

В основе настоящего преступления лежит, конечно, определенная нравственная противоречивость Макеенкова, но можно сказать, что вся эта ситуация, сыгравшая решающую роль для совершения преступления (задержание Макеенкова при подобных обстоятельствах), возникла случайно. Обстоятельства совершения преступления, данные о личности Макеенкова и отношение его к содеянному позволяют сделать вывод, что степень его общественной опасности невелика.

Итак, общественная опасность преступника, возможность совершения им нового преступления по примерно аналогичным мотивам, может быть развита в различной степени. Однако, как бы ни была развита подобная возможность, это во всех случаях **реальная** возможность, имеющая свое основание как в общественных свойствах личности, так и в том, что существующие детерминанты социального поведения в виде лишь угрозы применения определенных мер общественного и государственного воздействия при определенных условиях не способны сдерживать антиобщественные побуждения данной личности (при умышленном преступлении) или не обеспечивают надлежащего заботливого отношения к общественным интересам (при неосторожном преступлении), что доказано совершение преступления.

§ 3. Состав преступления как основание уголовной ответственности и общественная опасность преступника

Выше мы определили уголовную ответственность как правовую обязанность лиц, виновных в совершении общественно опасных деяний, отвечать за совершенное в уголовном

порядке, подчиниться той мере принуждения, которую государство в лице соответствующих органов имеет право применять за совершение подобных общественно опасных деяний. Под основанием же уголовной ответственности следует понимать тот юридический факт, наличие которого ведет к возникновению данной правовой обязанности. Согласно закону (ст. 3 Основ), таким юридическим фактом является совершение преступления.

Но как следственные и судебные органы могут установить, что совершенный данным лицом определенный поступок является преступлением, влекущим уголовную ответственность этого лица?

Режим социалистической законности требует установления непосредственно законодателем точных, совершенно определенных оснований возникновения уголовной ответственности. Это необходимо во избежание произвола в деятельности карательных органов социалистического государства, для обеспечения единства законности. Это далее необходимо и для того, чтобы граждане твердо знали круг уголовно-наказуемых деяний. «Определение круга и признаков наказуемых деяний только законодателем служит единственным и необходимым средством обеспечения социалистической законности в области уголовного права».¹⁶²

Осуществление указанных задач обеспечивается тем, что в законе фиксируется ряд объективных и субъективных признаков деяния, объявленного законодателем уголовно наказуемым, которые в совокупности образуют то, что называется составом преступления. Таким образом, установление того, что совершенное определенным лицом деяние является преступлением, служит обнаружение в этом деянии, в поведении субъекта, состава преступления как совокупности признаков, с наличием которых связывается возникновение уголовной ответственности.

Умышленное или по неосторожности совершение лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (то есть совершение деяния, заключающего в себе состав определенного преступления), является единственным, необходимым и достаточным основанием уголовной ответственности этого лица.¹⁶³

Напротив, уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению во всякой стадии процесса, если в деянии отсутствует состав преступления (п. 2 ст. 5 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Если же отсутствие состава преступления в деянии подсудимого (а также, конечно, отсутствие события преступления) установлено в процессе судебного разбирательства, то суд выносит оправдательный приговор (ст. 43 Основ уголовного судопроизводства), так как обязанности отвечать в уголовном порядке у данного лица не существует.

Разрешить вопрос о возникновении уголовной ответственности определенного индивида – значит определить, имеется ли в его поведении состав какого-либо преступления.¹⁶⁴

¹⁶² Н. С. Алексеев, В. Г. Смирнов, М. Д. Шаргородский. Основание уголовной ответственности по советскому праву // Правоведение, 1961, № 2, стр. 76.

¹⁶³ Надуманным представляется противопоставление ст. 3 Основ уголовного законодательства ст. 3 проекта этих Основ, в которой указывалось, что «никто не может быть привлечен к уголовной ответственности и подвергнут наказанию иначе как за **деяние, содержащее состав преступления**» (подчеркнуто мной. – Б. В.), предусмотренного уголовным законом». Факт простого терминологического изменения посредством раскрытия содержания понятия «деяния, содержащего состав преступления» в словах «умышленное или по неосторожности совершение предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния» рассматривается рядом авторов как изменение по существу, как утверждение нового, более широкого, более емкого основания ответственности – совершение преступления, виновность. См., например: доклад Б. С. Никифорова на научной сессии ВИЮН «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», выступление Т. Д. Сергеевой, А. С. Шляпочникова, А. В. Кузнецова, А. Б. Сахарова // сб. «Важный этап в развитии советского права», М., 1960, стр. 32–33, 141–145, 150–151, 160, 189–190; Н. В. Лясс. К вопросу об основаниях уголовной ответственности // Вестник ЛГУ, 1960, вып. 3; Б. С. Утевский. Новые методы борьбы с преступностью и некоторые вопросы уголовной ответственности // Правоведение, 1961, № 2 и др. Корни подобных взглядов лежат, на наш взгляд, в неправильном понимании соотношения между уголовной ответственностью и наказанием. См. об этом ниже.

¹⁶⁴ Мы согласны с мнением тех авторов, которые полагают, что признаки составов преступлений могут быть сформулированы в статьях как Особенной, так и Общей части уголовного законодательства и что, следовательно, составы соответствующих

Поскольку уголовная ответственность, как показано выше, оправдана исключительно утилитарными целями борьбы с преступностью и только в том случае, когда субъект объективно общественно опасного деяния сам социально опасен, то законодатель фиксирует в уголовном законе такие признаки, которые, по его мнению, свидетельствуют, что и само деяние является общественно опасным, причиняя существенный ущерб интересам социалистического общества, и лицо, совершившее данное деяние, настолько общественно опасно, что для предупреждения с его стороны нового преступления необходимы определенные меры уголовно-правового характера. Только потому, что в составе закреплены общественная опасность деяния и общественная опасность деятеля, он (состав) и является основанием уголовной ответственности.¹⁶⁵

Признаки, с наличием которых по советскому праву связывается возникновение уголовной ответственности, так называемые элементы состава преступления, весьма различны. Они относятся к характеристике объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны общественно опасного деяния.

Каждое общественно опасное деяние, признаваемое, согласно уголовному закону, преступлением, представляет собой акт поведения человека, выражающий его отношение к государственным и общественным интересам. Этот акт поведения (действие или бездействие) причиняет или может причинить определенный (как правило, существенный) ущерб тем или иным социалистическим общественным отношениям, совершается определенным способом, в тех или иных условиях, в определенное время и в определенном месте. Далее, этот акт поведения совершается определенным лицом, по тем или иным причинам, по неосторожности или умышленно, причем в последнем случае лицо, совершая данный акт поведения, исходит из определенных мотивов и преследует определенные цели. Словом, каждое опасное для интересов социалистического общества деяние, признаваемое преступным согласно закону, представляет собой единство большого числа объективных и субъективных признаков, характеризующих опасность как самого деяния, так и лица, его совершившего, которые условно можно подразделить на признаки объективной и субъективной стороны преступления, объекта и субъекта преступления.

Преступление по советскому уголовному праву есть единство субъективных и объективных признаков общественно опасного деяния, единство опасности деяния и деятеля. И то, и другое обстоятельство получают свое отражение в составе преступления: «...каждое уголовно-правовое понятие, каждый состав преступления рассматриваются в советском уголовном праве одновременно с точки зрения их объективного значения для интересов социали-

преступлений имеются и в действиях каждого соучастника, и в действиях лиц, успевших осуществить лишь предварительную преступную деятельность (приготовление и покушение). Составы организации совершения определенного преступления, подстрекательства или пособничества преступлению, а также составы приготовления и покушения на преступления являются не только показателями общественной опасности виновных лиц, но и основаниями их уголовной ответственности. См., например: *Н. Д. Дурманов*. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 30; *А. И. Санталов*. Состав преступления и некоторые вопросы общей части уголовного права // Правоведение, 1960, № 1; *Н. С. Алексеев, В. Г. Смирнов, М. Д. Шаргородский*. Указ. соч., стр. 78–79; *А. А. Пионтковский*. Учение о преступлении по советскому уголовному праву, М., 1961, стр. 109; и др.

¹⁶⁵ Еще в XIX веке в буржуазной науке (Белинг) наметилась тенденция к выхолащиванию состава преступления, сведению его к совокупности чисто формальных признаков. Утверждалось, что установление состава преступления в действиях индивида еще не дает основание считать совершенное им деяние преступным, не свидетельствует об общественной опасности самого деяния и виновного в нем лица. Вопрос о противоправности деяния и об уголовной ответственности субъекта (вопрос о «виновности») решается судом на основе его усмотрения как следствие отрицательной оценки содеянного и личности (ее волеунаправленности, «финальности»). По существу те же идеи развиваются и в теориях ряда современных буржуазных авторов. См. об этом, например: *Б. С. Матковский*. 1) Проблема ответственности в уголовном праве, М. – Л., 1949, стр. 78–94; 2) Реакционная неокантианская теория «финального» уголовного права // Советское государство и право, 1959, № 4; *Ион Лекшиас*. Вина как субъективная сторона преступного деяния, М., 1958, стр. 36–42; *А. А. Пионтковский*. Учение о преступлении по советскому уголовному праву, М., 1961, стр. 129–131; *Н. В. Лясс*. Нормативная теория в современном буржуазном уголовном праве, изд. ЛГУ, 1963; и др.

стического государства и с точки зрения общественной оценки личности, которая связана с подобным поведением».¹⁶⁶

И общественная опасность деяния, и общественная опасность субъекта этого деяния представляют собой объективные реальности, не зависящие от субъективного их познания. В элементах же составов соответствующих преступлений, характеризующих объект и субъект, объективную и субъективную стороны общественно опасных деяний, лишь закреплены реальная опасность поступков подобного рода и опасность лиц, их совершающих.

Все многообразие объективных и субъективных обстоятельств, характеризующих конкретное общественно опасное деяние и условия его совершения, невозможно отразить в составе соответствующего преступления. Да в этом и нет необходимости. В ранг элементов состава законодатель возводит лишь отдельные, наиболее типичные признаки, в которых отражено то объективно общее, что характерно для отдельных общественно опасных деяний данного рода.¹⁶⁷ Установление этих типичных признаков в конкретных общественно опасных деяниях, свидетельствует, что данные акты поведения являются преступными, то есть этим устанавливается, распознается факт реального существования общественной опасности деяния и общественной опасности виновного лица, необходимых для уголовной ответственности, устанавливается обязанность лица отвечать за данное поведение в уголовном порядке.

При этом законодатель, описывая родовые признаки определенного деяния (характеризующие объект и субъект, объективную и субъективную стороны этого деяния), исходит из типовой опасности подобных деяний и типовой опасности субъектов, совершающих подобные деяния. В составы преступлений в качестве их элементов включены в обобщенном (типизированном) виде те обстоятельства, которые в каждом случае совершения подобных деяний являются, во-первых, показателем наличия общественной опасности деяния и деятеля, и, во-вторых, важным показателем характера и степени их общественной опасности (привилегированные и квалифицированные составы, различные смягчающие и отягчающие обстоятельства, включенные в составы соответствующих преступлений). Поэтому состав преступления является не только основанием уголовной ответственности, но и определяет в общих чертах ее пределы.

Описанные в законе составы преступлений (например, измена Родине, бандитизм, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем кражи, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, убийство при превышении пределов необходимой обороны, неосторожное убийство, получение взятки, хулиганство и т. д.) в совокупности своих элементов закрепляют ту общую, типовую опасность, которую в принципе представляют подобные преступления для социалистического общества (опасность, которую вообще представляет измена Родине, бандитизм и т. д.).

Данная общественная опасность преступлений определенного рода складывается из того типового вреда, ущерба социалистическим общественным отношениям, который вообще наносят подобные деяния, и из той типовой опасности, которая характерна для лиц, совершающих подобные преступления. Законодатель связывает возникновение уголовной ответственности не только с обязательным наличием общественной опасности деяния и лица, его совершившего, но и обязательным наличием определенной степени их опасности.

¹⁶⁶ А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР, М., 1961, стр. 13. Буржуазные криминалисты-социологи утверждали, что состав преступления имеет значение лишь как симптом социальной опасности преступника. Мы считаем, что установление в деянии элементов состава преступления, бесспорно, свидетельствует об общественной опасности виновного субъекта. Однако назначение составов преступлений состоит не в том, чтобы показывать, какие лица опасны, а то, какие деяния являются общественно опасными, преступными, с какими деяниями государство борется при помощи уголовно-правовых мер. Субъекты же потому и общественно опасны, что способны совершать такие деяния.

¹⁶⁷ См.: А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 59.

Свойственная виновно совершенным деяниям определенного рода, посягающим на советский общественный и государственный строй, социалистическую собственность, личность и права граждан, объективная опасность (наличие этой опасности и ее характер) находит свое закрепление в признаках состава, характеризующих объект и объективную сторону преступного посягательства.

Необходимость общественной опасности деятеля для уголовной ответственности свое закрепление в составе преступления как основании уголовной ответственности находит прежде всего в признаке вины. Элементы, свидетельствующие о наличии той или иной формы вины как определенного психического отношения деятеля к своему общественно опасному поведению (что и позволяет связывать это деяние с его субъектом), обязательно включены в состав любого преступления. Без вины нет состава, нет уголовной ответственности.

В элементах составов преступлений закреплено не только наличие общественной опасности субъектов подобных деяний, но в определенной мере и характер, и степень этой опасности. Для того чтобы возникла конкретная уголовная ответственность лица – обязанность его подчиниться определенным мерам государственного принуждения (мерам определенного вида и размера) – необходимо не только, чтобы деянию была свойственна общественная опасность того или иного характера, но и чтобы лицо, совершившее это деяние, обладало общественной опасностью определенного характера и степени, или, иначе говоря, различные санкции в зависимости от состава преступления предусмотрены в законе потому, что элементы этих составов свидетельствуют о различиях в характере и степени опасности самих деяний и их субъектов.

В элементах каждого состава и закреплена общественная опасность субъекта (ее наличие, характер и степень), необходимая для того, чтобы возникла правовая обязанность лица, виновно совершившего общественно опасное деяние, подчиниться тем или иным указанным в законе для данного состава мерам принуждения.

Определенная общественная опасность субъектов (причем не только характер, но и степень этой опасности) отражена, во-первых, в тех элементах составов, которые характеризуют объективные моменты преступления. Уже выбор того или иного объекта посягательства (а признаки, дающие общую характеристику объекта, обязательно являются элементами каждого состава) свидетельствует об определенной общественной опасности лица и, главным образом, о характере этой опасности.

Далее, для возникновения определенной уголовной ответственности требуется наличие в конкретном общественно опасном деянии таких признаков, характеризующих объективную сторону виновно совершенного общественно опасного деяния, как способ совершения этого деяния (тот или иной способ совершения отражен в каждом составе преступления), причинение тех или иных вредных последствий (или создание возможности для наступления этих последствий), того или иного ущерба социалистическим общественным отношениям и др.

Очевидно, что в этих элементах составов отражена не только объективная опасность деяний, в которых содержатся данные признаки, но и общественная опасность (определенного характера и степени) лиц, совершающих подобные деяния. Так, общественная опасность (по характеру этой опасности), бесспорно, выше у лица, совершившего умышленное убийство, чем у лица, по тем же мотивам нанесшего тяжкое телесное повреждение. Так, общественная опасность (по ее характеру и степени) выше у лиц, совершивших разбойное нападение, чем у лица, совершившего кражу (отвлекаясь пока от мотивов совершения преступления), и у лица, совершившего грабеж с применением насилия, чем у лица, совершившего его без такового.

Таким образом, исходя даже из чисто объективных характеристик общественно опасных деяний, можно сказать, что для возникновения уголовной ответственности по той или иной статье уголовного закона требуется наличие определенной общественной опасности личности.

В некоторые составы преступлений включены и элементы, характеризующие обстоятельства, условия совершения преступления, которые также свидетельствуют об определенной сте-

пени общественной опасности виновного. Например, состояние необходимой обороны, если в результате превышения ее пределов совершается убийство (ст. 105) или причиняются тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения (ст. 111).

Определенная общественная опасность виновных отражена и в элементах составов преступлений, характеризующих субъективные моменты общественно опасного посягательства.

Если факт **виновного** совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, свидетельствует вообще о наличии общественной опасности субъекта этого деяния, то элементы составов соответствующих преступлений, характеризующих **форму** вины свидетельствуют об определенной степени этой опасности.

В ряде случаев закон предусматривает составы, сходные по всем своим элементам, кроме элементов, характеризующих форму вины (например, ст. ст. 103, 106, 108, 109, 114, ч. 2 ст. 149 и ст. 150). Степень общественной опасности виновных в неосторожном преступлении значительно меньше, чем степень опасности виновных в аналогичных умышленных преступлениях, что подтверждается и размером санкций за эти преступления.

В числе других моментов, характеризующих субъективную сторону виновного общественно опасного посягательства, влияющих на характер и степень общественной опасности субъекта и в ряде случаев являющихся элементами составов соответствующих преступлений, могут быть названы: особое психическое состояние субъекта в момент совершения преступления (состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего или иными его противозаконными действиями, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких – ст. ст. 104, ПО УК); мотив совершения преступления (например, корыстные или хулиганские побуждения – п.п. «а» и «б» ст. 102, корыстная или иная личная заинтересованность при злоупотреблении властью или служебным положением – ст. 170), цель совершения преступления (например, цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение при умышленном убийстве – п. «е» ст. 102, цель сбыта при изготовлении или хранении спиртных напитков домашней выработки или при изготовлении аппаратов для их выработки – ч. 2 ст. 158).

В действующем уголовном законодательстве насчитывается около 50 составов преступлений, в которые в качестве квалифицирующих (отягчающих) элементов включены такие признаки, как совершение преступления лицом, ранее судимым за аналогичное преступление (ч. 2 ст. 88, ч. 2 ст. 130, ч. 2 ст. 131, ч. 2 ст. 206 и др.), повторное совершение преступления (ч. 2 ст. 89, ч. 2 ст. 90, ч. 2 ст. 117 и др.), неоднократное совершение преступных деяний (ч. 2 ст. 99–1, ч. 3 ст. 116, ч. 2 ст. 173 и др.), совершение преступных деяний в виде промысла (ч. 2 ст. 87, ч. 2 ст. 154, ч. 4 ст. 208 и др.), совершение преступления особо опасным рецидивистом (ч. 3 ст. 89, ч. 3 ст. 90, п. «л» ст. 102, ч. 2 ст. 103 и др.) и др.

Подобные признаки непосредственно характеризуют личность виновного в данных преступных деяниях; в них закреплена повышенная общественная опасность виновного по сравнению со случаями, предусмотренными в первых частях вышеуказанных статей.

В ряде статей нового уголовного законодательства (ст. ст. 162, 166, 169, 198–1 и др.) предусмотрены такие деяния, которые считаются преступлениями лишь в случае повторного их совершения после применения к нарушителям мер административного или общественного воздействия. Бесспорно, что совершение аналогичного, пусть даже малозначительного, общественно опасного деяния после применения мер общественного или административного воздействия свидетельствует о большей общественной опасности лица, чем в случаях однократного совершения подобных поступков, ибо это показывает, что меры общественного или административного воздействия неспособны исправить данное лицо.

Это обстоятельство правильно отмечает П. С. Дагель, считающий повторность совершения антиобщественного поступка критерием общественной опасности лица, которая вызывает

необходимость рассматривать совершенный им поступок как преступление.¹⁶⁸ Однако неточным является его утверждение, что «за последнее время законодательство и судебная практика развиваются по пути признания общественной опасности лица обстоятельством, от которого в ряде случаев зависит признание совершенного им деяния преступлением (наказуемость повторного или неоднократного нарушения)».¹⁶⁹

По нашему мнению, неправильно полагать, что зависимость между наличием общественной опасности лица и признанием его деяния преступлением существует лишь «**в ряде случаев**». Деяние – не преступление, если оно совершено невиновно. А если имеется виновное, умышленное или неосторожное совершение общественно опасного деяния, то существует и общественная опасность личности как реальная возможность совершения этим же лицом нового преступления примерно по тем же мотивам, имеющая свое основание в социальных качествах индивида и также в том, что существующие социальные тормоза при определенных условиях не оказывают в отношении него свое сдерживающее влияние. Следовательно, деяние – не преступление, если его субъект не является общественно опасным (другое дело, что степень этой опасности может быть весьма различной). Поэтому неверно и считать, что лишь «**за последнее время**» общественная опасность субъекта стала конститутивным моментом преступления.

Что же касается указанных выше случаев, то сейчас законодатель считает подобные деяния преступными лишь при совершении их лицами, представляющими большую общественную опасность (по степени этой опасности), чем это было раньше. Поэтому повторность совершения деяния и предварительное применение мер административного или общественного воздействия, то есть обстоятельства, характеризующие повышенную опасность личности, стали элементами составов соответствующих преступлений.

Развитие советского общества привело к повышению роли общественности в борьбе с нарушителями советской законности и правил социалистического общежития, сужению сферы применения мер уголовной репрессии и появлению новых оснований освобождения от уголовного наказания. Появилась возможность и в случае совершения преступных действий не прибегать к назначению наказания, а воспользоваться мерами общественного воздействия.

В этих условиях перед уголовно-правовой наукой вновь встал вопрос об основании уголовной ответственности: можно ли по-прежнему считать совершение предусмотренного законом общественно опасного деяния единственным и достаточным основанием уголовной ответственности, или этого недостаточно и необходимы еще какие-либо дополнительные основания? Каково соотношение между составом преступления и общественной опасностью субъекта этого деяния?

Ряд советских ученых выдвинул положение, что для возникновения уголовной ответственности, помимо наличия в действиях виновного состава определенного преступления, требуется еще наличие общественной опасности преступника, совершившего данное деяние.¹⁷⁰

¹⁶⁸ См.: П. С. Дагель. Роль уголовной репрессии в борьбе с преступностью в период развернутого строительства коммунизма. Автореф. канд. дисс., Л., 1962, стр. 21.

¹⁶⁹ Там же, стр. 19. Аналогичная мысль у Б. С. Никифорова: «В связи с опубликованием проекта Закона о повышении роли общественности и правил социалистического общежития уместно поставить вопрос о признании общественной опасности субъекта своего рода предпосылкой преступления». – Б. С. Никифоров. Объект преступления по советскому уголовному праву, М., 1960, стр. 19.

¹⁷⁰ См.: Б. С. Утевский. 1) Вопросы уголовного права в проекте закона // Советское государство и право, 1960, № 1; 2) Новые формы и методы борьбы с преступностью и личность преступника // Социалистическая законность, 1960, № 2; 3) Новые методы борьбы с преступностью и некоторые вопросы уголовной ответственности // Правоведение, 1961, № 2; Б. С. Никифоров. Освобождение от уголовной ответственности и наказания // Социалистическая законность, 1960, № 1; Сб. «Важный этап в развитии советского права», доклад Б. С. Никифорова, выступления А. Б. Сахарова, Б. Л. Сергеевой, А. С. Шляпочникова; А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР, М., 1961, стр. 22–24.

Так, в докладе на научной сессии, посвященной новому уголовному и уголовно-процессуальному законодательству РСФСР, Б. С. Никифоров утверждал: «Жизнь, практика давно уже настойчиво ставили вопрос о необходимости рассматривать общественную опасность субъекта как необходимую **составную часть** (подчеркнуто мной. – Б. В.) того, что по новому закону образует основание уголовной ответственности... Иногда создается положение, весьма сходное с описанным во 2 части ст. 7 Основ, только деяние признается непроступным не по малозначительности действия, а в связи с тем, что лицо, совершившее его, не представляет общественной опасности...»¹⁷¹

Та же идея о необходимости рассмотрения общественной опасности виновного по сути дела в качестве составной части широкого основания уголовной ответственности, наряду с составом преступления, была высказана Б. С. Никифоровым еще раньше в статье «Освобождение от уголовной ответственности и наказания», когда он на поставленный им же вопрос: может ли суд не признать общественно опасным и преступным действие или бездействие, предусмотренное уголовным законом, учитывая свойства личности совершившего деяние? – в ходе последующего рассуждения дает утвердительный ответ.¹⁷² Таким образом, у Б. С. Никифорова получается, что, хотя в действиях виновного и имеются признаки определенного состава преступления, сам виновный общественной опасности может не представлять, а потому и его деяние не будет общественно опасным и преступным и не влечет за собой возникновение уголовной ответственности, то есть состав преступления и общественная опасность виновного рассматриваются сами по себе, абсолютно независимо друг от друга.

Таково же мнение Ю. В. Субоцкого, полагающего, что при отнесении действия к административным правонарушениям или преступлениям административные и судебно-следственные органы должны учитывать свойства личности виновного, его должностное положение, квалификацию, его общественное лицо, стаж работы, прошлое поведение и т. п., то есть обстоятельства, не относящиеся к составам административного нарушения или преступления.¹⁷³

На наш взгляд, если в действиях виновного содержится состав преступления, то никакие иные положительные данные об его личности не могут превратить его деяние из преступления в административное правонарушение или антиобщественный поступок. Принятие подобных предложений привело бы к полному произволу в деятельности административных и судебно-следственных органов и к тому же не способствовало бы осуществлению задачи общего предупреждения.

Несколько иной, по сравнению с изложенными, является концепция Б. С. Утевского. В отличие от Б. С. Никифорова он считает, что во всех случаях, когда в деянии наличествуют элементы состава, оно является преступным, но, поскольку личность, ее общественная опасность лежит вне состава, то он (состав) и не является достаточным основанием для уголовной ответственности.¹⁷⁴

Подобные взгляды вызывают возражение. Следует согласиться с той характеристикой состава в его соотношении с общественной опасностью личности виновного, которая дается Н. С. Лейкиной: «Состав преступления, являясь основанием уголовной ответственности, включает в себя ряд свойств личности преступника в виде общих для всех составов признаков, характеризующих субъект преступления (вменяемость и возраст), а также в виде признаков,

¹⁷¹ Новое уголовное законодательство РСФСР, М., 1961, стр. 55–56.

¹⁷² См.: Б. С. Никифоров. Освобождение от уголовной ответственности и наказания // Социалистическая законность, 1960, № 1, стр. 13–15.

¹⁷³ См.: Ю. В. Субоцкий. Административное правонарушение и преступление // Вестник МГУ, серия экономики, философии, права, 1959, № 2, стр. 178.

¹⁷⁴ См.: Б. С. Утевский. 1) Новые формы и методы борьбы с преступностью и личность преступника // Социалистическая законность, 1960, № 2; 2) Новые методы борьбы с преступностью и некоторые вопросы уголовной ответственности // Правоведение,

характеризующих субъекта в отдельных составах (повторность, рецидив, специальный субъект). Кроме этого, характеристика личности виновного определяется и другими элементами состава (субъективной стороной, объективной стороной). Можно сказать, что общественная опасность виновного как бы разлита по всем элементам состава».¹⁷⁵

¹⁷⁵ *Н. С. Лейкина*. Некоторые вопросы значения личности преступника по советскому уголовному праву // Межвузовская научная конференция «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма» (тезисы), изд. ЛГУ, 1961, стр. 74. См. также: *Н. С. Лейкина*. Развитие уголовного законодательства и вопросы личности преступника // Межвузовская научная конференция «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма» (тезисы), Харьков, 1961, № 2. 1962, стр. 183–184.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.